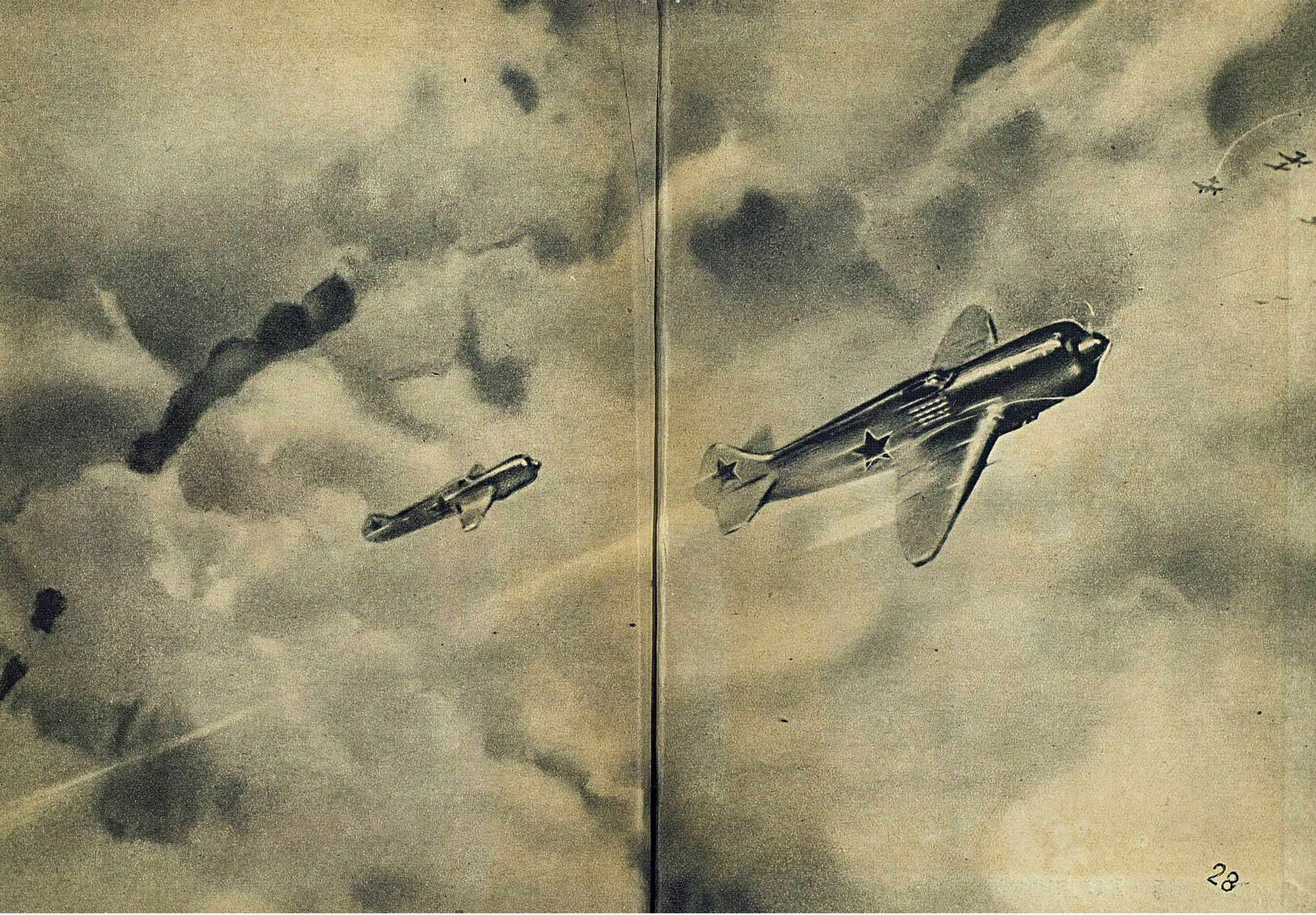
ИВАН КОЖЕДУБ

СЛУЖУ РОДИНЕ

Детгиз · 1950

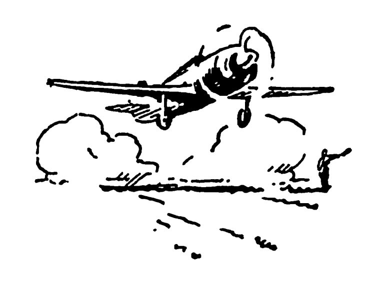

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ИВАН КОЖЕДУБ

Трижды Герой Советского Союза

СЛУЖУ РОДИНЕ

РАССКАЗЫ ЛЕТЧИКА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

Литературная редакция
А. ХУДАДОВОЙ

Рисунки К. Арцеулова

Оформление Н. Шишловского

Ленинско-Сталинскому комсомолу,
воспитавшему меня,
посвящаю эту книгу.

Автор

Часть первая

В РОДНОЙ ОБРАЖЕЕВКЕ

1. ДОМА

В нашем дворе растут два молодых тополька-однолетки. Их посадил отец. Лет пяти, помню, я уже карабкался по ним. Взберусь на самую верхушку и смотрю по сторонам: вижу крышу нашей хаты и широкую кривую улицу, вдоль улицы — канавы, которые весной заливает вода. Через них перекинуты мостки. У околицы — два небольших озера, заросших осокой. Мимо берёзовой рощи — дорога, обсаженная вербами. Вдаль, к опушке сосновых лесов, уходят поля, а с севера, к Десне, — заливные луга.

Ширь и приволье!

Вдруг слышу испуганный голос матери:

— Сынок, держись, не упади! Слезай осторожнее!

Она подбегает к дереву, и я нехотя спускаюсь.

— Ах ты непоседа! На тебя не успеваешь шить рубашки и штаны. Будешь ещё лазить — я отцу расскажу.

Живо слезаю с дерева: отца побаиваюсь.

Смеркается. Вся наша семья за столом. Ужинаем. Я загляделся на брата Гришу: он исподтишка строит мне рожи; несу ложку мимо рта — на столе мокрая дорожка. Вдруг отец меня своей ложкой по лбу:

— Не шали!

Глотаю борщ со слезами.

— Да он ещё маленький, больше не будет, — говорит мать, незаметно подкладывая мне кусочек повкуснее.

Наказание быстро забыто. Ноги у меня до полу не достают. Болтаю ими и нечаянно задеваю отца. Отец в таких случаях строг:

— Вон из-за стола! Сидеть не умеешь!

Обычно его светлосерые глаза добродушны, но когда он рассержен, их взгляд пронизывает и пугает.

— Я что тебе сказал?

Приходится лезть на печку. Обидно... Издали поглядываю на дымящийся борщ. Хочется есть...

Ужинать кончили. В хате одна мама. Она убирает со стола. Я прыгаю с печи:

— Мама, мама, есть хочу!

Она не может сдержать улыбку:

— А что отец сказал? Будешь шалить — ничего не получишь. Ну, садись, я тебе ужин оставила. Ешь, да быстрее, пока отца нет.

Отец коренаст, широк в плечах, его мозолистые кулаки кажутся мне огромными, и я уверен, что он сильнее всех.

Говорит он мало, но в душе мягок, отзывчив, старается помочь людям, чем может; это я понял, когда вырос. В детстве хотелось ему учиться, но не пришлось — школы не было. Грамоте выучился самоучкой.

Читать отец любил. Поэтому, вероятно, я и научился рано грамоте.

Наше село Ображеевка стоит на самом севере Украины, на Сумщине, между русскими деревнями, и говор у нас смешанный. Отец чаще говорил по-русски.

Мать и сестра — мастерицы вышивать, и вечера они проводят за этим занятием. Я сажусь рядом и рисую в самодельной тетради зверей и птиц. Отец читает, иногда одобрительно поглядывает на меня и в мою тетрадь. Ему хочется, чтобы я стал художником, как наш односельчанин — старик Малышок: ведь на росписи можно и подработать между делом.

Тихо. Вдруг раздаётся раздражённый голос матери:

— Никита, опять зачитался? Книжка тебе хлеба не даст!

Отец молча закладывает страницу и с виноватым видом принимается за починку домашней утвари.

У матери добрая улыбка и худое, болезненное лицо. Она плохо слышит, и когда со слезами жалуется на глухоту, мне её так жаль, что я сам начинаю плакать и хожу за ней следом. Она ловкая, проворная, всё время в движении — моет, убирает, стряпает. Но иногда бросит всё, упадёт на лежанку и застонет:

— Ой, Ивась, больно!..

И мне от её стонов самому словно больно. Хочется бежать из хаты, но удерживает тревога за мать: я её очень люблю. Не отхожу от неё, подаю пить, поправляю подушку.

Отец стоит рядом и тяжело вздыхает.

Мать надорвалась ещё до замужества: с детства на ней лежала непосильная работа. Родом она была из соседнего села Крупец. Встретились они с моим отцом случайно и полюбили друг друга. Дед хотел отдать дочь по своему выбору и прогнал моего отца, когда тот пришёл свататься.

Родители мои поженились тайком. Жили бедно. Отец стал работать на заводе. Семья росла, а вместе с ней и нужда.

Началась первая мировая война. Отец заболел тифом и долго хворал. Хозяйство развалилось.

После Великого Октября отец получил надел земли и лошадь, но поправить хозяйство уже не мог: здоровье его было сильно надорвано. Как-то, скирдуя сено, он упал с высокого стога; с тех пор прихрамывал, ходить ему было трудно, хворал ещё чаще.

Мать видела, что работать ему не под силу, но, случалось, попрекала:

— Из-за тебя сыны на кулака батрачат!

Я родился в 1920 году и был младшим в семье.

Моей сестре Моте было уже десять лет, и у неё появилась новая забота — нянчить меня. Характер у Моти ровный, спокойный, взросла она была не по летам, и всё же ей хотелось иной раз пошалить и порезвиться.

Мать бывало рассердится за что-нибудь на неё и непременно припомнит, как Мотя оставила меня раз у погреба во дворе, а сама убежала к подруге. Я заполз на погреб и скатился по лестнице. Погреб был глубокий. Мать услышала мой крик, решила, что я расшибся насмерть, и упала без сознания. Соседка вытащила меня: я был цел и невредим. Мать долго не могла оправиться от испуга, и моя сестрёнка пролила тогда немало слёз.

Был я невелик ростом, но очень крепок; не помню, чтобы хворал. А матери всё казалось, что я могу заболеть. Со мной она была особенно ласкова, и отец сердился, что она меня балует.

— Да ведь он у меня самый маленький! — оправдывалась мать.

С ней у меня связаны самые лучшие воспоминания детства и такое «событие», как первый выезд в город.

Отец и мать собирались в Шостку на ярмарку. Попросился и я, но отец ни за что не хотел брать. Я — в слёзы. Мать, конечно, заступилась, уговорила отца, и он нехотя посадил меня на воз, запряжённый кобылой Машкой.

Вот и город. Дома в два-три этажа, яркие вывески — глаза разбегаются. Пока родители ходят по ярмарке, я сижу на возу — разглядываю самое высокое здание на площади и удивляюсь: какие же большие хаты бывают!..

А иногда мать вечером скажет:

— Ну, Ваня, завтра пойдём в гости в Крупец!

И я всю ночь не могу уснуть. Вскочу чуть свет. Позавтракаем и выходим в поле. Набегаюсь, устану — начинаю хныкать. Сядем под дерево отдыхать. Я дремлю, а мама тихонько напевает песенку.

Подрастая, я стал дичиться матери: боялся, что ребята будут дразнить, назовут «маменькиным сынком». В детстве бывает такой ложный стыд.

Мама всё чаще прихварывала. Однажды, когда я, натаскав воды, хотел было бежать на улицу, она подозвала меня, грустно посмотрела и сказала:

— Что ты, Ваня, не подойдёшь ко мне, слова ласкового не скажешь?

Сердце у меня дрогнуло от чувства, похожего на жалость. До моего сознания вдруг дошло, как мне дорога мать.

Я долго сидел с ней, пока она сама не послала меня поиграть с ребятами.

С тех пор я ещё старательнее выполнял поручения матери. Играя с ребятами, часто забегал домой узнать, не нужно ли ей чего-нибудь. И бывал рад, когда подмечал, что она мною довольна.

2. НЕ ХОЧУ БОЯТЬСЯ

В детстве мне очень хотелось быть смелым, но не всегда удавалось сразу перебороть робость.

Была у нас бодливая, или, как говорили, «колючая», корова. Особенно она не любила маленьких. Как увидит меня — голову наклонит, наставит рога и прямо в живот целит-

ся. Я от неё удирать в надёжное место — на забор. Она постоит около, головой помотает и уходит не спеша.

Раз я не заметил, как она ко мне подошла. Оглянулся — стоит рядом, глаза вытаращила и рога наставила. Я закричал. Хотел на перекладину ворот вскочить, но не успел. Корова вот-вот прижмёт меня к забору! Осмотрелся — у забора стоят жерди. Схватил жердь, изо всех сил ударил корову по боку — куда слёзы и страх делись! — и как крикну:

— Ух, я тебе дам сейчас!

Корова шарахнулась и ушла.

С той поры я перестал бояться коровы. И всегда «нападал» первый.

Однажды в страду возле нас вспыхнул пожар. Пока сбегались сельчане, пламя охватило два дома. Его скоро затушили. Но я был так напуган криком, суетой и огнём, что само слово «пожар» долго наводило на меня безотчётный ужас. Через несколько лет начался пожар на соседней улице. Забили в набат. Я испугался, задрожал, но в это время отец крикнул:

— Ивась! Бери маленькое ведро, будешь воду таскать!

Я схватил ведёрце и побежал за отцом, забыв о своём ребячьем страхе.

Когда мне было лет шесть, я решил научиться плавать. Другие ребята, постарше, плавают — дай, думаю, и я попробую. Вошёл в деревенское Головачёво озеро и не успел шагу ступить, как с головой ухнул в ямину. Очнулся уже на берегу — сосед спас. За эту удаль меня дома наказали как следует.

Обидно было слушать, как приятели трунили:

— Что, Лобан, поплавал?

Как водится у ребят, было у меня прозвище — Лобан.

В то же лето я всё-таки научился плавать.

Вечерами, когда сельчане приезжали с поля, деревня наполнялась шумом и конским ржаньем. Ребята повзрослее водили лошадей в ночное. Я с завистью смотрел, как они с

гиканьем вскакивают на коней, засунув за пазуху краюху хлеба, и мчатся в луга.

Хотелось мне взобраться на нашу старую кобылу Машку, но она лягалась, храпела, и я отступал. Наконец я добился своего: подманил Машку куском хлеба, вцепился ей в гриву, подтянулся, вскарабкался на шею. Она рванулась, и я чуть было не упал. Подбежал старший брат и снял меня.

Прошло несколько дней, и как-то вечером отец подозвал меня и сказал:

— Сегодня поведёшь Машку в ночное.

Он вывел кобылу, и я кое-как влез на неё. Поехал. Со мной отправился соседский хлопец[1] Яша; он постарше меня, «опытный» конюх.

Приезжаем в луга — уже совсем стемнело. Лошадей отпускаем пастись, а сами подходим к куреню.

Куренем называется место ночлега конюхов в лугах. Всю ночь там горит костёр: кто греется, кто варит уху, сало жарит, картошку печёт, а кто сказки рассказывает.

Ребята играют в «очко» на спички, а старики уже спят. Вкусно пахнет ухой. С лугов тянет свежестью, в болотах квакают лягушки. Лошади с хрустом жуют сочную траву. Кричит ночная птица.

Тени у костра кажутся какими-то чудовищами.

Я знаю, что мне предстоит испытание. Обычай таков: новичок в ночном получает «крещение», чтобы не боялся волков и темноты.

Ребята, завидев нас, повскакали; проснулись и старики. Меня обводят несколько раз вокруг костра — это закон ночного. Потом дают котелок и посылают к речке по воду да велят дорогой коней посмотреть.

Итти в темноте по незнакомым местам страшно. Но не пойти — значит осрамиться, прослыть трусом.

---

[1] Хлопец (укр.) — мальчик, парень.

Вспомнились сказки про ведьм и русалок. Но и виду нельзя подать, что боишься. Как хочешь, а страх преодолевай.

Отхожу степенно, а потом не выдерживаю и несусь что есть духу. Добегаю до речки, глаза уже к темноте привыкли. Осматриваюсь, прислушиваюсь — никого. Тишина. И совсем не страшно. Набрал воды и иду к костру медленно, чтобы воду не расплескать, оглядываю по пути лошадей.

Старший куреня берёт у меня котелок:

— Молодец, полный донёс! Значит, не боялся. Лошадей смотрел?.. В ночном держи ухо востро да над товарищем не смейся, а то над собой заплачешь!

...Каждый вечер вожу Машку в табун. И достаётся же мне от неё! Кое-как приведёшь её в ночное, а домой ничем не заманишь. В село возвращаться приходится до зари — отец в поле выезжает рано.

Сам хлеб не ем, чтобы на него кобылу подманить. А она подойдёт, ломоть схватит, повернётся и норовит лягнуть — никак не подступишься!

Вот раз еду потихоньку с ночного. Пускать Машку во всю прыть побаиваюсь — сбросит. Въехал уже в деревню. Вдруг из подворотни выбежала собака и с лаем бросилась под ноги Машке. Кобыла вскинула ногами и понеслась. Я испугался, уцепился за гриву и кричу: «Тпру!.. Тпру!..» Куда там! И не думает моя Машка слушаться, вихрем летит по деревне. Еле её остановил.

После этого я всегда пускал её галопом.

Как-то отец поздно приехал с поля. Уже совсем стемнело, когда я отводил лошадь в табун. Решил ехать мимо кладбища, самой короткой дорогой. Ехал зажмурившись — накануне наслушался страшных россказней про русалок и ведьм. Возвращаюсь пешком той же дорогой. Иду быстро, чего-то побаиваюсь. Вдруг вижу — чьи-то глаза, как огни, горят. У меня по коже мороз прошёл, я пустился бежать: в первый раз ночью встретился с волком. Впопыхах не заметил, как добежал до кладбища. Пот с меня льёт, сердце колотится. Смо-

трю, из темноты идёт кто-то высокий, большой, в белом, длинной рукой помахивает, на меня надвигается. Ну, думаю, мертвец за мной гонится! Закрыл от страха глаза и бросился бежать, не замечая дороги. А самого любопытство разбирает: «Дай-ка посмотрю!» Поборол страх, остановился, посмотрел назад: большая белая лошадь хвостом машет. Мне стало смешно, что я испугался лошади, запел песню и не спеша зашагал домой.

3. ПЕРВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

С возрастом у меня появилось упрямство. Отец, человек наблюдательный и вдумчивый, сразу подметил эту наклонность. Он старался переломить её, незаметно приучая меня к трудолюбию, исполнительности и упорству в работе. И он добился того, что я привык к своим обязанностям в доме и никогда не увиливал от них.

Я ещё в школу не ходил, когда отец посадил за домом несколько груш, яблонь, слив. Он и меня заставлял работать: я рыл и таскал землю, вместе с ним ухаживал за молодыми деревцами, снимал червей, окапывал стволы. Когда деревья стали давать плоды, отец посылал меня караулить их. Я припасал рогатки, камни и, сидя под деревом, прислушивался к ночным шорохам, а самому страшновато было. Иногда отец подойдёт неслышно и, если я засну, разбудит:

— Заснул? Плохой из тебя сторож выйдет.

Когда я вырос, то спросил отца, зачем он это делал, ведь воров не было. Он засмеялся:

— А как же иначе! Ты у меня меньшой, я тебя и приучал с детства ко всякому труду. Я хворал, старел и думал — осиротеешь рано...

Постепенно обязанностей у меня по дому становилось всё больше.

Летом с утра до обеда таскаю воду для поливки огорода:

наполняю целую бочку, чтобы она не рассохлась, — это моя норма. Несу полные вёдра на коромысле бережно, как молоко, а сам чуть повыше ведра. Колодец метрах в ста от дома; устанешь, пока с водой дойдёшь. Пасу телёнка на лугу. Нас собирается много ребят, и мы бродим по траве среди кустов с утра до вечера. Зорко следим за телятами, смотрим, чтобы они в посевы не зашли, не напортили. Если они туда заберутся, то порки не миновать. Иной раз надоест пасти, вскочишь телёнку на спину и наездишься вдоволь.

Зимой я ездил с отцом по дрова. Отец срубает сухие ветки, а я их таскаю к саням. Отец кричит: «Смотри осторожнее, глаз себе не выколи!» За отцом не поспеваю, и он сам принимается укладывать ветви на сани. Туго увязывает их, подсаживает меня на воз, приговаривая: «Держись, Ваня, не упади...» Лошадь трогает; отец шагает рядом, сбоку, — он не садится, чтобы было полегче нашей кобыле. Дома складываю ветви клетками — надо их подсушить.

По утрам чищу картошку для всей семьи, подметаю в хате. Зимой вытираю воду с подоконников, чтобы они не загнили, — отец непременно проверит, сухо ли.

Улицу нашу, с одной стороны открытую для ветра, сильно заносит снегом. Во дворе разгребаю дорожки — от крыльца и ворот к сараю, погребу.

Днём прибегают ребята и зовут играть. Слышу, кричат:

— Иван! Выходи!

Иной раз еле удержишься, чтобы не бросить всё и не побежать на улицу.

4. УЧЕНЬЕ

Читать я научился незаметно. Набегаешься днём, наиграешься, наработаешься, а вечером сидишь за столом, фантики — конфетные обёртки—перебираешь и находишь знакомые буквы.

Сижу тихо, как мышонок, чтобы спать не послали. К шести годам, вот так играя, научился я читать и рисовать.

...Утро. Первый день учебного года. Стою на улице и смотрю с завистью на ребят-школьников: я ещё мал. Выходит из ворот соседский хлопец, Василь, мой приятель:

— Пойдём в школу, Ваня, я тебя запишу.

Я так обрадовался, что даже не попросил позволения у родителей и побежал за ним.

Бегу — а сам трушу: вдруг учительница откажет? Говорили, что Нина Васильевна — строгая, но ребята её любили.

Входим в светлый, высокий класс. Больше всего мне понравилась классная доска. «На ней славно рисовать можно», подумал я. Парты блестят, ребята одеты по-праздничному.

Учительница уже сидит за столом. У неё молодое, доброе лицо, гладко зачёсанные чёрные волосы. Потом я заметил, что когда она недовольна или огорчена, на лбу между бровями у неё появляется глубокая прямая морщинка.

Василь подходит к ней и, указывая на меня, говорит:

— Нина Васильевна, он читать умеет, я его привёл в школу.

Она ласково улыбнулась и внимательно посмотрела на меня:

— Ну, подойди, малыш, к доске, напиши буквы, какие знаешь.

Встав на цыпочки, я старательно вывел буквы.

Учительница дала мне букварь. Сначала я запинался, а потом бойко прочёл какой-то рассказ.

Нина Васильевна записала моё имя, фамилию, возраст и сказала:

— Ты ещё мал, но всё же я беру тебя в первую группу.

Я не помнил себя от радости.

Наступила зима, завалило улицы снегом, начались вьюги и морозы. Ходить в школу было далеко, но я вставал рано — всё боялся опоздать — и почти всегда приходил первый. В классе сидел смирно: заметил, что когда всё прослушаешь, от слова до слова, то потом урок выучить легко.

В школе была объявлена война грязным тетрадям и книгам: Нина Васильевна строго следила за тем, чтобы они были в порядке, и я привык их беречь.

Однажды утром был сильный мороз. Ветер завывал в трубе. Я проснулся. Смотрю — совсем темно, но мать уже встала и топит печь. Она меня не разбудила: решила, что в такой мороз нечего мне итти в школу. Я со слезами упросил её отпустить меня.

На улицах ребят не видно. Мчусь что есть силы в школу. Прибегаю. На снежной дорожке — ни одного следа. В окнах темно, из трубы вьётся дымок. Поднялся на крыльцо — дверь заперта. Ну, думаю, опоздал! Мне стало так обидно, что я заплакал.

Вдруг дверь открывается и выходит Нина Васильевна. Одной рукой платок на голове придерживает, а другой обняла меня:

— Зачем ты в такой мороз пришёл? Ведь мы сегодня не учимся.

А я всхлипываю и молчу. Учительница вытерла мне слёзы и повела к себе.

Она сняла с меня курточку, шапку и вдруг испуганно воскликнула:

— Да у тебя ухо обморожено!

Выбежала во двор, принесла снегу и стала оттирать мне ухо, пока оно не начало гореть. Потом усадила к столу, принесла горячего чаю и конфет.

Я совсем успокоился, пью чай и вокруг поглядываю. В комнате у Нины Васильевны я впервые. С удивлением смотрю на книжную полку: столько книг я никогда не видел.

Когда я кончил пить чай, Нина Васильевна посадила меня возле печки и дала большую книгу с картинками. Сейчас я уже не помню ни картинок, ни заглавия книги, помню только, что мне было очень хорошо у нашей учительницы. С того дня и началась моя дружба с ней. Я часто потом бывал у неё и перечитал много книг.

Учился я с увлечением, с утра до вечера пропадал в школе. Но вот однажды перед летними каникулами прихожу домой, отец подзывает меня и говорит:

— Я болею, Ваня. Надо тебе прирабатывать. Придётся уйти, сынок, из школы. Определил тебя подпаском к дяде.

Я — в слёзы. Отец нахмурился. Ему не хотелось, чтобы я школу бросал, но заставляла нужда. И пришлось мне наутро отправиться в соседнюю деревню, где дядя работал пастухом.

Школу никак не могу забыть. Днём ещё ничего — забегаешься, отвлечёшься, а вечером не находишь себе места. Первые дни дядя строго следил за мной, не отпускал ни на шаг. Но через две недели он послал меня после обеда пасти несколько коров на выгонах у деревни, а сам погнал стадо в луга.

Вижу, коровы мои в безопасности. Осмотрелся — никого кругом нет. И недолго думая побежал домой.

Отец уже спал. Я разбудил его:

— Что хочешь, папаша, делай, но возьми меня обратно.

Отец, ни слова не говоря, слез с лежанки, снял со стены верёвку и крепко меня выпорол. За самоволие. Я даже не заплакал. И отец сдался:

— Ничего, видно, не поделаешь. Учись!

В то же лето отец сказал мне:

— Денег у меня нет. Если хочешь купить карандаши да краски — сам заработай. Вон кулак с нашей улицы созывает малых ребят на очистку двора. Может, что и даст.

Кулак жил неподалёку от нашей хаты, был очень богат и, как все кулаки, славился жадностью. Мои старшие братья батрачили на него. Колхоза тогда ещё не было.

Нанялся и я к нему. С утра до темноты убирал двор: таскал навоз, мёл, скрёб. За целый день мне не дали ни кусочка перекусить; недаром говорит старинная поговорка: «От богача не жди калача».

И уплатил мне кулак за всю работу... одну копейку.

Во мне кипела злоба. Я решил, что больше не буду

батрачить на ненавистного богатея. Но семья у нас была большая, отец болел. И я опять пошёл к кулаку. Целый день гонял на молотилке лошадей по кругу. К вечеру устал, проголодался, но был доволен: на конях накатался вволю и денег, верно, заработал — уж на этот раз, думаю, кулак проклятый заплатит получше.

Как же я был разочарован, как возмущён, когда за весь день работы на току получил кусок хлеба с тухлыми шкварками! Я швырнул подачку, повернулся и ушёл.

5. ГОРЯЧИЕ ДНИ

По вечерам к нам часто заходил наш сосед, большой друг отца, Сергей Андрусенко. Человек он был замечательный — партизан гражданской войны, крепкий большевик, неугомимый сельский активист. Я его очень любил. Шутки и прибаутки у него с языка не сходили, но больше всего нравились мне его рассказы о ратных делах, о стойких и отважных партизанах, о боях с врагами Родины. Как сейчас вижу его моложавое загорелое лицо, живые, выразительные глаза. У него военная выправка, и хоть он не особенно высок, но вид у него внушительный. А рассказывает он, как никто. Я готов слушать его часами. Когда он кончает рассказ, упрашиваю его:

— Ну ещё, дядя Серёжа!

Он улыбнётся, ласково потреплет меня по голове и, если не спешит, непременно расскажет ещё какой-нибудь интересный случай из своей жизни.

Таких людей, как Сергей Андрусенко, в нашем селе было немало. Все они горячо поддерживали колхозную перестройку деревни.

Помню многолюдные сходки, пламенные речи бывших партизан, оживлённые разговоры на улицах, не замолкавшие до полуночи, и взволнованные слова отца: «Теперь у людей

открылись глаза — поняли, что кулак на батрацком труде наживается». Помню радостные лица моих односельчан после собрания, на котором было постановлено организовать колхоз и назвать его «Червоный партизан» [1].

На селе было много комсомольцев-активистов; они деятельно помогали коммунистам и колхозному активу проводить такое великое преобразование деревни, как коллективизация.

Мой брат Александр, активист-комсомолец, целые дни проводил в сельсовете, в поле, на сходках. Он одним из первых записался в колхоз и стал работать там счетоводом. Приходил поздно, нагруженный бумагами, работал долго, и я сквозь сон слышал, как он щёлкает на счётах и рассказывает отцу о событиях дня.

С рассветом Сашко уже бывал на ногах. По дороге в правление колхоза он часто заходил к коммунисту Максимцу, который жил неподалёку от нас, и советовался с ним, как со старшим товарищем.

Как-то иду с ребятами из школы. Смотрю — по улице тянется вереница телег. В гривы лошадей вплетены ленты, а на свежевыкрашенных дугах большими красными буквами выведено «ОКЧП» — ображеевский колхоз «Червоный партизан». Мы, конечно, побежали вслед за телегами. Колхозники подсадили нас, и мы важно проехали по всему селу. В этот день были организованы колхозная конюшня, колхозный двор.

Стал достоянием колхоза и большой яблоневый сад, расположенный посреди села за высокой оградой.

Сад — краса нашей деревни. Его видно издали, с полей и лугов. Особенно он хорош весной, когда цветут яблони. До революции это было небольшое дворянское поместье, но и после долго ещё садом пользовался родственник помещика.

Бывший барский дом, обвитый хмелем и диким виноградом, с бассейном перед парадным входом, был отремонтирован. Здесь разместилось правление колхоза.

---

[1] «Червоный партизан» (укр.) — «Красный партизан».

Народ шёл в колхоз дружно, но всё же нашлось несколько продажных душонок, которых кулаки, затаившие зло против советской власти, смогли подкупить. Они покушались на жизнь активистов, подготовляли и ограбление колхозной лавки.

То были тревожные дни. Мать беспокоилась за Сашко. Говорили, что у бандитов есть оружие. Всё село поднялось на борьбу с ними. Была организована облава. Одного бандита удалось поймать быстро, а другой скрылся в жито. Сельчане помчались по его следам. Я в это время стоял с мальчишками у околицы. Вижу, по огороду бежит Максимец с ружьём. Мне почему-то сразу вспомнились рассказы дяди Сергея о партизанах, и, забыв о том, что нам, ребятам, строго наказано в эти дни не выходить за околицу, я бросился за Максимцем. Подбежал к роще. Там стояло несколько комсомольцев. Не успел кто-то из них крикнуть мне: «Куда ты, хлопец, отправляйся обратно!», как раздалась стрельба. Один из комсомольцев взобрался на дерево для разведки. Мимо него просвистела пуля. Это отстреливался бандит, которого обнаружил Максимец. Потом всё стихло, и я увидел Максимца и ещё двух сельчан: они тащили за собой угрюмого детину с вороватыми, злыми глазами.

У нас, ребятишек, в ту пору настроение было воинственное: мы играли в войну, облаву и мечтали поймать настоящего бандита. Я с нетерпением ждал писем от старшего брата Якова — он служил в пограничных войсках в самом южном районе нашей страны, в Кушке. Он писал о борьбе с нарушителями границы. Отец вслух по многу раз подряд читал его письма родственникам и соседям. И дядя Сергей Андрусенко после этого всегда вспоминал боевые дела в гражданскую войну. Настоящий праздник был дома, когда брат Яков прислал свои фотографии. Он стал неузнаваем: в ладно сшитой красноармейской шинели, возмужавший и, главное, с саблей в руках. Я не мог глаз отвести от этой сабли.

...После того как Максимец поймал бандита, я ходил по

пятам за ним и за комсомольцами-активистами. Недели две спустя из района приехали агрономы. Сельчане вышли с ними в поле на митинг. Побежал и я.

Вдруг Максимец оглянулся и подозвал меня:

— А ну-ка сбегай за Ниной Васильевной да зайди в сельсовет — скажи, что через час приду на собрание.

Я помчался со всех ног. Прибежал, запыхавшись, в школу. Нина Васильевна улыбнулась, глядя на меня, и сказала:

— Да ты у нас связным сделался!

Комсомольцы часто давали нам, ребятам, поручения, и мы наперегонки бежали их выполнять.

И как я был рад и счастлив, когда вскоре на том самом току, где я гонял лошадей кулака, заработала молотилка нашего колхоза «Червоный партизан»!

6. НОВАЯ ЖИЗНЬ НА СЕЛЕ

Прошло несколько недель после того, как у нас организовался колхоз. Однажды вечером брат Сашко сказал мне, что у нас в селе будет клуб. Когда я пришёл в школу, все ребята только об этом и говорили. Через несколько дней наши сельчане поехали за строительными материалами. Работа закипела.

В сумерках, когда рабочие уходили, мы, ребята, бегали на постройку и играли там в жмурки. Пахло стружкой, в окна заглядывал месяц, на землю от брёвен ложились тени. Всё это нам очень нравилось, и мы неохотно шли домой.

Строительство клуба было большим событием на деревне. Все с нетерпением ждали его открытия. Я тогда впервые услышал слово «сцена» и каждый день бегал на стройку и смотрел — много ли сделано. Мне всё казалось, что работы идут медленно.

Но ещё больше радовало всех, что наше село будет электрифицировано. Зимой по вечерам мы сидели с коптилками,

а ещё совсем недавно и с лучиной. Так велось издавна. И вдруг — электрический свет! У нас будет большой, залитый светом клуб, в хатах загорится лампочка Ильича, а на току будет молотить электрическая молотилка!

Наконец в село привезли столбы. Из района приехали электромонтёры, техники. Весело, споро пошла работа!

Мы, ребята, суетились больше всех. В школе засыпали учительницу вопросами, и она терпеливо, подробно объясняла нам, как проводят свет, как вырабатывается электроэнергия.

Долгожданный день наступил — ток включён! В хатах светло, уютно, а из школы так бы и не выходил — хорошо там стало! Сельчане ликовали.

В том же году, за несколько дней до Октябрьских праздников, у нас организовался пионеротряд. В ясное, солнечное утро мы до уроков выстроились в школьном дворе, и Нина Васильевна рассказала нам о пионерах, о том, что пионер, борец за дело Ленина—Сталина, должен быть примером для всех ребят. Слова учительницы, которую я любил и уважал, запали мне в сердце. И меня охватило какое-то удивительное, незнакомое до тех пор чувство.

Я очень волновался, давая торжественное пионерское обещание. Произносил слова обещания с тем подъёмом, который свойствен человеку — и юному и взрослому — в торжественные минуты его жизни.

Вожатый повязал мне пионерский галстук. Я был горд и счастлив.

С пионерским галстуком я не расставался. Перед сном тщательно складывал и прятал его под подушку. Ночью просыпался и смотрел — тут ли он.

Накануне праздника Великого Октября — к этому дню было приурочено открытие клуба — уроки в школе кончились рано. Мы побежали домой, переоделись и собрались у клуба. На нас праздничные, вышитые рубашки. Пионерские галстуки отглажены и аккуратно повязаны. Мы обступили окна клуба и прижались носами к стёклам. Клуб ярко освещён и перепол-

нен. Нам видны на стенах портреты Ленина и Сталина, лозунги, картины, украшенные зеленью. Принарядился сегодня и вожатый — наш сельский комсомолец. Пуговицы на его военной гимнастёрке (он её надевает в особо торжественных случаях) начищены до блеска. Он вводит нас в зал, и мы чинно рассаживаемся по скамейкам — они оставлены для нас. На сцене незнакомый мне человек — докладчик. Мы сидим тихо, только иногда подталкиваем друг друга локтями и перешёптываемся: «Хорошо-то как!»

Доклад окончен, и мы хлопаем вместе со взрослыми так, что ладони горят. Потом гости, приехавшие из районных организаций, поздравляют нас с великим праздником Октября, поздравляют с открытием клуба. У всех настроение радостное, приподнятое.

Вдруг свет погас и ярко осветился экран. Я не помню названия кинокартины — в ней была показана колхозная жизнь: всё было близко, понятно. Картина мне до того понравилась, что я несколько дней просто бредил ею.

К нам стали часто приезжать лекторы, артисты, докладчики, давал спектакли кружок самодеятельности при клубе. В школе были организованы хоровой и драматический кружки; ими руководили наши учителя. Художник Малышок нарисовал декорации для наших школьных постановок. На сцене стояли деревья, кусты, хаты. Но особенно нравился всем расписной, узорчатый занавес.

Мы долго готовились к первому выступлению. Сами рисовали, красили, мастерили. На спектакль пришли деды, отцы и матери. И нам хлопали не меньше, чем настоящим артистам.

7. НАШ ПИОНЕРОТРЯД

Меня избрали членом редколлегии школьной газеты. И с той поры до окончания семилетки я оформлял школьную и классную стенгазеты, рисовал лозунги и плакаты.

Перед выпуском газеты мы целыми вечерами просиживали в классе: кто готовил заметку, кто вырезывал и наклеивал иллюстрации. Было тепло, уютно.

Нина Васильевна сидела тут же за столом и поправляла наши тетради. Работали тихо, чтобы ей не мешать. Иногда она, взглянув на часы, скажет:

— Поздно уже, кончайте: вам ещё уроки готовить.

А мы отвечаем ей её же словами:

— Раз обещал — надо выполнить.

Учительница засмеётся, погрозит пальцем и опять сядет за тетради или объявит перерыв, чтобы прочесть нам статью из газеты или рассказ. Она часто читала нам стихи Пушкина, Шевченко, Маяковского.

Наступает весна. Однажды после уроков Нина Васильевна говорит нам:

— Ребята, давайте возьмём шефство над колхозным садом. На правлении говорили, что его надо привести в порядок. А время сейчас горячее, начинаются полевые работы. Колхозники нам будут очень благодарны. Садовод вас поучит, как ухаживать за деревьями, и я вам об этом почитаю. Согласны?

Мы хлопаем в ладоши:

— Конечно, согласны, Нина Васильевна!

Учительница идёт с нами в колхозный сад. Там в сарае сложены резцы, лопаты, весь инвентарь.

На старых яблонях почки ещё не распустились. Сад запущен: сухие ветви мешают молодым побегам.

Мы разбиваемся на бригады: одни расчищают дорожки, другие срезают попорченные ветки.

Залезаю на высокую сучковатую яблоню и срезаю отмершие ветки. Ножницы большие, с пружиной, с ними трудно управляться. Но мне нравится, как они звонко лязгают, откусывая ветку. Нина Васильевна и старик-садовод подходят то к одному, то к другому и указывают, какую ветку надо срезать, а какую — не трогать. Сучья сжигаем там же, в саду. Собираем червей, чтобы не поели лист.

В несколько дней сад был приведён в порядок. Мы следили за ним всё лето. И не только одно лето: с тех пор мы стали помогать садоводу ежегодно. Сад разросся и поправился. И когда осенью ветви гнулись под жёлтыми и красными наливными яблоками, когда колхоз собирал обильный урожай, на душе становилось весело. И нам немало перепадало из сада.

После дождей посевы поросли сорными травами. Наш отряд выходит в поле. Раннее утро. Тепло, но не знойно. Тщательно выбираем сорняк, отбрасывая его подальше от посевов.

Солнце начинает припекать.

— Кончайте, ребята, становится жарко. Идёмте к речке, обсудим наш поход в совхоз, — предлагает Нина Васильевна.

И мы гурьбой мчимся на берег, где так хорошо пахнет дикими травами. Садимся вокруг учительницы. Рядом со мной — мой закадычный друг Иван Щербань. Он смелый, весёлый хлопец, хороший физкультурник. Иван рано лишился отца и ведёт дома всё хозяйство. Тут и Володя Латковский. Я люблю бывать у него дома: его сестра — учительница и у них много книг. Вот и горбунок Ивась, хилый мальчуган. Он живёт на окраине деревни, часто болеет, но занятий в школе не пропускает и изо всех сил старается наравне с нами работать в колхозе...

Все дела обсудили. Нина Васильевна возвращается в деревню, а мы остаёмся. Долго со смехом и криками плаваем в прохладной речной воде. Вдоволь накупавшись, торопимся домой обедать.

...Недели через две после работы на колхозном поле мы отправились за пятнадцать километров в совхоз на прополку сахарной свёклы. Было чудесное, тёплое утро. С песнями незаметно прошли пятнадцать километров по полям и перелескам.

Стараясь не задеть ни одного свекловичного стебля, полол я свою полоску. Мне казалось, что я делаю большое, обще-

ственно важное дело. Всем отрядом мы пропололи не один гектар свекольного поля.

Ежегодно по нескольку раз мы приходили в совхоз. Нас встречали очень приветливо:

— Пионеры пришли!.. Угощенье готово — поешьте, передохните, а там и за работу!

Работали с увлечением, соревнуясь, чьё звено перевыполнит норму. День проходил незаметно; идёшь бывало с работы усталый, но довольный.

На бескрайных полях, засеянных сахарной свёклой, рожью четырёхгранкой, коноплёй, на приволье, под солнцем, накапливали мы силы, приучаясь к коллективному труду.

Каждое лето во время сенокоса наш отряд жил недели по две в заливных лугах. Мы помогали колхозникам: ворошили душистую траву, а когда она высыхала, подавали к стогам, на возы; разводили костры, чистили картошку, таскали воду.

В полдень, в самый зной, мы вместе с колхозниками ходили на речку Ивотку купаться и отдыхать.

Мы брали с собой газеты, брошюры, и вечером к нашему костру подсаживались колхозники. Начнёшь читать вслух. Вокруг так тихо, что думаешь: уж не уснули ли все? Посмотришь — нет, слушают внимательно. И старики и молодёжь.

Сначала, когда приходила моя очередь читать, я робел, но потом привык и даже гордился тем, что меня слушают взрослые. Я уже понимал, что делаю полезное дело. Бывало кончишь читать газету — и тебя просят: «Ещё, сынок, почитай!» И вопросы задают. На вопросы, конечно, отвечал не я, а комсомольцы или учительница. В чтении и разговорах незаметно подходила ночь...

Идём полем в совхоз. Заколосилась рожь. Ветер развевает душистую пыльцу.

Вдруг Нина Васильевна останавливается и говорит:

— Ребята, а помните, какие клочки земли были здесь ещё совсем недавно? Вон там была земля кулака, и ваши отцы и братья батрачили на него. А тут была целина. Смотрите,

какая теперь на ней рожь! И всё это — наше коллективное добро, гордость наша!.. Вот подождите, осенью тут заработает колхозная молотилка — вы увидите, как это будет интересно.

И правда, раньше поле было словно в неровных заплатах, а теперь по обе стороны дороги сплошной высокой стеной стояла рожь. Мы долго любовались величественной картиной земли, на наших глазах обновлённой коллективным трудом...

Осенью выходим в колхозное поле собирать колоски. У каждого — своя полоса. Ползаю по земле. Колос за колосом — набит почти целый мешок. На моей полосе выбрано всё. Принимаюсь за новую.

— Ребята! — кричит вожатый. — Кончайте, уже за колосьями телегу из колхоза прислали!

Мне хочется собрать всё, до колоска. Только подумаю: «Ни одного не осталось!» — смотрю, ещё колос. Оглянулся — вижу, несколько ребят копошатся: видно, им тоже не хочется бросать полосу.

Свой мешок я еле дотащил до воза.

8. ХОЧУ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ

После того как я самовольно вернулся в школу, убежав из подпасков, отец стал требовательнее относиться к моему ученью, ежедневно проверял отметки и домашние задания. И случалось, он сердито говорил:

— Перепишешь упражнение — небрежно сделал.

Иногда приходилось переписывать по два-три раза.

В четвёртой группе я получил за полугодие «отлично» по всем предметам.

В первый день каникул, вернувшись из школы домой, я увидел на столе разноцветные открытки. Кинулся их рассматривать:

— Это откуда, папаша, кому?

— Тебе за успехи. Перерисовывай. Я тебе и красок купил.

Малышок обещал: кончит срочную работу — и поучит тебя. Ну-ка, попробуй!

— Пусть поест сначала! — перебивает мать.

Я наскоро ем и сажусь за рисование.

— Мать, иди-ка посмотри, как у него лошадь получилась, — говорит отец.

Он доволен. Доволен и я.

Отец любит природу, знает повадки зверей и птиц, по своим приметам угадывает погоду. Он складывает стихи и по вечерам подолгу слушает пение девчат, собравшихся на улице. Ему нравится, что я могу рисовать всё, с чем он так свыкся: хату и поле, рощу и стадо.

Моими рисунками он простодушно гордится, хотя и не подаёт виду. Собираясь в гости в соседнюю деревню, отец говорит словно между прочим:

— А где, сынок, твои картинки, что вчера сделал? Дай-ка сюда.

И несёт их в подарок.

— Кончишь школу — пойдёшь учиться рисовать, — часто повторяет он.

И я привыкаю к мысли, что буду художником.

Я подолгу смотрел на картины Малышка, украшавшие клуб. Удивлялся: вблизи мазня, а отойдёшь подальше — всё оживает.

Художник Малышок был немолод, сутуловат и всегда замазан красками. Когда он работал в клубе, нас туда не пускали. Говорили, что он чудаковат: не любит, чтобы смотрели, как рисует.

Его картины я отлично помню. Может быть, они и не были так хороши, как мне тогда казалось, но я ими восхищался. Особенно мне нравились пейзажи — виды окрестностей нашего села. Я их подолгу рассматривал. И мне очень хотелось научиться рисовать маслом.

Я говорил отцу:

— Ты ведь обещал, папаша, что Малышок меня поучит.

— Он скажет, когда можно будет. Хворает сейчас. Сходи, сам узнай...

Но я так и не отважился пойти к нему: он внушал мне какую-то робость.

Малышок умер, когда я перешёл в пятую группу. Так и не удалось мне поучиться у него. Долго вспоминал я художника-самоучку.

Рисование выработало у меня глазомер, зрительную память, наблюдательность. И эти качества пригодились мне, когда я стал лётчиком.

9. В КЛАССЕ

Группа у нас была дисциплинированная и дружная. Мы вместе и работали и учили уроки. Ссорились редко. Но был у нас один озорной хлопец — Сергей. Я его невзлюбил за то, что он дразнил, обижал горбунка Ивася, доводил до слёз. Мне это не нравилось. Частенько у нас с Сергеем дело чуть до драки не доходило. Драться, конечно, мне случалось, и нередко, но где-нибудь на улице, а не в школе. Но однажды я изменил этому правилу.

Я сидел уже за партой, а учительницы ещё не было в классе. Вошёл Ивась. Он, видно, был нездоров и еле перемогался. Сел на своё место. А Сергей подскочил к нему и ни с того ни с сего ударил по уху. Ивась жалобно закричал, схватился за голову и упал на парту. Тут я не стерпел, у меня даже потемнело в глазах от злости. Бросился на Сергея, мы сцепились в клубок и стали кататься по полу у самого стола учительницы. Я хотя и был поменьше ростом, но оказался сильнее. Только я собрался сесть на Сергея верхом, как вдруг дверь открылась и вошла Нина Васильевна. Мы вскочили. Стою ни жив ни мёртв. Стыдно мне, что в классе подрался.

— Он не хотел, Нина Васильевна! Он за Ивася вступился! — закричали ребята.

Нина Васильевна строго велела всем сесть за парты, а по-

сле урока поговорила с нами по душам о дружбе и долге пионера.

Этот случай надолго остался в моей памяти.

В следующую субботу Нина Васильевна собрала нас и сказала:

— Ребята, у нас в классе есть отстающие. Вот, например, Гриша Вареник не в ладах с арифметикой. Кто ему поможет?

Василь, я и ещё несколько ребят — все мы учились неплохо — подняли руки.

Учительница посмотрела на меня:

— Вот, Ваня, ты с ним и займись. А вы, ребята, подтяните отстающих по другим предметам.

После уроков мы теперь оставались в школе. Мой «ученик» оказался непоседой. Бывало только начнём заниматься, а он, глядя в окно на волейболистов, заявляет:

— Ну, давай кончать. Я всё уже понял.

Но я был упрям: сам не вставал из-за парты и его не пускал, пока не убеждался, что он действительно понял.

Занимаясь с ним, я закреплял и свои знания. Видел, что Гриша тоже постепенно начинает любит арифметику: не уйдёт, пока не сделает все уроки. Мне так нравилось заниматься с отстающими, что я даже подумывал — не стать ли учителем? Но в то время я всё чаще и чаще мечтал стать в будущем военным.

Пристрастие ко всему военному — очевидно, тут было и влияние рассказов дяди Сергея — особенно выросло у меня после того, как вернулся из армии, с Кушки, мой старший брат Яков. Он возмужал, стал держаться уверенно, свободно.

Первые дни я от него не отходил — куда он, туда и я. Из школы спешил домой: всё боялся пропустить рассказы Якова о пограничной службе, о борьбе с бандитами — нарушителями границы. Мне очень хотелось надеть его форму — френч и сапоги. Но я был мал и, когда пробовал примерить, «тонул» в его обмундировании.

10. НА РЕКЕ

В тот год широко разлились по лугам Десна и Ивотка. Вышло из берегов Вспольное. Целое море подступило к нашей деревне.

Вода спадала медленно. Островками выступали бугры, и на них буйно росли щавель и дикий лук.

Утром мы с Андрейкой, соседским мальчиком, захватив большие холщёвые сумки, отправились за щавелём к Вспольному. Бродим по лугу — и всё нам щавель не нравится. Рассказывали, что у самой Десны на островках он уж очень хорош и сочен. Вдруг видим — несколько ребят волокут по берегу лодку и спускают её на воду. Мы начали кричать, чтобы они нас подождали. Но ребята поплыли одни. Смотрю: на отмели валяется затопленный челночок, в песок зарылся — видно, его прибило.

Мы живо вытянули лодку на берег, перевернули её, чтобы воду вылить.

Вёсел у нас, конечно, не было. Мы отыскали на берегу шесты покрепче, спустили лодку на воду, оттолкнулись и стали шестами грести. Чуть отплыли — лодка дала течь. Гребу один, а мой приятель солдатским котелком черпает воду со дна. Подплываем к лодке. Там Василь — крепкий, сильный паренёк, Проня — моя одноклассница, и ещё несколько ребят.

Они над нашим челноком потешаются:

— Глядите-ка, кто за капитана! Шестами как подгребает!

Мы отшучиваемся и поём песни, словно наша лодка без изъяна.

Вот и островок. Причалили, выскочили на берег. Далеко раскинулась водная гладь, не окинешь глазом. На островке зелено, привольно. Мы бросились наперегонки рвать щавель.

Набегались досыта, набрали по целой сумке щавеля — запасов на целую неделю хватило бы. Не заметили, как поднялся ветер, вода разбушевалась, появились барашки.

Мы побежали к лодке. Смотрим — наш с Андрейкой чёлн до краёв полон. Видно, надо всем в одну лодку грузиться.

Побросали в лодку сумки, кое-как разместились и поплыли. Лодка глубоко сидит в воде — борта выходят всего лишь на пол-ладони. Стало страшновато.

Плывём медленно. Лодку швыряет из стороны в сторону. Того и гляди, перевернёмся.

Чёрная туча скрыла солнце. Ветер так и рвёт. Дрожим от страха и холода.

Порыв ветра — и лодка чуть не зачерпнула. Второй вал покрыл нас с головой. Лодка опрокинулась. Но у нас под ногами оказалась земля. Выбрались из-под лодки, ухватились за борта. Василю, самому высокому, вода по грудь, а нам всем — по шейку.

Мы начали изо всей силы кричать:

— Спасите, спасите!

Волны и ветер с ног валят. Барахтаемся в воде, как щенята.

Василь и я стараемся удержать лодку. Её тянет и сносит течением. Уговариваем остальных:

— Держите чёлн, не толкайтесь, а то нас сдует!

Волны перекатываются через головы. Начинаем захлёбываться.

Берег довольно далеко, но нам видно, как там суетятся ребята. Приметили нас, волнуются.

Вот мимо них, по дороге, пронеслась повозка. Лошадь остановилась, кто-то спрыгнул, вскочил в лодку, оттолкнулся и гребёт к нам. Мы следим за ним, радуемся: спасены!

Лодка подплывает к нам с наветренной стороны. Она уже совсем близко. И вдруг поворачивает и плывёт обратно. Мы остолбенели.

— Куда он заворачивает? Плывём за ним, ребята! — скомандовал Василь.

Мы вплавь кинулись догонять. Весь страх перед волнами пропал.

Я догнал лодку первый. За мной — Василь. Смотрим, в лодке полно воды. Я сорвал с пояса котелок и стал выгребать воду. Подплыли Андрейка и Проня, уцепились за борт. А хозяин лодки всё гребёт в сторону от того места, где мы чуть не потонули. Узнали его: это дядя Игнат, наш односельчанин.

— Куда ты, дядя Игнат! Подберём наших!

— Сейчас сами потонем! — ответил он зло. — Я думал, с вами моя жинка. Она с утра в Новгород-Северский поехала. Вот я её и ищу.

Игнат говорит и на нас не смотрит. Он с трудом гребёт против волны к кустам — они словно на воде росли.

Доплыли до кустов. Лодку захлестнуло. Стали тонуть. Схватились за ветки. Пробую достать дно — дна нет. Осмотрелся — кругом вода... До берега не доплыть, и думать нечего.

Нащупал сучок потолще и упёрся в него ногами — не то стою, не то вишу. Рядом Андрейка.

Куст качается — вот-вот вырвет и унесёт его ледяная быстрая вода. Кто-то сказал:

— Ребята, пропали мы! Тут глубина-а-а...

Никто из нас уже не кричал. Мы обессилели. Только Игнат, сидя на кусте, изредка выкрикивал:

— Караул! Караул!

Но и он затих.

Холод пронизывал. Я чувствовал, что коченею. В глазах потемнело, кружилась голова. Огромные волны обдавали меня, чуть не сбивая с куста. Мне казалось, что мы торчим здесь уже целый день. Сковывала странная дрёма. Но я держался крепко, руки словно приросли к веткам.

Я знал, что нас ждёт. Жаль было мать, отца, школу. Но почему-то страшно не было.

Не заметил, как впал в беспамятство, словно заснул. И вдруг мне показалось, будто что-то тяжёлое срывается с куста. Ветки дрогнули, и послышался всплеск воды.

Сквозь дрёму мне вспомнилось, как мать говорила, что когда замерзаешь, хочется спать, а если заснёшь — конец.

Стараюсь пересилить сон. Хочу крикнуть: «Ребята, Андрейка, держитесь, не спите!» Но голос не слушается. Свело губы.

— Спасите! — словно издалека слышу я крик Игната.

И вдруг до меня доносится голос брата Сашко:

— Ивась, держись!

С трудом открываю глаза. Вижу — рядом парусник и кто-то с него протягивает мне руки. Я подаю руку... и больше ничего не помню.

Очнулся я на печке. Полумрак. Лампочка завешена чем-то плотным. Верно, уже поздняя ночь. Все спят, а рядом со мной сидит мама и гладит меня по голове.

— Боюсь, не заболел бы ты, Ивась, — говорит она, и, помолчав, добавляет дрожащим голосом: — Трое утонуло.

В ту ночь я долго не мог уснуть, плакал. Всё мне мерещилось, как тонут ребята, как бушует вода и ломаются ветки на кусте под нами.

Больше всего мне было жаль Андрейку: это он упал с куста и утонул.

Мать не отходила от меня...

Теперь, много лет спустя, мне кажется, что тогда, на разлившейся Десне, мне впервые довелось испытать свою выносливость.

11. ИГРЫ

С малых лет мы увлекались простыми деревенскими играми. Сколько их было у нас! Они постепенно вырабатывали ловкость, силу, физическую выносливость, быстроту, осторожность, которые в будущем оказались так необходимы мне, лётчику.

Зима. Озёра затянулись льдом. С нетерпением ждёшь,

когда он окрепнет. И наконец слышишь, кто-то из приятелей кричит:

— Айда, ребята, карусель строить!

Гурьбой бежим к озеру.

Забиваем посреди льда кол, на него насаживаем колесо от телеги, а к колесу прикрепляем длинную жердь. К концу жерди привязываем санки. Ляжешь на них плашмя, а ребята крутят колесо. И вот несёшься по кругу, только в ушах свистит. Не удержишься — катишься кубарем. А если салазки сорвутся, то выбросит на самый берег. Часто и взрослые собирались посмотреть на нашу карусель.

Или вырубишь четырёхугольную льдину, оттолкнёшь, бросишься на неё с разбегу и мчишься по льду, пока не налетишь на берег.

Многие ребята катались на коньках. Мне отец коньков не покупал. Я с завистью глядел, как ловко и быстро ребята скользят по льду, и чуть не плакал с досады.

Решил смастерить коньки. Сделал деревянную колодку, подковал её проволокой и привязал к ноге.

Правда, на этих проволочных — «дротяных», как мы их называли — колодках можно было кататься лишь на одной ноге, но это меня мало смущало.

Летишь лихо. Одной ногой скользишь, а другой отталкиваешься. Быстроту такую развивал, что дух захватывало. Я так наловчился изготовлять эти дротяные колодки, что даже другим ребятам делал, выменивая на них карандаши, тетрадки, фантики от конфет.

Дома мне за коньки доставалось: обувка на одной ноге изнашивалась скорее. И отец запретил мне кататься. Только через несколько лет я сам заработал себе на коньки и часто вспоминал лихое катанье на колодке.

Лыжи мы делали сами. Разберём старую бочку и из доски мастерим лыжину. Ребята устраивали большие снежные горы — трамплины — и с них прыгали. Бывало так врежешься в сугроб, что еле выберешься

Не меньше, чем волейбол, я любил старинную деревенскую игру «свинопас». В неё, вероятно, играли ещё наши предки. Она вырабатывает ловкость, сообразительность.

По кругу на лужайке вырывали ямки-«ярочки», а в середине ямку побольше — «масло». Каждый охранял свою «ярочку». «Свинопас» целился деревянным самодельным шаром в «масло». Надо было отбить шар палкой подальше от круга. Начиналась суматоха: и шар надо отбить и «ярочку» уберечь. Чуть отбежишь — её займёт «свинопас». Тогда сам становишься «свинопасом».

Не зеваю. Наношу удар по шару, слежу за движениями «свинопаса», но, случается, увлечёшься, не рассчитаешь — и «свинопас» захватит твоё место.

Поодаль от деревни, за холмами, — излюбленное место ребят: озеро Вспольное.

Летом оно зарастало очеретом и сытником. Мы были большие охотники до сладковатых побегов сытника. Пастух пригонял сюда скотину на водопой. На песчаных отмелях хорошо было загорать.

Мы любили устраивать соревнования в заплыве: кто скорее переплывёт озеро в оба конца. Со дна били холодные ключи. Плывёшь, а тебя обжигают ледяные струи, сводит руки. Пробуешь ногой дно; кажется, что никогда не доберёшься до берега, задохнёшься. Подплываешь, путаешься в стеблях кувшинок, цепляешься за них — ну, спасся! Чуть передохнёшь — и обратно. Только оглядываешься — не перегоняет ли кто?

Была у нас и такая игра — кто дольше продержится под водой. Сидишь на дне, а ребята на берегу ведут счёт. Зубы стиснешь, зажмуришься, в землю вцепишься, пока в висках не застучит. Только когда совсем невмоготу станет — вылезаешь.

Весной деревенские озёра выходили из берегов. Мостки, перекинутые через ручьи, заливало. Трудно было добраться до школы. Я был невелик ростом, и мне особенно доставалось от вешней воды. Местами приходилось итти вброд.

Я раздобыл жерди, гвозди и смастерил себе высоченные ходули. Чтобы не поскользнуться на льду, который кое-где лежал под водой, набил гвоздей в нижние концы ходуль.

Долго я тренировался во дворе, прежде чем пуститься в дальний путь. Сначала терял равновесие и летел на землю, но постепенно привык и уже ступал уверенно. Надо мной посмеивались, но когда я прошёл через улицу, не замочив ног, отец позволил мне итти в школу на ходулях.

На следующее же утро я взял ходули и пошёл. Переходил на них через глубокие места, рассекал ходулями воду. Сначала меня не узнавали даже знакомые дворовые псы — они с лаем бросались к моим длинным деревянным ногам. Я очень был доволен своей затеей.

Вошёл в школьный двор. Меня обступили ребята. Нина Васильевна очень смеялась, увидев меня на высоченных неуклюжих ходулях, и похвалила мою выдумку.

Когда подсохло, я соорудил на улице перед хатой турник. Достал ржавую трубу и укрепил её между забором и врытым в землю столбом. Но турник у меня вышел непрочный. Когда я упражнялся, ребята держали его, чтобы я не слетел. Прохожие останавливались, заглядываясь на мой «цирк».

Скоро в деревню приехал настоящий циркач. Он выступал на клубной сцене: выжимал руками штангу, поднимал зубами гирю — был удивительно силен. Он стоял, широко расставив ноги, и его не могли сдвинуть десять человек. Все только ахали.

Силач уехал, а мы, ребята, всё о нём вспоминали. И запала мне в голову мысль сделаться силачом. По вечерам на улице, возле клуба, собирались взрослые парни и соревновались в силе. Кто-то притащил туда двухпудовую гирю. Но никому, кроме одного здорового, сильного парня, не удавалось выжать её одной рукой. Я всё наблюдал за ним, за его движениями.

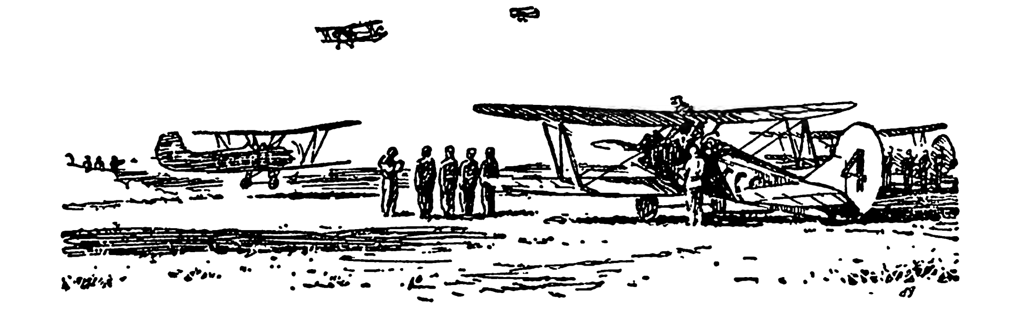
Как-то, когда у клуба никого не было, я решился попробовать поднять гирю — поднял.

Взрослые парни скоро забыли о гире, и я перетащил её домой. Каждый день вытаскивал во двор и тренировался. Через несколько месяцев научился толкать, а потом и выжимать её одной рукой. Много лет спустя, когда я стал учиться в Военно-воздушной академии, мне удалось в соревновании силачей двадцать раз выжать гирю. И невольно вспомнил при этом, как я, тринадцатилетний хлопец, впервые в жизни одной рукой поднял двухпудовую гирю и как упорно тренировался, чтобы научиться её выжимать.

...На село привезли новый замечательный фильм — «Чапаев». В старших классах мы проходили историю гражданской войны. Героическая борьба Красной Армии с белобандитами и захватчиками-интервентами увлекала и интересовала меня больше всех других предметов. Этим я, вероятно, обязан и дяде Сергею, его живым, образным рассказам о старых партизанах — моих односельчанах. Поэтому фильм о Чапаеве был большим событием в моей юности.

Кинокартина кончилась, а ребята не расходятся — уселись на лужайке за клубом и обсуждают, как воевал Чапаев... И тут придумали мы игру в «Чапая»; играли до поздней ночи, после всех дневных дел и уроков.

Часть вторая

ПО ПУТЁВКЕ КОМСОМОЛА

1. КУДА ПОЙТИ?

В труде, учёбе, играх незаметно пролетело детство. Весной 1934 года я кончил семилетку. Со всех сторон Союза в ту пору сообщалось о строительстве заводов-гигантов. Рос Кузбасс. Строился Беломорканал имени Сталина. В Москве сооружался метрополитен. Закончилась героическая эпопея советских полярников-челюскинцев.

Большие события в стране захватывали меня. Хотелось быть там, где свершались все эти великие дела.

Дома у нас произошли перемены: всем хозяйством ведают старший брат Яков и его молодая жена; отец и брат Григорий работают на заводе. А брата Сашко мы проводили в армию, и я с нетерпением жду от него писем. Мама попрежнему смотрит на меня как на маленького. Ей хочется, чтобы я остался дома, был у неё на глазах. Часто по вечерам отец заводит со мной разговор о том, куда мне пойти учиться. Ему хочется, чтобы я получил специальность слесаря или токаря.

— Ремесло не коромысло, плечи не вытянет, — говорил он. — А учиться рисовать негде, надо ехать в большой город. Лет тебе ещё немного, не уйдёт. Подрастёшь, там видно будет.

Отец любит завод, и мне тоже хочется учиться и работать на производстве. Но вдруг моё намерение меняется. От ребят я услышал, что воинская часть, стоящая в Шостке, набирает учеников в духовой оркестр. Ученикам выдаётся военное обмундирование, они там в части и живут. Думаю о том, какая интересная жизнь ждёт меня, если я попаду в воинскую часть, и решаю попытать счастья.

И вот однажды утром я отправился в город. Часть я нашёл по звукам духовых инструментов. Скрежет и гул наполняли воздух — очевидно, упражнялись ученики. Но для меня эти звуки были нежной музыкой. У ворот стоял часовой. Мне показалось, что он очень важен и суров. Я долго вертелся около него, не решаясь ни о чём спросить. Наконец отважился:

— Дяденька, где тут учеников в духовой оркестр набирают?

Он посмотрел на меня, засмеялся:

— Иди-ка, хлопец, домой, подрасти сначала.

Так, не добившись толку, обиженный до глубины души, я побрёл домой. О своей неудаче промолчал, чтобы не засмеяли, и вечером отправился к Нине Васильевне.

Как семь лет назад, сижу за столом в её комнате и пью чай с конфетами.

— Помните, Нина Васильевна, как я плакал у школы, как вы мне ухо оттирали?

Нина Васильевна улыбается:

— Конечно, помню. Совсем ты тогда маленький был. Помню ещё, как ты из подпасков убежал... Ну что ж ты, Ванюша, решил? Что будешь делать?

— Я хочу в ФЗУ пойти, Нина Васильевна.

Нина Васильевна, помолчав, сказала:

— А я считаю, что тебе непременно надо продолжать образование. У тебя способности есть. А главное, ты работать умеешь. Я тебе советую подготовиться на педагогический рабфак. По-моему, из тебя выйдет неплохой педагог. Об этом я думала, ещё когда ты занимался с отстающими. Как ты сам на это смотришь?

— Да я бы хотел, но... Меня, Нина Васильевна, на стройку, на завод тянет. Техника мне нравится. Если изучу ремесло, пойду на завод, на большое строительство поеду, в Кузбасс... да мало ли мест!.. Может, в экспедицию куда-нибудь...

— Ты моё мнение знаешь, — говорит Нина Васильевна. — Тебе надо учиться.

Я ещё раз посоветовался с отцом и всё же решил учиться ремеслу. На следующий день после выпускного вечера отправился в Шостку в ФЗУ.

Прошёл мимо четырёхэтажного дома. Вспомнилось, как я разглядывал его лет десять тому назад, сидя на возу, запряжённом кобылой Машкой. У подъезда большие надписи: «Химтехникум», «Педрабфак», и объявление: «Открыт приём в школу рабочей молодёжи. Принимаются лица, закончившие семилетку». Я постоял в раздумье: неплохо бы здесь учиться! И всё же пошёл в ФЗУ.

Вот и двор ФЗУ. Открыл первую попавшуюся дверь и очутился в мастерской. Светлое, чистое помещение, станки, инструменты. Отец прав: хорошо здесь.

— Ты как сюда попал? — слышу чей-то голос.

Передо мной высокий немолодой человек в спецовке. Очки сдвинуты на лоб, глаза смеются, но лицо строгое. Оробев, отвечаю:

— Я учиться...

Он оглядывает меня:

— Мал ещё, друг. Лет-то тебе сколько?

— Четырнадцать.

— У нас с семнадцати принимают.

— А как пройти в канцелярию? — спрашиваю запинаясь.

— Тебе там делать нечего. Я — мастер и детей не принимаю.

Я повернулся и ушёл. Мастер крикнул вдогонку:

— Подрастёшь — милости просим!

Опять неудача! Мне так было обидно, что, возвращаясь домой, я даже всплакнул.

Раздумывал я недолго. На следующий день подал заявление в школу рабочей молодёжи. И через неделю был принят.

Узнав об этом, отец долго молчал, а потом сказал вздыхая:

— Ты у меня упрямый, Иван... Что ж, учись!

2. РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Занятия начались с осени. В школе училась рабочая молодёжь с завода; поступил и Ивась, тот самый, из-за которого я дрался в классе.

Ученье кончалось в одиннадцать часов вечера. Мы возвращались в деревню вчетвером. Два моих односельчанина учились на педагогическом рабфаке. Они с Ивасем сворачивали, не доходя километра до села, и мы долго перекликались.

В слякоть, в пургу, в мороз ходили ежедневно по семь километров до Шостки да по семь — обратно. Учиться было нелегко, особенно много приходилось заниматься русским языком: у нас в сельской школе занятия шли по-украински.

Перед Октябрьскими праздниками меня вызвал директор и предложил работать библиотекарем в нашей школе. Я согласился с радостью, но волновался, справлюсь ли с новым делом. Мне был дан двухнедельный испытательный срок.

Помог мне и многому научил опытный библиотекарь из городской библиотеки. Утром я работал в нашей библиотеке, вечером занимался в школе.

Прежде чем выдавать новые книги, я их прочитывал сам. Не отрываясь, залпом прочитал только что изданную тогда «Как закалялась сталь».

Книга глубоко взволновала меня. Павел Корчагин стал моим любимым героем. Много раз я перечитывал замечательную книгу Николая Островского, и она помогала мне работать над собой.

Очень понравилась мне «Занимательная физика», увлекали научно-популярные журналы. Всё больше и больше интересовался техникой.

Я впервые начал серьёзно, систематически читать книги по списку, который мне дал библиотекарь. Внимательно следил за газетами, журналами. Часто ходил на консультации к библиотекарю. Он меня встречал дружески:

— Ну, как дела? Что читаешь? Пришли ли новые книги, журналы?

Я был так занят работой и учёбой, что часто оставался ночевать в канцелярии; спал на столе, подложив под голову несколько книг.

Иногда ребята помогали мне разбирать книги и, зачитавшись, тоже оставались до ночи в библиотеке.

Испытательный срок прошёл, и меня зачислили приказом на должность библиотекаря. Радостно и гордо нёс я домой после первой получки гостинцы — буханку белого хлеба и конфеты.

Работа в библиотеке дала мне многое. Я полюбил мир книг, газет, журналов. Они стали моими настоящими друзьями, вооружали меня знаниями. Передо мной всё шире и шире открывалась величественная картина строительства в нашей стране.

Незабываемое впечатление произвела на меня историческая речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии, слова вождя о том, что «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса». Сталинский призыв усилил моё желание заняться изучением техники.

Помню и то, как я был поражён и заинтересован рекордом Алексея Стаханова. Сто две тонны угля вместо семи по норме

за смену! Дня через три парторг шахты Дюканов вырубил за шесть часов сто пятнадцать тонн. А ещё через несколько дней Стаханов вырубил двести двадцать семь тонн. В газетах замелькали фамилии героев труда, последователей Стаханова. У нас в обиходе появилось новое слово — «стахановец». Возникло могучее патриотическое движение стахановцев.

В те дни я узнал, что в техникум принимают с шестнадцати лет. И решил, не заканчивая школы, подготовиться к экзаменам на педагогический рабфак или в химический техникум. Какую же специальность избрать? Я не мог принять твёрдое решение: меня увлекала техника, но в то же время хотелось учиться рисовать, заняться педагогикой — всё казалось мне интересным.

— Пошли заявление в техникум, где на художников учатся, — советовал отец.

И я послал заявление... прямо в Академию художеств, в Ленинград. Через несколько дней из Ленинграда пришёл ответ. Мне сообщили условия приёма на подготовительные курсы. Условия оказались трудными. Да и ехать в Ленинград было далеко. Само слово «академия» казалось каким-то строгим, значительным, и робость охватила меня.

Вечером мы держали совет с отцом. «Стар стал отец», думал я, поглядывая на его усталое лицо. Он долго молчал, а потом сказал:

— Я, Ваня, думаю: очень далеко ехать и расход большой. Я болею. Мать тоже. Куда от нас, стариков, поедешь? Что делать, сынок...

И добавил:

— Ты ещё молод, и рисование не уйдёт от тебя. Изучи пока ремесло.

Я знал: отцу самому жаль, что я не поеду учиться в Ленинград, и настаивать не стал. Но ответил решительно:

— Нет, папаша, я буду здесь сдавать экзамены на педагогический рабфак или в химический техникум. Не зря же готовился!

Отец подумал и согласился:

— Это дело другое. Попытай.

Я сдавал экзамены одновременно на рабфак и в химический техникум. Все испытания выдержал. Куда же пойти учиться? Техникум готовил производственников. Значит, в будущем меня ждёт работа на производстве, на строительстве. Именно этого мне так и хотелось — видимо, под воздействием того подъёма, с каким осваивалась техника во всех уголках страны. И отец твердил: «Поступай в техникум. Изучишь ремесло — от завода не оторвёшься». Мой выбор остановился на техникуме. И осенью 1936 года я был туда зачислен.

3. ГОРЕ

С первых же дней ученья в техникуме я увидел, что заниматься надо много и упорно. На дорогу домой, в деревню, уходило немало времени, и я решил переселиться в общежитие. Отец согласился на это сразу, а мать плакала, когда я уходил с корзинкой из дому.

— Что ты, мама, я ведь не в Ленинград! Буду на выходной день домой приходить.

Но мне казалось, что я отправляюсь куда-то далеко.

Мать с грустью смотрела мне вслед. Я оборачивался, махал рукой, пока не повернул за угол.

Неделя прошла быстро. Перед выходным, сразу после занятий, пошёл домой. Соскучился по матери и беспокоился о ней: в последнее время она всё чаще хворала. Казалось, никогда не пройду семь километров до села.

У дверей меня ждал отец:

— Плохо матери, Иван. Надо уговорить её поехать в больницу.

Я бросился в хату.

Мать лежала. Я сел рядом и стал её уговаривать лечь в больницу, но она и слушать не хотела:

— Всю жизнь болею. Лучше умру, а из дома никуда не пойду.

Её упорство было мне непонятно. Ни уговоры, ни просьбы не помогали.

На следующий день мать почувствовала себя лучше. Зная, как я не люблю пропускать занятия, она под вечер сказала:

— Иди, сынок, дотемна. У меня всё прошло.

Я ушёл из дому поздно вечером.

В общежитии ещё долго сидел за книгами, но сосредоточиться было трудно. Упрекал себя, что не заставил мать поехать в больницу.

Рано утром меня разбудил брат Яша. Я вскочил и не мог понять, зачем он здесь. Он молчал. Я посмотрел ему в лицо и увидел слёзы на глазах.

Я сразу понял:

— Мама?..

Он кивнул головой.

Как я пришёл домой — не помню.

В хате было полно народу. Плач, причитания. Отец стоял, закрыв лицо руками. Плечи у него вздрагивали.

Я убежал на погреб, бросился на землю и долго пролежал там в горе, без слёз. Сразу после похорон вернулся в Шостку.

Несколько недель я не ходил в деревню: дом опустел для меня, хотя там оставались отец, сестра и братья.

4. ВОЖАК КОМСОМОЛА

Целыми днями, а перед зачётами и ночами, я сидел за книгами. Времени для спорта оставалось мало, но я всё же ежедневно тренировался на турнике и с гирей.

Меня приняли в команду футболистов. В сухие осенние дни после лекций мы гоняли мяч на лужайке за техникумом. А потом я опять садился за книги.

Отца я навещал часто. Иногда по вечерам после работы он заходил ко мне в общежитие:

— Хорошо у вас: светло, чисто. Ну, я посижу, а ты занимайся, сынок.

Отец усаживается у стола и читает. Изредка оторвётся от книги, посмотрит на меня и спросит, что я сейчас учу.

Как-то в выходной день я вернулся от отца и сел заниматься. В дверь постучали. Вошёл секретарь первичной комсомольской организации Мацуй. Я ещё ни разу с ним не разговаривал, знал его только в лицо, но слышал о нём много хорошего. Ребята говорили, что с ним можно всем поделиться, всё ему рассказать. Он пользовался среди учащихся большим авторитетом. Мацуй часто заходил в спортивный зал, хотя сам спортом не занимался: я слышал, что он болен туберкулёзом. На вид он казался здоровым. Его открытое лицо было румяно, умные глаза удивительно ясны, весь он был аккуратный, собранный.

Я вскочил.

— Извини, что помешал. — Мацуй пожал мне руку. — Вчера в спортзале видел, как ты на турнике работаешь. Говорят, ты и рисовать умеешь.

— Я ведь не учился.

— Знаю. Но слышал, что ты ещё в школе оформлял стенгазету...

Комсомольский руководитель говорил со мной по-товарищески, но я от застенчивости молчал, глядя в пол. А Мацуй словно и не замечал этого:

— Нам для стенгазеты «Советское студенчество» нужен художник. Работа большая. Хочешь оформлять?

— Ещё бы!

Он улыбнулся:

— Покажи-ка свои рисунки.

Волнуясь, как на экзамене, я вытащил несколько зарисовок. Мацуй внимательно разглядывал их и приговаривал: «Дело пойдёт».

Меня выбрали членом редколлёгии нашей стенной газеты, и через несколько дней я в первый раз её оформил.

С комсомольским руководителем я скоро подружился. Мацуй был человеком наблюдательным и чутким, с твёрдым характером. Я чувствовал, как он незаметно вошёл в мою жизнь, как направлял её, руководя многими моими поступками.

Мацуй любил заходить к нам в комнату, но чаще он бывал там, где ребята жили не очень спаянно и отставали в учёбе. Ему всегда удавалось предотвратить чью-нибудь ошибку или проступок.

— Давайте почитаем вместе «Комсомольскую правду», — иногда предлагал он, войдя к нам в комнату; садился за стол, читал вслух, а потом беседовал с нами.

Мацуй был хорошо политически подготовлен и умело разбирался в вопросах, стоявших перед комсомольцами и всей советской молодёжью. Говорил он живо и увлекательно. Когда он проводил беседы по текущей политике, разговор сразу делался общим.

Я давно мечтал вступить в комсомол. Решил поговорить об этом с Мацуем, но мне всё казалось, что я недостаточно подготовлен. Как я обрадовался, когда однажды в аудитории Мацуй сказал нескольким моим однокурсникам и мне:

— Пора вам, ребята, в комсомол. Будем вместе работать.

Мы окружили Мацуя. Он был в том приподнятом настроении, которое я очень любил в нём; в эти минуты наш комсомольский вожак говорил особенно увлекательно, горячо и задушевно. И слова у него были простые, убедительные. То, что он сказал нам в тот вечер о комсомоле, о святом долге члена ВЛКСМ, было близко и понятно каждому. Я слушал его, и мне хотелось сделать что-то большое, чтобы быть достойным высокого звания комсомольца. Мацуй заговорил о трудовых подвигах, о том, что и на небольшом участке работы можно принести огромную пользу. Я вспомнил о своём брате, комсомольце Александре. С каким увлечением работал он счетоводом в колхозе и сколько принёс пользы

своей скромной работой! В этот же вечер я с волнением, тщательно выводя каждую букву, написал заявление о приёме меня в члены ВЛКСМ и на следующий день отнёс его в комитет комсомола.

Я очень волновался, готовясь к комсомольскому собранию, посвящённому приёму в комсомол. В тот вечер пришёл в клуб раньше всех. Зал постепенно наполнялся. Мне казалось, что сегодня у всех собравшихся особенное, торжественно-приподнятое настроение.

Я сидел в первом ряду. Уже приняли нескольких ребят. Мацуй назвал мою фамилию. Я даже вздрогнул. Поднялся на сцену. В зале — тишина, а мои новые сапоги скрипят и стучат, словно нарочно. Мне показалось, что я очень смешон, и от этой мысли бросило в жар. Оглянулся — нет, никто не смеётся: вокруг дружеские, серьёзные лица.

Мне ещё не приходилось выступать перед таким большим собранием. Было неловко, я не знал, куда деть руки. Встал в струнку, как на военных занятиях, и, отвечая на вопросы слишком быстро, глотал слова. Мацуй на меня не смотрел и постукивал по столу карандашом. Я знал его привычку: стучит — значит, недоволен.

Я старался отвечать медленнее, обстоятельнее. Вижу — Мацуй оживился, улыбается, отложил карандаш. Говорит что-то секретарю райкома комсомола, тот тоже улыбается. На душе стало легко.

И я произнёс речь, первую в своей жизни. Говорил о том, что сегодня у меня большой праздник, что такое же радостное чувство я испытывал много лет назад, когда вступал в пионерскую организацию, что теперь даю обещание быть верным комсомольцем-ленинцем.

В зале зааплодировали, и мне опять стало неловко.

Я был принят единогласно. Секретарь райкома сказал мне:

— Будьте же достойны нашего комсомола!

И я понял, что только сейчас вступил в пору сознательной жизни...

5. УЧЕБНЫЙ ГОД

Требования в техникуме к нам большие. Несколько студентов были исключены за неуспеваемость. Перед экзаменами я очень волновался — вдруг провалюсь! — но сдал все предметы на «отлично» и «хорошо».

Ребята стали разъезжаться на каникулы. Собрался и я в деревню, но меня вызвал к себе председатель профкома:

— За отличную учёбу и активную работу в комсомоле ты премируешься путёвкой в дом отдыха в Новгород-Северский. Поезжай, отдохни.

Вошёл Мацуй, озабоченно посмотрел на меня и сказал:

— Ты даже похудел за время экзаменов. Поправляйся, людей посмотри, себя покажи.

Путёвки получили ещё несколько студентов-отличников, и мы дружной, весёлой компанией поехали отдыхать. Чудесные две недели провели мы в небольшом доме отдыха на высоком берегу Десны, в вековом парке, возле старинного монастыря — исторического музея.

Для меня это был не только отдых. В эти дни я многое узнал из истории Родины. В Шостку мы вернулись загорелые, полные сил и энергии, новых впечатлений.

На втором курсе в начале года меня перевели на механическое отделение. Я увлёкся черчением. Оно давалось мне легко. Привык к точному измерению деталей, аккуратности, приобрёл навыки, которые потом, когда я стал изучать самолёт, мне очень пригодились.

Заниматься в техникуме становилось всё труднее и всё интереснее. Может быть, оттого, что я уже привык работать систематически и, следуя советам Мацуя, тщательно планировал свой день, свободное время оставалось. Я даже успевал ходить в городскую библиотеку и там дополнительно читать техническую литературу.

Торжественно отпраздновав двадцатую годовщину Октября, начали готовиться к 12 декабря — дню выборов в Верхов-

ный Совет СССР. У нас в техникуме избирательный участок. Оформляю его лозунгами и плакатами. Но очень обидно, что я ещё не буду участвовать в выборах: мне нет восемнадцати лет.

Миновал праздничный день 12 декабря. Наступили будни. Потекла размеренная жизнь от зачёта к зачёту. Незаметно подошла весна, а с ней и переводные экзамены.

6. НОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

В воскресенье утром, как всегда, я до завтрака занимался гимнастикой в спортивном зале. Вошли два студента с третьего курса. На них были новые военные гимнастёрки и до блеска начищенные сапоги. Ребята держались независимо и молодцевато.

— Что за маскарад у вас, товарищи? — спросил я.

— Маскарад?! Мы учимся в аэроклубе, и нам выдали форму.

Я застыл на турнике.

— А как вы туда попали?

— Очень просто: взяли в комитете комсомола характеристики, написали заявления, и нас приняли. Сейчас заканчиваем изучение материальной части самолёта[1] и теории авиации. Скоро выйдем на аэродром. Пока тренируемся на батуте.

— Что такое батут?

— Сетка для тренировки вестибулярного аппарата.

Я ничего не понял. Спрашивать было как-то неловко, но я всё же решился:

— А это интересно?

— Он ещё спрашивает!.. Но летать не все могут. Говорят, неспособных будут отчислять из аэроклуба, чтобы зря на них бензин не тратить.

---

[1] Изучение материальной части самолёта — изучение деталей и частей, из которых состоит самолёт.

— Как вы успеваете и в техникуме и в аэроклубе?

— Так и успеваем. В аэроклубе есть ребята и с завода. Учатся без отрыва от производства.

— Ну, кончите аэроклуб... а дальше что? — допытывался я.

— Потом пойдём в лётное военное училище... если, конечно, все испытания сдадим и по здоровью подойдём.

Они стали упражняться на кольцах, а я сидел на турнике и думал: «Вот это здорово — лётчиками станут!»

Один из аэроклубовцев, ловко подтягиваясь на кольцах, заметил:

— Нас инструктор по парашютному делу каждый день заставляет физкультурой заниматься. Говорит: лётчик должен быть хорошим спортсменом.

— Ну, этого-то я не боюсь!

— Что, тоже захотел в аэроклуб поступать?

— Не знаю ещё, — ответил я.

Но у меня уже созрело твёрдое решение при первой возможности поступить в аэроклуб.

Начались экзамены, и думать об аэроклубе было некогда. Экзамены сдал хорошо, перешёл на третий курс, и меня опять отправили на отдых в Новгород-Северский.

Беззаботно и весело бежали дни. Но нашу спокойную жизнь всколыхнуло сообщение в газетах: 29 июля японские войска нарушили советскую границу в районе озера Хасан и атаковали высоту Безымянную, советские пограничники вступили в бой с японскими захватчиками; 31 июля японцам удалось захватить высоты Безымянную и Заозёрную.

6 августа началось наше наступление. Как волновали сообщения с далёкой восточной границы нашей Родины!

Замечательна была доблесть наших артиллеристов, танкистов, пехотинцев, но почему-то я был особенно захвачен сообщениями о действиях советских лётчиков. Там, в районе Хасана, стояла дождливая погода, ни один вражеский самолёт не осмелился подняться в воздух из-за тумана, а наши

самолёты непрерывно появлялись над сопками, занятыми японцами.

В эти дни я прочитал книгу Валерия Павловича Чкалова о перелёте через Северный полюс. Замечательный облик великого лётчика-патриота, подвиг советских авиаторов, совершённый ими во славу Родины, заставили меня ещё больше, ещё глубже заинтересоваться авиацией.

7. ЗАЧИСЛЕН В АЭРОКЛУБ

Наступала осень, и началась напряжённая учёба на третьем курсе.

Однажды я снова встретил знакомых аэроклубовцев, и они рассказали, что уже закончили лётную практику и ждут приезда комиссии, а пока продолжают учиться в техникуме.

— А приёма в аэроклуб уже нет?

— Занятия начались, но если подашь сейчас заявление, может быть и примут.

Возможность попасть в военное училище, будущее военного лётчика были заманчивы. Но я боялся сорвать учёбу на третьем, очень трудном курсе, поступив в аэроклуб.

Решил посоветоваться с Мацуем и пошёл в комитет комсомола. Наш секретарь был чем-то занят, и я, присев у стола, ждал, когда он освободится. Мацуй часто кашлял и, видимо, перебарывал недомогание.

Отложив бумаги, он провёл рукой по лбу:

— Ну, Иван, рассказывай, зачем пришёл.

— Есть у меня одна мечта... У нас двое ребят аэроклуб кончили...

— Да, знаю. Они уже летают. Молодцы! Им нелегко было совместить учёбу в техникуме и в аэроклубе, упорства для этого много надо. И ты хочешь?

— Очень. Но, знаешь, я поздно собрался. Говорят, там давно начались занятия.

— А ты сходи, узнай. Мне тоже хотелось заняться лётным делом, да вот здоровье подкачало, врачи не пропустили. Если хочешь знать моё мнение, то я советую: поступай. Только не запускай занятий в техникуме. Справишься, если будешь умело время планировать. А трудностей не бойся. Помнишь боевой клич девятого съезда комсомола: «Комсомольцы, на самолёт!» Действуй, Иван!

На следующий день я отправился в аэроклуб. Там мне сказали, что заявление и документы подать ещё можно, что меня примут и если я сумею догнать учлётов и сдать наравне с ними все экзамены по теории, то буду допущен к лётной практике. Условия были нелёгкие, но я радостно возвращался в техникум. Все трудности казались мне преодолимыми.

Я подал заявление, прошёл врачебную комиссию — она признала меня годным к лётному делу. Через несколько дней я был зачислен в аэроклуб.

Итак, я учлёт! Когда я узнал об этом, меня опять одолели сомнения: справлюсь ли? Мелькнула даже мысль: не отказаться ли? Но я вспомнил советы Мацуя, его слова: «Справишься, если будешь умело планировать время». Была бы задача непосильной, комитет комсомола не дал бы мне путёвку, а мой наставник и друг, наш секретарь Мацуй, не стал бы мне советовать. Так рассудив, я почувствовал уверенность в своих силах.

Ни отцу, ни братьям я не сказал о том, что буду учиться в аэроклубе: знал, что они станут меня отговаривать, к тому же не хотелось зря волновать отца. Но мне было неприятно что-либо скрывать от него, я привык рассказывать ему о всех своих делах.

В начале января я пошёл на первое занятие в аэроклуб. Впервые надел форму; чувствовал себя в ней ловко, подтянуто. Зашёл в комитет комсомола. Мацуй осмотрел меня, похлопал по плечу и тепло сказал:

— Форма тебе идёт. Желаю успеха!

8. ДРУЗЬЯ-УЧЛЁТЫ

На крыше большого красивого здания городского клуба имени Карла Маркса — парашютная вышка. Возле клуба — маленький домик. Это и есть аэроклуб.

Иду в моторный класс. Там на подставке стоят настоящий мотор, его агрегаты, детали. На стенах — чертежи и схемы. Невысокий коренастый парень сосредоточенно рассматривает детали.

Лицо у него упрямое, энергичное. Широкие насупленные брови словно нарисованы тушью.

Подхожу к нему:

— Здравствуй!

Он поднимает глаза, от улыбки лицо его сразу становится мальчишески добродушным.

— Тоже учиться?.. Я — Панченко Иван. А тебя как зовут?

— Тоже Иваном. Тёзки. Ты учишься или работаешь?

— Слесарем работаю на заводе. А ты?

— Учусь в техникуме.

— Это хорошо. Тебе, значит, легче будет догонять... Много пропустил? Не беспокойся, поможем.

В класс входят несколько ребят. Панченко говорит:

— А вот ещё комсомольцы с нашего завода. Мы все вместе работаем и вместе учимся... Ребята, знакомьтесь.

Мы гурьбой окружили мотор.

Прислушиваюсь к разговору учлётов и вновь невольно поддаюсь тревожным мыслям: удастся ли мне изучить самолёт, догнать группу?

Рядом со мной стоит Петраков — крепыш с круглой, румяной физиономией. У него такой вид, словно ему хочется спать; двигается и говорит медленно. Заявляет:

— Летать буду, а вот теорией заниматься не хочу, ну её!

Лёша Коломиец, высокий, живой, с серьёзным, открытым лицом и чёрными вдумчивыми глазами, возмущается:

— Чего ты сюда пришёл тогда, если теорией не желаешь заниматься? Сам ведь просился. Всё кричал: «Хочу летать!» Стало быть, только место занимать будешь, форму носить: «Вот, мол, какой я! Летать учусь!»

Ребята засмеялись и зашумели. Все были согласны с Коломийцем.

— Хватит спорить! Там видно будет, кто научится летать, а кто нет, — говорит Панченко, обводит широким жестом мотор, чертежи на стене и добавляет: — Скажу только одно: нужно большое упорство, чтобы освоить авиационную технику.

В этот вечер я твёрдо решил учиться лётному делу, учиться во что бы то ни стало. Правда, в этот же вечер убедился, что трудностей мне предстоит много, но это уже не смущало.

Ребята условились собраться на другой день пораньше и позаниматься со мной.

В общежитии меня уже ждали с нетерпением. Я долго рассказывал приятелям обо всём, что видел и слышал, о своих новых товарищах.

— Но смотри, ведь к дипломной готовиться надо, — предостерегали меня друзья-студенты.

— Попытаюсь справиться, — отвечал я.

И правда, совмещать было нелегко. С девяти часов до трёх — в техникуме, а после обеда — пять часов занятий в аэроклубе. Для домашней подготовки оставались поздний вечер, раннее утро и выходные дни. Я не пропустил ни одного занятия в аэроклубе, ни одной лекции в техникуме. Попрежнему много занимался спортом.

Мне и в голову не приходило тогда, какую огромную роль в моей будущей работе лётчика-истребителя сыграют занятия лёгкой атлетикой и гимнастика.

Нагнать группу мне удалось сравнительно быстро. Товарищи мне помогали — они хорошо учились. Мы стали соревноваться друг с другом.

Я очень волновался, когда, месяц спустя после поступления в аэроклуб, впервые стоял у доски. Отвечал долго — преподаватели знакомились с моими знаниями. Получил хорошую оценку и был бесконечно рад, что иду в ногу с ребятами.

9. УТРАТА

Мне хотелось поделиться своей радостью с Мацуем. Я давно уже не видел его.

Зашёл в комитет комсомола, чтобы поговорить с ним. За столом на обычном месте Мацуя сидел член комитета.

— А где Мацуй?

— В больнице. Обострение туберкулёзного процесса.

Только сейчас я понял, как тяжело болен наш секретарь.

Несмотря на уговоры товарищей, Мацуй никогда не обращал внимания на своё здоровье. У него была большая выдержка, огромная трудоспособность, та глубокая любовь к делу, которая даёт силы. Осенью он простудился, перенёс болезнь на ногах, и это, очевидно, дало обострение туберкулёза.

В воскресенье я отправился в больницу.

Медицинская сестра сказала:

— Проходите, только не надолго. Он очень слаб. Сердится на нас, когда мы выпроваживаем его друзей, и я теперь уговариваюсь с посетителями: если войду в палату под каким-нибудь предлогом, значит пора уходить. Уж извините, но вас, ребят, много к нему ходит. В приёмный день столько набьётся, что иногда совсем не пускаем.

Она провела меня в палату.

Мацуй лежал с закрытыми глазами. Дышал тяжело и часто. Его похудевшая, пожелтевшая рука бессильно свесилась с кровати, зажав газету.

На сердце стало так тяжело, что я готов был убежать.

— Может, лучше завтра зайти? — спросил я шопотом сестру.

Но Мацуй открыл глаза, повернул голову и увидел нас. Лицо его оживилось. Он приподнялся:

— А, пришёл! Рад тебе, давно не виделись! Что нового? Руку тебе, Иван, не жму: у меня обострение туберкулёза. Думаю, в санатории поправлюсь. Я не мнителен, но дело моё, брат, плохо... Сядь вон там на стул и рассказывай об успехах. Как дела в аэроклубе?

Я стал рассказывать. Сестра взглянула на меня и вышла. Мацуй слушал, как всегда, внимательно. Ему было приятно, что я догнал группу, и он сказал:

— Я ведь тебе говорил — трудностей бояться нельзя...

Он хотел что-то добавить, но вдруг закашлялся и долго не мог отдышаться.

Я замолчал.

— Не обращай внимания, рассказывай... Скверно, брат, болеть. Я думал — обойдётся. Врачей и товарищей не слушал... Ну, а как газета?

— Сегодня вывесили. Ничего, интересная вышла... Я как узнал, что ты здесь, всё хотел до выходного зайти, но, понимаешь, всё некогда...

— Слышал, ребята говорили — даже в спортзал не каждый день ходишь. А это — показатель!

Вошла сестра, взяла что-то со стола и молча вышла.

Я встал:

— Извини, друг, мне пора.

Мацуй проговорил с досадой:

— Сестра хитрит и думает, что я не замечаю. — Он улыбнулся. — Только она появится — товарищи уходят. Сговор... Может, посидишь? Я не устал.

— Нет, право, спешу — дел очень много. Зайду завтра.

Он вздохнул:

— Ну, передай всем привет да спасибо, что не забываете... Так бы и пошёл сейчас с тобой... Желаю успехов!

Мне хотелось сказать Мацую что-нибудь тёплое, поблагодарить, подбодрить его, но я молчал. Только с порога крикнул:

— К твоему выздоровлению, Мацуй, постараюсь научиться летать!

Он улыбнулся и помахал мне рукой.

Прошло две недели. Поздно вечером, вернувшись из аэроклуба, я зашёл в одну из комнат — надо было дорисовать заголовок стенгазеты. Рисуя, я по привычке что-то напевал. В аудиторию вошёл мой приятель-однокурсник.

— Здравствуй, друг! — весело приветствовал я его. — Что скажешь?

Он не ответил.

Я взглянул на него, и меня поразило странное выражение его лица.

— Что с тобой?

— Давно тебя разыскиваю, Иван. Мацуй умер.

Кисть выпала у меня из руки.

— Я знал, тебе тяжело будет. Пойдём в комитет. Бюро постановило к завтрашнему утру выпустить листок, посвящённый его памяти.

...Много лет прошло с того вечера. Много замечательных людей — стойких большевиков — в тылу и на фронте помогли мне расти.

Но когда я вспоминаю юность, передо мной всегда встаёт светлый образ Мацуя — моего первого комсомольского вожака, горячего патриота, простого, хорошего человека.

10. ПЕРВЫЕ НАСТАВНИКИ

Подошла весна. Началась подготовка к экзаменам в аэроклубе. Я старательно учусь, занимаюсь упорно, с увлечением. Мне очень помогает запас знаний, полученных в техникуме.

Лекции в техникуме ещё не кончились, но уже идут зачёты, а в мае начнутся экзамены.

На дворе совсем подсохло. В аэроклубе начались занятия по парашютизму. Наш инструктор высок, ловок. Движения у

него точны, быстры — ни одного лишнего. На его груди значок парашютиста с цифрой «100» — он сделал сто прыжков. Инструктор увлекательно рассказывает об истории развития парашютизма, о замечательном изобретателе Котельникове, о том, что русский человек первый в мире позаботился о сохранении жизни лётчика при аварии и создал парашют; учит, как нужно обращаться с парашютом.

Во дворе натягивается батут — сетка на прочных резиновых шнурах.

В первый по-настоящему тёплый день староста группы объявляет:

— Сегодня занятия по парашютизму будут проходить на воздухе.

Мы строем выходим во двор. Там, у батута, нас уже ждёт инструктор. Ответив на наше приветствие, он говорит:

— Сегодня начинаем подготовительную тренировку к прыжкам с парашютом. Будем тренировать вестибулярный аппарат. Я уже вам объяснил его роль. Напоминаю: он помещается в области внутреннего уха, позволяет соблюдать равновесие и определять правильное положение тела. А это для лётчика и парашютиста крайне важно. Сетка пружинит и облегчает подскоки. Сейчас я проделаю ряд упражнений.

Он легко вскакивает на батут, показывает нам различные движения, высоко подпрыгивает, переворачивается в воздухе через спину и снова становится на ноги.

С того дня я по вечерам упражнялся на батуте: хотелось научиться делать подскоки так же красиво, как делал инструктор. Вначале не получалось. Приходил домой в синяках — иногда сильно ударялся о сетку. Инструктор внимательно следил за чёткостью и правильностью наших движений.

— Помните, — часто повторял он: — во время прыжков самое важное — приземление. Учитесь поворачиваться по ветру, держать ноги вместе.

Он много, терпеливо работал с нами — работал с душой, как говорил Мацуй. Мы это чувствовали и любили его.

...В аэроклубе идут экзамены по теории авиации. Впереди самое интересное — выезд на аэродром. После экзаменов нас разделят на лётные группы и прикрепят инструкторов. Уже сейчас мы знакомимся с ними. Инструкторы заходят в классы, беседуют с нами.

Однажды, когда мы занимались в моторном классе, до нас донёсся незнакомый раскатистый бас. В аудиторию вошёл высокий, широкоплечий человек. Мы переглянулись и встали. На вид ему лет за тридцать. Походка у него чуть-чуть вразвалку, нос орлиный, с горбинкой, взгляд наблюдательный и слегка насмешливый.

Это Александр Сергеевич Кальков. Говорят, он один из лучших инструкторов, умелый и опытный учитель, требовательный и придирчивый; бывает иногда грубоват и вспыльчив, но зато хорошо летает и отлично учит. Всем учлётам хочется попасть в его группу. Вероятно, ещё и потому, что Кальков — бывший военный лётчик. Поздравив нас с окончанием теоретических занятий, инструктор сказал веско:

— Главное теперь — хорошо сдать экзамены. О каждом из вас буду судить по полётам. Предупреждаю: я требую бережного отношения к самолёту, исполнительности, внимания и аккуратности.

11. НАШ „ПО-2“

Мы сдали последние экзамены и в начале апреля наконец отправляемся на маленький учебный аэродром. Он находится километрах в двух от города, среди полей.

Выстраиваемся на аэродроме. Начальник аэроклуба разделяет нас на группы. Петраков, Кохан и я попадаем в четвёртую лётную группу. К нам прикреплён инструктор Кальков. Я этому очень рад.

Мы осторожно выкатываем наш самолёт «По-2» из ангара [1] на красную черту.

---

[1] Из ангара (ангар) — из помещения для хранения самолётов.

Там по порядку лётных групп, крыло к крылу, выстраиваются самолёты.

Техник всем даёт работу:

— Вон там, у ангара, — вёдра, тряпки, мочало. Двое, — он показал на меня и Петракова, — принесут воду. Берите тряпки и начинайте обтирать самолёт. Смотрите — поаккуратней!

Мы принесли воду и начали старательно мыть самолёт. Работали мы до темноты. На ночь вкатили самолёт в ангар. Я не чувствовал усталости, хотя день был трудный.

Мы привыкли к жизни нашего маленького аэродрома и к новым обычаям. Работали добросовестно. Самолёт требует бережного отношения к себе, приучает к дисциплине.

Мы долго возились с посадкой в самолёт. Сначала садишься неуклюже, делаешь много лишних движений. Надо знать, куда ставить ногу, как влезать в кабину.

Благодаря ежедневной наземной тренировке я уже чувствовал себя в самолёте уверенно и привык всё делать по порядку.

Всю работу по обслуживанию самолёта мы выполняли сами. Группы соревновались между собой, и я испытывал большую гордость, когда наша группа попадала на красную доску. А это случалось часто.

В техникуме в это время начались экзамены. Готовлюсь к ним ночами. И даже когда мы едем на аэродром, я повторяю в уме расчёты, правила, не имеющие ничего общего с авиацией.

12. ОТОРВАЛИСЬ ОТ ЗЕМЛИ

Недели через две после выезда на аэродром мы, как всегда, выстроились на линейке.

Инструктор подошёл к нам, внимательно оглядел каждого и сказал:

— Вчера, товарищи, мы закончили наземную подготовку.

Сегодня приступаем к полётам. Я буду управлять, а вы — знакомиться с поведением самолёта в воздухе. Буду предупреждать о каждой фигуре и наблюдать за вами... Первым полетит со мной учлёт Кожедуб, — неожиданно закончил он.

Завтрашний экзамен в техникуме вылетает у меня из головы. Сажусь в машину, стараюсь не допустить оплошности, чтобы инструктор не отстранил от полёта. Делаю всё по порядку, как он учил нас.

Кальков вырулил на старт[1], осмотрелся, поднял правую руку. В ответ стартер[2] махнул флажком — взлёт разрешён.

Машина с нарастающей скоростью, покачиваясь, бежит по земле. Я чувствую каждую кочку, на неровностях подбрасывает, и кажется, что самолёт вот-вот зароется в землю. От земли самолёт отрывается как-то незаметно, сразу. Вдруг он словно повисает в воздухе. Понимаю, что лечу. Земля медленно уплывает под крыло. Похоже, что плывём на паруснике по широкому раздолью.

Мотор оглушительно ревёт. Земля будто проваливается. Выглядываю из кабины. Ориентироваться трудно. Вон, кажется, техникум, зелёными пятнами — сады и среди них — блестящая лента реки. Всё словно масляными красками нарисовано. А особенно хороша яркая зелень озимых.

Подымаемся всё выше. Становится прохладно.

Никак не могу уследить за быстрыми действиями инструктора. Вот ручка идёт влево — и самолёт идёт влево. Но пока он идёт влево, ручка уже пошла вправо. Потом я понял, что инструктор не только видит положение самолёта в пространстве, но чувствует его всем телом, он «держит» самолёт. Стараюсь уловить, как движутся ручка и педали управления, как сочетаются действия рук и ног.

Слышу голос Калькова:

---

[1] Вырулил на старт (вырулить на старт) — подъехал к месту, с которого самолёт начинает разбег перед взлётом.

[2] Стартёр — дежурный, разрешающий взлёт самолёта.

— Ну, держись, делаем штопор! [1]

Теперь мотор еле работает, становится тихо. Вдруг самолёт начинает валиться на крыло. Раздаётся какое-то завыванье. Сердце у меня замирает, по спине пробегают мурашки — такое ощущение, будто на качелях с высоты несёшься вниз.

Земля завертелась. У меня задрожали ноги. Всё кончено, гибнем!.. Но через несколько мгновений самолёт пришёл в прежнее положение. Вот какой он, штопор! Во рту у меня пересохло, в голове засела одна мысль: только бы не повторять штопор! Инструктор обернулся и спросил:

— Ну как, не страшно?

— Всё в порядке! — кричу я изо всех сил, стараясь перекричать шум мотора, и думаю: «Неужели и я научусь когда-нибудь так же летать, так же сольюсь с самолётом, как инструктор?»

Меня охватила безотчётная радость: хотелось петь, кричать.

Многое в управлении самолётом я не понял, хоть и смотрел во все глаза. Но вмешиваться в действия инструктора не разрешалось. Трудно было всё уловить с первого раза.

Наконец мы приземлились. Словно во сне, вышел я из кабины. Очень гудело в ушах. Ребята с нетерпением ждали меня, засыпали вопросами, и я не успевал отвечать.

13. В НАПРЯЖЁННОЙ УЧЁБЕ

Вечерами, приезжая с аэродрома, я, несмотря на физическую усталость после полётов, садился за учебники и готовился к экзаменам в техникуме. Дал себе слово, что перейду на четвёртый курс. При правильной организации времени и упорстве можно всего добиться.

---

[1] Штопор — фигура пилотажа. Самолёт сваливается на крыло и по спирали быстро идёт на снижение.

Я сдал экзамены в техникуме и перешёл на последний курс. На каникулы студенты разъехались по домам. В общежитии начался ремонт, и мне пришлось перебраться в деревню. Каникулы позволили мне всё свободное время отдавать лётному делу. Уходил из дому с восходом солнца и возвращался, когда уже темнело, — целыми днями пропадал на аэродроме. Приходил туда до занятий, возился с машиной, помогал технику. В день я делал по четыре-шесть полётов с инструктором. Он всё больше и больше доверял мне управление самолётом.

Я начал замечать, что отец испытующе поглядывает на меня — он, видимо, не мог понять, куда я ухожу. Как-то ещё во время экзаменов я начал было издали:

— А что бы ты сказал, папаша, если бы я поступил учиться в аэроклуб?

Отец даже руками замахал:

— Чего тебе летать! Кончишь техникум — хватит с тебя. Ещё что выдумал! И так здоровья у тебя мало.

Отец почему-то считал, что у меня слабое здоровье.

Тогда на этом наш разговор и закончился.

Обычно я вставал раньше всех, тихонько завтракал, чтобы никого не разбудить, и уходил.

Раз утром отец окликнул меня, пристально посмотрел мне в глаза и строго спросил:

— Чем занят, где пропадаешь?

Я врать не стал:

— Учусь летать, папаша.

Сначала отец растерялся, а потом рассердился:

— А, вот к чему ты недавно вёл разговор!.. За журавлём в небе погнался, неслух?

Переубеждать отца и ссориться с ним я не хотел. Отмолчался. К тому же спешил на аэродром.

Отец скоро примирился с моими занятиями в аэроклубе, но просил беречься. Я был очень рад, что теперь мне нечего от него скрывать.

14. ОДИН В ВОЗДУХЕ

Сегодня у нас большое событие: на старте появился мешок с песком. Это означает, что скоро начнутся самостоятельные полёты, без инструктора: на инструкторское место будет положен мешок с песком, чтобы не нарушалось равновесие самолёта.

Инструктор три раза провёз Кохана. Сам вылез из самолёта, но Кохана не высадил. Мы заметили — он что-то сказал ему.

— Понятно, — шепнул мне Петраков: — Кохан полетит самостоятельно.

Кальков махнул рукой. Мы поняли его жест. Притащили мешок с песком, положили на инструкторское место и крепко привязали. Кальков проверил — прочно ли.

Ребята из других групп смотрели с завистью, на старте собрались и инструкторы.

Кальков подошёл к машине:

— Помните: главное — распределять в воздухе внимание и действовать, как я учил.

Самолёт начал взлетать.

Инструктор стоял, закинув голову, и с напряжённым вниманием следил за ним.

— Волнуется не меньше, чем мы, — тихо сказал кто-то.

Самолёт сделал один круг над аэродромом, а затем уверенно и правильно пошёл на посадку.

— Хорошо, хорошо! — закричал инструктор. — Так, так! Выравнивайся, есть, хорошо!

Кохан приземлился и вылез из кабины. Он был бледен, но радостно улыбался. Направился к Калькову и доложил о полёте.

— Поздравляю с первым самостоятельным вылетом! — сказал ему инструктор. — Но предупреждаю: не зазнавайтесь!.. Однако вы побледнели.

Вдруг Петраков подтолкнул меня:

— Смотри-ка, мешок не вынимают.

Я не успел ответить. Меня подозвал инструктор.

— Полетите самостоятельно? — спрашивает он и пристально смотрит мне в глаза, словно хочет узнать, что сейчас у меня на уме.

Выдерживаю его взгляд и отвечаю, отчеканивая каждое слово:

— К полёту готов!

— Только своего не выдумывайте, действуйте, как я учил.

Сажусь в машину. Волнуюсь — впервые мне доверен самолёт. Стараюсь овладеть собой. Осмотревшись, прошу разрешения взлететь. Стартер машет белым флажком. Даю газ.

И вот я в полёте, в первом самостоятельном полёте!

Выполняю всё по порядку, как учил инструктор. Делаю круг над аэродромом. Управление кажется удивительно лёгким. Чувствую себя уверенно. Захожу на посадку. Хочется сесть как можно красивее. Но я перестарался: не заметил сгоряча, как высоко выровнял. Сел «по-вороньи».

Ругая себя, выхожу из самолёта. Знаю — сейчас попадёт от инструктора. Он подходит ко мне.

— Так моя бабка с печки плюхалась! — говорит он сердито. — Сколько раз надо вам повторять: летайте так, как я вас учил! Инициатива — дело хорошее, но сначала надо научиться. Терпение прежде всего... Ну, поздравляю с первым полётом! Завтра исправите ошибку.

И он обращается к ребятам:

— Двое курсантов из нашей группы вылетели первыми во всём аэроклубе. Полагаю — и другие не отстанут.

В этот день все поздравляли Кохана и меня. И хотя во время так называемого методического часа мне ещё раз досталось от инструктора за «воронью посадку», я без конца делюсь с приятелями-учлётами впечатлениями от первого самостоятельного вылета.

15. БЛИЖЕ УЗНАЁМ НАШЕГО ИНСТРУКТОРА

Мы уже самостоятельно делаем фигуры пилотажа в зоне [1].

Инструктор отпускает определённое время в минутах на выполнение фигур.

Оставшись на земле, Кальков не сводил глаз с самолёта.

Мы даже не ожидали, что он будет так волноваться, выпуская в воздух своих учеников. Если вылетал слабый учлёт или если что-нибудь у учлёта не ладилось, он швырял на землю перчатки, делал руками такие движения, словно хотел помочь учлёту управлять самолётом, топал ногами и кричал:

— Да не так... не так! Вот так надо действовать!

Когда машина приземлится, инструктор сядет на скамейку, облегчённо вздохнёт и, вытирая пот со лба, скажет:

— Наконец-то здесь летуны! — вытащит портсигар и закурит.

Если учлёт провёл полёт удачно, Кальков говорит ему с довольной улыбкой:

— Хорошо летал, грамотно! Молодец!

Но тут же, словно одумавшись, сердито добавляет:

— Вы хоть сами с усами, а делайте так, как я учу вас.

Уже почти все курсанты летали самостоятельно. Инструктор стал ещё требовательнее. Он не упускал ни малейшего промаха, требовал от нас исключительной чёткости и грамотности действий в полёте. За малейшее нарушение правил полёта он в наказание несколько дней не допускал к самолёту. На похвалу он был скуп. Но мы его очень любили и уважали.

Я всегда с благодарностью думаю о своём первом учителе лётного дела. Как он был прав, указывая нам на каждую ошибку, своевременно предупреждая её!

---

[1] В зоне (зона). — Для избежания столкновения самолётов во время учебного пилотажа небо в районе аэродрома разбивается на несколько участков. Такие участки называются зонами.

16. ПРЫЖОК С ПАРАШЮТОМ

Программа нашего обучения завершена. Продолжаем лётную практику и ждём прибытия комиссии из училища. Однажды, когда, собравшись у аэроклуба, мы ждали машину, начальник лётной части, внимательно наблюдая за выражением наших лиц, сказал:

— Сегодня, товарищи, возьмёте с собой на аэродром парашюты. Начнёте тренироваться в прыжках.

У меня сердце ёкнуло. Вижу, и на лицах ребят растерянность. Все заволновались. Оказывается, нам нарочно не сказали заранее о парашютных прыжках с самолёта, чтобы мы хорошо спали ночь.

...Мы на старте. Аэроклубовский врач — он приезжает и и уезжает ежедневно вместе с нами — проверяет пульс у учлётов. И говорит то одному, то другому:

— Волнуетесь? Полежите-ка здесь на травке.

Аэроклубовец смущён, ему неловко перед товарищами, но он покорно ложится.

Мне казалось, что я совсем спокоен, но пульс у меня немного частил.

Первым прыгнул инструктор, показав нам, как надо приземляться. Прыгал он мастерски. После него прыгнули несколько ребят из другой группы. Глядя на товарищей, я почувствовал уверенность в себе и с нетерпением ждал своей очереди. Но у меня засосало под ложечкой, когда инструктор привёз обратно учлёта и сердито высадил его.

Раздался голос инструктора:

— Сейчас со мной полетит учлёт Кожедуб.

Ребята закричали:

— Приземляйся осторожнее, Иван! На обе ступни!

Сажусь в самолёт. Инструктор по парашютному делу сам управляет машиной. Взлетаем. Смотрю на приборы. Самолёт набирает высоту. Вдруг слышу команду:

— Вылезайте!

Отвечаю неестественно громко:

— Есть вылезать!

Сначала встал одной ногой на крыло, потом другой. Вылез. Уцепился за кабину. На ногах держусь крепко. Посмотрел вниз — ух ты, земля как близко! Если не успеет парашют раскрыться...

Снова слышу команду:

— Приготовиться!

— Есть приготовиться!

Нащупал кольцо, сжал его. Ещё раз посмотрел вниз. Правда, страшновато... Нет, постараюсь не подкачать!

Почему-то делаю глубокий вдох и решительно рапортую:

— Товарищ инструктор, готов к прыжку. Разрешите прыгать?

— Пошёл!

— Есть пошёл! — отвечаю и прыгаю в бездну.

Дух захватило. В первое мгновенье ничего не сознаю, а потом дёргаю за кольцо. Меня сильно встряхивает. Смотрю вверх — надо мной белый купол. Всё в порядке!

Поправляю лямки, чтобы удобнее было сидеть.

Плавно снижаюсь. Стараюсь повернуться так, чтобы ветер дул в спину, ноги держу вместе.

Неожиданно начинаю стремительно лететь вниз. Земля набегает всё быстрее, быстрее. Резкий толчок. Ударяюсь ногами. Я на земле: встал на обе ступни, по всем правилам. Очень хочется прыгнуть ещё, но сегодня полагается прыгать по одному разу.

На обратном пути с аэродрома мы делимся впечатлениями и болтаем безумолку. Каждому хочется рассказать, как вылезал на крыло, как прыгнул, что испытывал в воздухе. Инструктор доволен; посмеивается, следя за нами. Учлёты, не решившиеся прыгать, сидят хмурые и молчат...

Первый прыжок произвёл на меня такое же незабываемое

впечатление, как и первый полёт с инструктором. Потом я никогда не испытывал ни боязни, ни тревоги, а только острый интерес и чисто спортивное волнение.

17. ПРОЩАЙ, АЭРОКЛУБ!

Лето кончилось, кончились и каникулы.

Началась учёба на последнем, четвёртом курсе техникума. Зимой нас должны были послать на практику.

Я был в том приподнято-радостном настроении, какое всегда бывает у человека, когда он, преодолев трудности, достигает цели. Моей целью, моим обязательством перед комсомолом было научиться летать и в то же время не сорвать учёбу в техникуме. И теперь я мог смело сказать: обязательство выполнено!

В аэроклуб принимать испытания прибыла комиссия. Мы знали, что те, кто выдержат экзамен, будут зачислены в школу лётчиков-истребителей. Перед испытаниями Кальков внушительно произнёс хорошо знакомое нам напутствие:

— В воздухе не спешите, но поторапливайтесь.

Когда я вышел из самолёта, приземлившись после лётного испытания, экзаминатор, старший лейтенант, коротко сказал:

— Отлично!

Все ребята нашей группы летали хорошо. Кальков сиял. Таким весёлым и довольным я ещё никогда его не видел.

Наутро мы в последний раз собрались у своего самолёта. Начальник аэроклуба поздравил нас с окончанием и сообщил, что все учлёты нашей группы определены кандидатами в училище лётчиков-истребителей, что нам будет прислан оттуда вызов на врачебную комиссию...

Он ушёл, а мы окружили инструктора:

— Спасибо, Александр Сергеевич, за выучку! Всегда будем вас помнить.

Кальков был растроган:

— Уж извините, если бывал резок. Дисциплина прежде всего. Может, вы сами станете инструкторами, тогда вспомните меня... Желаю вам хорошо летать, а если понадобится — храбро защищать Родину... И помните мой наказ, — как обычно, строго и раздельно добавил он: — с машиной надо обращаться на «вы», уважать её нужно.

Он крепко пожал нам руки.

Прощай, инструктор! Прощай, маленький аэродром и «По-2» с хвостовым номером «4»!

18. МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

Я очень занят. И всё же в первые дни после окончания аэроклуба чувствую какую-то пустоту. Нехватает друзей-учлётов, самолёта, аэродрома...

Радио сообщило, что в ночь на 30 ноября белофинны попытались вторгнуться на нашу территорию, началась война.

У моего однокурсника Феди, жившего со мной в комнате, брат был на фронте, и мы вслух читали и перечитывали его бодрые боевые письма.

В эти дни мне так хотелось скорее получить извещение из училища, скорее стать лётчиком-истребителем!

Незаметно пролетел январь 1940 года. Прошли и экзамены. Я получил дипломное задание. 3 февраля должен ехать на практику.

На душе у меня было неспокойно. Ещё год назад я так мечтал об отъезде на практику, но сейчас все мои мысли были в неведомом мне училище, там, где готовят лётчиков-истребителей.

Оформил в последний раз стенгазету, собрал пожитки и подготовился к отъезду. И вдруг 1 февраля меня вызвали к директору техникума.

Боясь обмануться в своих ожиданиях, чувствуя, как от волнения меня бросает в жар, я вошёл в кабинет.

— А, здравствуй, лётчик! Прислали тебе вызов в лётное училище. Как же нам с тобой быть? — спросил директор, и его добродушное лицо показалось мне сейчас ещё добрее. — Мы тебя растили, учили, а теперь отпускать приходится. Ну хорошо, условие такое: не пройдёшь медицинскую комиссию — поедешь на практику.

— Спасибо, товарищ директор! Согласен на все условия!

Теперь предстоял неприятный разговор с отцом. Я знал, что мой отъезд в лётное училище его огорчит. Быть может, расстанемся надолго. По дороге в деревню я обдумывал, как лучше сказать отцу о новости.

— Думаешь ехать, Ванюша? — встретил он меня. — Собраться успеешь?

— Всё будет в порядке, папаша. Ты не волнуйся... но только я ведь на практику не поеду.

Отец испуганно посмотрел на меня:

— Что ещё выдумал?

— Получил вызов в лётное училище. Еду туда послезавтра.

Отец всплеснул руками и медленно опустился на стул.

Я молчал: было жаль отца.

Вдруг он неожиданно спокойно произнёс:

— Что ж, ты у меня не маленький. Тебе виднее... Ну, расскажи обо всём.

Я объяснил, на каких условиях меня отпускают.

Он встал, подошёл ко мне и обнял со словами:

— Вон дела-то какие с белофиннами... На фронт, может, пошлют тебя, сынок. Бей врага насмерть... Ты пиши чаще.

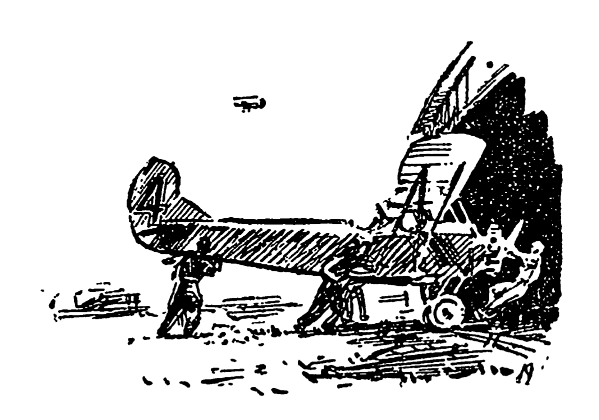
В общежитии меня уже ждали товарищи-аэроклубовцы. Они прибежали сообщить, что получили вызов. Запоздай извещение на два дня — и я бы уехал на практику.

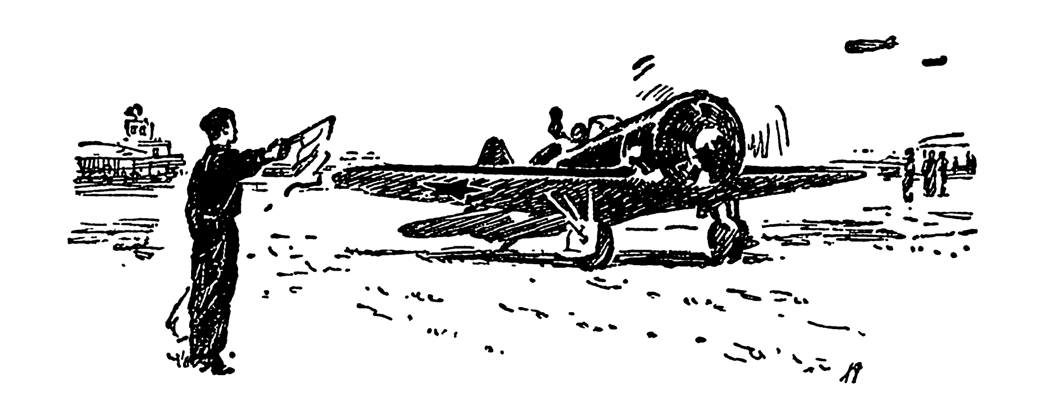
2 февраля утром, накануне того дня, когда студенты уезжали на практику, я, сидя в вагоне, под стук колёс с во-

одушевлением пел вместе с ребятами-аэроклубовцами военные песни. Не отрываясь смотрел в окно на запушённые снегом леса, поля, белые мазанки, на новостройки, заводы, фабрики.

Волнующее, радостное и гордое чувство овладевало мной.

Вот она, моя Родина, могучая, никем непобедимая! Вот что я, лётчик-истребитель, буду охранять, а если придётся — защищать, пока не перестанет биться моё сердце!..

Часть третья

В АВИАЦИОННОМ УЧИЛИЩЕ

1. ГОДЕН

На станции нас встретил представитель училища — худощавый лейтенант. Он разместил нас в машине, и мы поехали к авиагородку. Остановились у большого посёлка. Новые дома, аллеи, спортплощадки. За постройками виден аэродром.

Шум самолётов заполнил, казалось, всё пространство. В ясном зимнем небе летало несколько истребителей. Закинув голову, я следил за ними и забыл обо всём на свете.

— Товарищ будущий курсант, фуражка с вас слетит, — раздался чей-то голос.

Передо мной стоял сопровождавший нас худощавый лейтенант.

— Идёмте, товарищи. Пообедаете, отдохнёте, а там и на комиссию.

Построились. Чтобы не ударить лицом в грязь и показать свою строевую выправку, чеканным шагом вошли в широкие ворота и, поглядывая по сторонам, направились к казармам.

После обеда наступило наконец время итти на медицинскую комиссию — она казалась нам чем-то очень страшным.

Долго и тщательно устанавливали врачи нашу пригодность к лётному делу. Надо было побывать в нескольких кабинетах, и после каждого осмотра я тайком заглядывал в бланк. Всюду стояло — «годен».

Я был очень огорчён, узнав, что Кохана отправляют обратно: у нашего товарища оказалось слабое здоровье. Жаль было с ним расставаться.

Через несколько дней, когда кончила работать комиссия, нам, принятым в училище, выдали красноармейское обмундирование.

Подтянутые, весёлые, выстроились мы во дворе. Комиссар поздравил нас: мы вступили в ряды Советской Армии.

Моя мечта осуществилась. Началась новая жизнь, жизнь курсанта авиационного училища.

2. СТАНОВИМСЯ ВОЕННЫМИ

Вечерами мы собирались в Ленинской комнате. Политрук читал нам «Красную звезду», «Комсомольскую правду». Каждый из нас по очереди делал доклад по вопросам текущей политики. Конечно, с особенным вниманием мы следили за ходом войны с белофиннами. Трудно описать наше ликование, когда мы узнали, что 11 февраля советские войска начали штурм финской обороны и в первый же день пробили в ней брешь.

...Коломиец и я попали в одно отделение. В нём — двенадцать человек. Все закончили аэроклубы. Перезнакомились

быстро. Из новых товарищей мне особенно нравится Гриша Усменцев. Он привлекает своей энергией, поразительным трудолюбием, жизнерадостностью.

Вскоре меня назначили командиром отделения. Ребята подобрались дружные, дисциплинированные. Все они горячо любят авиацию. Я стараюсь узнать каждого курсанта в отделении. Это моя обязанность.

Мы живём дружно и весело. Быстро привыкаем к размеренному темпу жизни училища, военной дисциплине, к жизни по уставу.

Наш строевой командир Малыгин — тот самый худощавый лейтенант, который встретил нас на станции — строг и требователен. На первом занятии, к нашему удивлению, он приказал вытащить на середину комнаты кровать и стал показывать, как нужно её заправлять по единому образцу, чтобы не делать ни одного лишнего движения. Сам он всё делает быстро, аккуратно и этого требует от нас.

Малыгин вникает во все мелочи нашей жизни. Он приучает курсантов жить и учиться точно по уставу, воспитывает ту любовь к военной профессии, которая проявляется во всём: и в ревностном исполнении приказа командира и в том, как начищены сапоги, как затянут ремень, как подшит воротничок. И незаметно становимся мы военными людьми. Вначале, когда наш строевой командир отчитывал кого-нибудь из курсантов за слабо затянутый ремень или плохую заправку койки, нам казалось, что он чересчур придирчив. Но мы скоро поняли, что и ремень и заправка койки только на первый взгляд кажутся мелочами; мы поняли, что всё это воспитывает из нас людей дисциплинированных, собранных, воспитывает в нас чувство воинского долга.

Командир часто напоминает нам об этом долге, о высоком достоинстве советского воина.

— Вот вы ещё присягу не принимали, — говорит он. — Примете присягу, тогда уж на вас как на настоящих советских воинов смотреть будут...

3. СЛОВА ПРИСЯГИ

Когда же наконец наступит торжественный день принятия присяги? С каким волнением мы знакомимся с её текстом, слушаем беседы о ней! Я уже, кажется, наизусть знаю полные глубокого смысла слова воинской присяги. И вот наконец настал долгожданный день. В Ленинской комнате собрались курсанты. Тут несколько отделений. Мы выстраиваемся по два. Лица у ребят сосредоточенные. В торжественной тишине раздаются слова присяги. Их взволнованно читают мои друзья, и большое, горячее чувство, от которого делается светло на душе, наполняет меня...

Курсанты по очереди подходят к столу, за которым стоят командир эскадрильи и комиссар. У меня от волнения пересохло в горле. Но начинаю читать текст и забываю обо всём, кроме слов присяги: в них вложены моя душа и все мои помыслы.

Этот день запоминается навсегда. Мне кажется, что только теперь я стал настоящим воином, и жизнь в училище, хотя в ней ничто, по существу, не изменилось, представляется мне иной, более значительной. Ведь я дал присягу быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным, мне доверено оружие, я с заряженной винтовкой пойду в караул на аэродром, мне выдали красноармейскую книжку...

Впервые меня посылают ночью в караул на аэродром. Тихо. Вдали темнеет лес. Под луной поблёскивают самолёты. Необычайно красивыми кажутся мне они в лунном свете. В сотый раз обхожу «УТ-2» — «стрекозу», как мы его называем. Ребята говорят, что на нём сидишь, как на тарелочке: кабина, действительно, сверху открыта, не то что на аэроклубовском «По-2». Иногда в ночной тишине раздаётся знакомый голос приятеля-курсанта: «Стой, кто идёт?» Пристально всматриваюсь в темноту и крепко сжимаю винтовку. «Караульная служба — это выполнение боевого задания», учил нас командир. Мне доверена охрана военного имущества. Невольно вспоминаются слова присяги...

4. УЧЕБНЫЕ БУДНИ

— Делайте всё, чтобы быстрее построить отделение по боевой тревоге, — предупреждает нас командир на строевой подготовке. — Помните: стоит одному замешкаться — всё отделение задержится.

И когда был объявлен сбор по «тревоге», я очень волновался: успею ли во-время построить своё отделение?

После двух-трёх ночных тревог я предложил своим товарищам:

— Порядок экономит время. Если знаешь, где что лежит, — соберёшься быстрее. Давайте постараемся не делать ни одного лишнего движения при построении.

Через несколько дней в казарме раздалась команда дежурного: «Тревога!» Мы выбежали во двор в полной боевой готовности, когда там ещё никого не было. В темноте кто-то подошёл к нам — это был дежурный командир. Он спросил номер нашего отделения, — оно построилось первым: за две минуты сорок пять секунд.

Через минуту-другую построились все отделения.

Наше отделение получило благодарность от командира училища.

Этот незначительный случай показал нам, как велика роль спаянности и дисциплины; мы поняли, что быстроту действий, внимание, расторопность, чёткость, необходимые в воздухе, нам нужно развивать в себе и на земле.

Мы изучаем различные системы машин, сложную современную авиационную технику. Занятия в аэроклубе, оказывается, были всего лишь «приготовительным классом». Там мы лишь в самых общих чертах знакомились с типами самолётов и о военной авиации знали очень немного. Здесь, в училище, мы изучали лётное дело с военной точки зрения. Вот она, настоящая, сложная боевая авиационная техника!

Каждый день мы ждали встречи с инструктором. Однажды курсанты собрались по отделениям в казарме. Вошла группа

военных. Это были инструкторы. Мы встали по команде. Очень молодой коренастый лейтенант не спеша, чуть вразвалку, направился к нашему отделению, и пока мы стояли навытяжку, он оглядел нас, а мы его.

Это был лейтенант Тачкин, инструктор нашего отделения.

Лейтенант разрешил нам сесть, расспросил, как учились в аэроклубе, задал ряд вопросов и коротко, по-военному, дал несколько наставлений. Мне он очень понравился.

В жизни лётчика инструктор занимает особое место. От него во многом зависит лётное будущее курсанта. Приёмы инструктора, его поведение в воздухе и на земле невольно перенимаются. На земле во всём подражаешь инструктору, вплоть до манеры двигаться, говорить, заправлять гимнастёрку.

...Зима кончается. У нас в училище идут напряжённые занятия. Мы совсем освоились с военным укладом, вошли в размеренный ритм новой для нас жизни. Командование и инструкторы сумели воспитать в нас любовь к училищу, к нашей профессии, чувство воинской чести, сознательную воинскую дисциплину, высокое чувство долга перед Отчизной.

Попрежнему много занимаюсь спортом, а по вечерам, когда бываю свободен, читаю или иду в уютную Ленинскую комнату — там мы горячо обсуждаем текущие события.

А между тем на Западе разгоралась война. Мы внимательно следили за картой военных действий. Фашистская Германия захватила пол-Европы...

Прошло несколько месяцев. У нас идёт лётная практика. Мы уже освоили самолёты «УТ-2» и учебно-тренировочный истребитель «УТИ-4».

И вот наконец начинаем проводить наземную подготовку на боевых самолётах-истребителях «И-16». Мы думали, что на них будут тренироваться только инструкторы. Но неожиданно для себя я самостоятельно вылетел на этом боевом истребителе. Дело было так.

Я сделал три провозных полёта на «УТИ-4». Дав несколько указаний, инструктор вдруг сказал:

— Подготовьтесь. Сегодня вылетаете самостоятельно на «И-16».

Не помня себя от радости и волнения, я пошёл к самолёту. Влез в кабину и сразу успокоился, сосредоточился. Вырулил на линию исполнительного старта. Чувство ответственности за боевую машину росло с каждой секундой.

Когда я приземлился, ко мне подошёл Тачкин и пожал мне руку:

— Поздравляю! Летали отлично. Но с этой машиной надо быть повнимательнее.

На «И-16» начали вылетать и другие курсанты. Тачкин поставил передо мной ещё более сложную задачу. Я её выполнил и, довольный, раздумывая о том, как хорошо меня слушается машина, какая появилась во мне уверенность, захожу на посадку. Приземляюсь. И вдруг в конце пробега мой самолёт разворачивается. Задеваю крылом за землю. Стоп! Рулю, посматривая на крыло. Как будто всё в порядке. Но на душе скверно. Стыдно будет в глаза инструктору смотреть. Вот что значит ослабить внимание! Оно нужно и тогда, когда ты уже приземлился и заруливаешь на стоянку.

Медленно вылез из кабины и встал около самолёта, не снимая шлема и парашюта.

Тачкин и курсанты окружили самолёт. Рассматривают крыло.

Инструктор окидывает меня холодным взглядом и говорит негромко, но так, что всем слышно:

— Что ж, зазнался, видимо. Пора, кажется, знать: с той секунды, как вы сядете в самолёт, и до того, пока не вылезете из него, вы не имеете права ослаблять внимание. Самолёт не терпит небрежного отношения к себе, а «И-16» в особенности.

Курсанты поглядывают то на Тачкина, то на меня. Знаю, что им за меня неловко, и чувство вины во мне растёт. Сейчас, кажется, убежал бы с аэродрома куда глаза глядят!

Несколько дней я не мог успокоиться, не мог простить себе, что допустил ошибку. С той поры я стал внимательно следить за своими действиями до последней секунды полёта.

...У нас начались занятия по стрельбе. Наш инструктор постоянно напоминает нам о том, что решающий момент в воздушном бою — открытие огня, что нужно научиться отлично владеть техникой стрельбы.

После нескольких занятий впервые выполняем упражнения по стрельбе из пулемётов на небольшом учебном полигоне. Мне кажется, что все пули я уложил в щит. Почти уверен в этом — ведь глазомер у меня неплохой. Дежурный сообщает результаты. Оказывается, я жестоко ошибся: промазал. Я разочарован, пристыжён. Какой же из меня выйдет истребитель, если в цель не попадаю!..

Нас собирает инструктор. Стою, опустив голову.

— Товарищи курсанты, — слышу его голос, — не все из вас сегодня стреляли хорошо. Но унывать нечего. Кожедуб, это к вам относится.

Подтягиваюсь, поднимаю голову и встречаюсь взглядом с инструктором. Он сдержанно улыбается и продолжает:

— Когда Валерий Павлович стал служить в воинской части, он пилотировал уже блестяще. Но стрелял вначале Валерий Павлович неважно. Он со всей прямотой рассказал об этом командиру части и начал упорно тренироваться. И каких замечательных результатов достиг: вышел на первое место по всем видам стрельбы. Упорством можно всего достичь.

С того дня я стал настойчиво добиваться хороших показателей стрельбы.

Лётная учёба кончилась. Приближался день выпуска. Каждый из нас старался закончить училище с отличием, чтобы быть достойным звания лётчика-истребителя; каждый мечтал попасть в лётную часть.

По вечерам, отдохнув после полётов, мы собирались в Ле-

нинской комнате и слушали политинформацию. Международное положение становилось всё напряжённее. Фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Францию и Люксембург. Активность фашистской авиации росла.

Мы обсуждали ход военных действий на Западе. И неизменно затрагивали вопрос нашего будущего. Если Родина прикажет, мы не посрамим чести советских лётчиков!

А пока надо учиться — упорно, настойчиво, безустали.

Прошло ещё несколько месяцев, и мы сдали выпускные экзамены по лётной практике. Мои друзья — Панченко, Коломиец, Усменцев — и я оставлены работать инструкторами в училище.

В голове не укладывалось, что я, рядовой курсант, ещё недавно учлёт, теперь сам буду учить летать. Это была большая честь, но я огорчился: хотелось служить в строевой части. Но что поделаешь — дисциплина!

Зато сколько раз потом я с благодарностью вспоминал училище, в котором прошёл хорошую школу работы инструктором! Она мне много дала для будущей службы.

5. ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ 1941 ГОДА

Ранним утром 22 июня 1941 года мы, как всегда, сидели за завтраком в столовой-палатке. Только начали пить кофе — раздалась команда начальника штаба:

— Боевая тревога! Боевая тревога! По самолётам!

Сам начальник штаба вбежал в палатку.

— По самолётам! Боевая тревога! — взволнованно закричал он. Что-то необычное — серьёзное и напряжённое — было в его лице.

Шмыгнув прямо под палатку, мы врассыпную бросились к своим машинам.

Техники уже запустили моторы.

— Разрулить самолёты[1] по окраинам аэродрома! — приказал командир эскадрильи.

Погода скверная. Моросит дождик. Сидим с техником Наумовым под крылом и ждём отбоя.

— Странно... — говорит техник. — Так долго тревога никогда не длилась.

И тотчас же раздаётся команда: «Все на центр аэродрома!»

Мы выстраиваемся в центре лётного поля.

К нам подходит командир эскадрильи и говорит:

— Товарищи, отбоя нет. Боевая тревога продолжается. Сегодня в четыре часа утра войска фашистской Германии вероломно вторглись в пределы нашей Родины. Фашистские самолёты бомбили Киев, Харьков, Севастополь, Житомир и другие советские города... Будем жить в боевых условиях. Порядок дня не изменён, но день должен быть уплотнён ещё больше... Приступайте к своим каждодневным делам, товарищи.

Война... Фронт... В голове пронеслась вереница мыслей... Родина в опасности! Украина, моя родная цветущая Украина, уже испытала первый удар вероломного врага. Жизнь моих сограждан под угрозой!

Чувство ненависти к врагу росло, овладевало всеми помыслами. Поделиться своими переживаниями с друзьями некогда — начинается обычный учебный день. После обеда командир читает нам сводку, первую сводку командования Советской Армии.

Вечером нас собрал комиссар — как всегда, спокойный, подтянутый.

— Товарищи! — сказал он. — Фашисты захватили оружие и боеприпасы нескольких европейских армий, промышленность Чехословакии, Австрии; Польши, Голландии, Франции и других стран. Гитлеровцы рассчитывают на молниеносный удар,

---

[1] Разрулить самолёты — разъехаться на самолётах по земле в указанные места.

но наша армия, воспитанная партией Ленина—Сталина, даст отпор захватчикам. Все силы мы должны бросить на защиту Родины. Сейчас наш лозунг — всё для фронта, всё для победы. Нами руководит Сталин, и мы победим!

Мы в едином порыве закричали «ура». В эту секунду я, рядовой лётчик, уже чувствовал себя участником справедливой борьбы, которую ведут воины нашей многонациональной Родины. Великая воля к победе захватила и меня. Я был уверен, что через несколько часов полечу на фронт.

Комиссар закончил деловито и внушительно:

— Фронт требует лётчиков. Надо их готовить. Работайте, товарищи инструкторы, ещё лучше, ещё тщательнее отрабатывайте технику пилотирования, свою и курсантов! Когда вы понадобитесь, будете отправлены на фронт. А пока — с утроенной энергией за учёбу. Дисциплина — прежде всего!

«Я лётчик-истребитель, и моё место — на фронте» — вот о чём думал я с самого утра. Но приказ нашего командования был ясен и безоговорочен. Фронт требует лётчиков, и мы должны их готовить. И всё же как хотелось мне в этот вечер вылететь в действующую часть!

6. В ДНИ ВОЙНЫ

Курсантам выдали винтовки. На аэродром привезли пулемёты.

Жизнь идёт всё так же размеренно, но работаем ещё больше и каждую свободную минуту слушаем радио. Вечером политрук читает нам сводку за день. Мы узнаём о героических подвигах наших лётчиков.

В памятный день 3 июля 1941 года мы собрались в Ленинской комнате и с напряжённым вниманием, с глубоким волнением слушали выступление великого вождя.

«Вперёд, за нашу победу!» провозгласил, заканчивая свою речь, товарищ Сталин.

Слова вождя стали для меня путеводными. Я знал, что моя страна всё подчиняет интересам фронта и задачам разгрома врага и что обязанность каждого из нас, на каком бы маленьком участке мы ни стояли, — перестроить свою работу на военный лад.

Все мы — инструкторы и курсанты — работали с необычайным подъёмом, у каждого из нас росло чувство ответственности.

Уже миновала середина июля. Напряжённые бои шли на Псковском, Смоленском и Новоград-Волынском направлениях.

Весь народ поднялся на защиту Отчизны. «Всё для фронта, всё для победы!» Я читаю эти слова в газетах, слышу их по радио, живу ими. Выполняя срочные заказы фронта, рабочие не уходят с заводов и ночью. Задания фронта выполняются невиданно быстро.

С волнением читаем мы о героизме советских людей и на полях сражений, и в цехах заводов, фабрик, и на колхозных полях. А если в газете промелькнёт знакомая фамилия лётчика или товарища по училищу, уже вступившего в бой, то мы испытываем чувство гордости за него и без конца говорим о нём.

Газета переходит из рук в руки:

— Наши-то бьют фашистов! Честь училища высоко держат!

Мы получали от друзей с фронта письма, короткие, бодрые, с описанием боевых вылетов. Они уже сбивали вражеские самолёты...

Мои курсанты кончили полёты на учебно-тренировочном самолёте и должны были приступить к тренировке на боевом «И-16». Я был уверен, что как только они кончат учёбу, отправят на фронт и меня. С нетерпением ждал этого дня.

И вдруг мои планы рухнули. Произошло это так. Я проводил с курсантами ознакомительные полёты в зону. За день

сделал десять полётов. Всё шло отлично. Самолёт «УТИ-4» был новенький, его дали моей группе за хорошую учебно-боевую подготовку.

Случилось так, что последний курсант по рассеянности допустил на взлёте ошибку и наш самолёт потерпел аварию. Мы оба отделались легко — ушибами, но мне очень жаль было, что новая машина получила повреждения.

После этого командир эскадрильи изменил своё отношение ко мне. На каждом разборе он непременно вспоминал об аварии. Я оказался в числе нерадивых. О фронте нечего было и мечтать — на фронт посылались лучшие... Было обидно и горько. Конечно, я мог бы оправдаться, но командир ничего не хотел слушать.

Всё это угнетало меня. Но прошло несколько дней, и я с новой энергией взялся за работу, ещё требовательнее стал относиться к себе и к своим ученикам. Только так можно было вернуть утраченное доверие.

7. В ГЛУБОКИЙ ТЫЛ

22 августа по радио сообщили двухмесячные итоги войны. Фашисты просчитались в своих планах на молниеносную победу. В нашей стране они встретили такое сопротивление, какого никогда и нигде не встречали.

Ожесточённые бои шли на всём протяжении фронта — от Ледовитого океана до Чёрного моря. По нескольку раз в день фашисты налетали на Ленинград.

Порою тяжело становилось на душе, но мы знали, что должны держаться мужественно, стойко. Нытиков среди нас не было.

От отца, сестры и брата Григория — он работал в охране завода — уж давно нет ни строчки. Волнуюсь о близких. Письма отца, полные веры в нашу победу, его отеческие наставления были для меня большой радостью. Обычно отец

очень беспокоился о моём здоровье, просил беречься. Теперь же, в дни войны, он писал о том, что я должен самоотверженно сражаться с врагом, защищать Родину, как подобает каждому советскому воину. Очень огорчало меня, что я потерял связь и с братьями Яковом и Александром. Яков ушёл в армию с первого дня войны, и вестей от него не было. Последнее письмо от Сашко я получил с Урала. Моё ответное письмо к нему вернулось с пометкой на конверте: «Адресат выбыл».

...Война идёт на территории Украины. С болью в сердце думаю о родной земле. Снова пытаюсь добиться отправки на фронт и подаю рапорт, но мне отказано: авария всё ещё не забыта.

Утешаю себя тем, что на фронт отправили моего лучшего ученика — Башкирова. Радостно, что мой ученик летит воевать, но горько, что не лечу и я...

Наши войска оставили Киев.

Мы получили приказ перебазироваться в глубокий тыл и там готовить лётчиков. Весть эта всех взволновала. Грустно было покидать родную Украину, хотя мы знали, что это необходимо: для подготовки лётчиков требовалась спокойная обстановка.

8. КОГДА ЖЕ ФРОНТ?

Итак, мы в глубоком тылу, в Средней Азии. Большой перерыв в учёбе курсантов задерживал выпуск. Работать приходилось без передышки, а условия были нелёгкие: стояла страшная духота. Моторы «захлёбывались» от пыли и перегревались от зноя. Иногда после взлёта пыль долго стояла столбом. Летали только рано утром и под вечер. Днём занимались наземной подготовкой, теорией и разбором полётов. В работе я забывался.

Чем труднее давалась лётная учёба курсанту, тем охотнее и больше я с ним работал. И когда добивался успеха, то

испытывал необычайную радость. Научить человека трудному для него делу, поделиться с ним опытом — что может быть отраднее!

В свободную минуту я переносился мыслью в родную деревню. Там, у нас на Украине, сейчас хозяйничали фашисты... Перед глазами вставали отец, сестра, братья, Ображеевка, Украина...

Опять подаю рапорт об отправке на фронт. И снова получаю короткий ответ: «Готовьте лётчиков».

Наступают Октябрьские праздники. 7 ноября 1941 года. Думаем и говорим о нашей дорогой столице. Как-то выглядит она в это утро, как поживают москвичи? Вряд ли сегодня будет традиционный парад — слишком близко фронт...

И вдруг мы узнаём: 7 ноября в прифронтовой Москве состоялся военный парад.

С особенной силой ощутили мы радостное чувство веры в победу, слушая доклад нашего великого вождя.

«...Разгром немецких империалистов и их армий неминуем», сказал товарищ Сталин в своём докладе.

«...Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался, — говорил великий Сталин в своей речи на Красной площади. — ...наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжёлый урон, а наша страна, — вся наша страна, — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков».

Нам радостно было сознавать, что, находясь в глубоком тылу, мы вместе со всем народом куём победу. И всё же меня продолжала преследовать мысль о фронте.

Командир эскадрильи уже сменил гнев на милость. Но время шло, а командир молчал. Неужели я ещё не заслужил права вылететь на фронт?..

9. В МОСКВУ!

Все мои курсанты успешно закончили учёбу и получили назначения в часть.

Перед отъездом курсанты, окружив меня, благодарят за выучку. Их возбуждённые лица напоминают мне, как я сам ещё совсем недавно волновался, расставаясь со своими инструкторами в аэроклубе.

Я завидую своим курсантам и говорю об этом, крепко пожимая им руки на прощанье.

— До скорой встречи на полевом аэродроме, товарищ инструктор! — кричат они сидя в машине, увозящей их на станцию.

Снова мои друзья-инструкторы и я остаёмся в тылу. Работы попрежнему много, я целый день на аэродроме. Опять учу и учусь сам. Вечером, отдохнув, мы собираемся в Ленинской комнате, у карты боёв.

С глубоким волнением следим мы за Сталинградской битвой. Все наши помыслы и разговоры — о Сталинграде. В небе над волжской твердыней идут ожесточённые воздушные бои. Они начинаются с рассвета и длятся до темноты.

У меня такое горячее желание стать в ряды защитников Сталинграда, так сильна ненависть к врагу, так много во мне сил, а я должен быть только наблюдателем! До каких же это пор?

Однажды я возвратился с тренировочного полёта. Жара стояла невыносимая.

— Пошли купаться! — позвал меня Усменцев.

Только мы направились к арыку [1], протекавшему между высокими тополями аэродрома, как ко мне подбежал техник:

— Вас вызывает командир эскадрильи.

— Ну, подожди, сейчас вернусь! — крикнул я Грише.

В дверях сталкиваюсь с командиром звена другого отряда — лейтенантом Петро Кучеренко. Он спокойный, выдер-

[1] К арыку (арык) — к оросительной канаве.

жанный, скромный лётчик. Говорит с расстановкой, следит за каждым своим движением. Его тоже вызвали.

Входим вместе. Докладываем. Командир эскадрильи встаёт и пристально смотрит на нас. Ну, думаю, сейчас начнёт отчитывать за что-нибудь! Командир постоял молча и медленно произнёс:

— Да, я знаю, вы лётчики неплохие, не подведёте нас на фронте. Вас вызывают в Москву. Выезд завтра утром.

Наконец-то! Мне даже не верилось.

Командир пожал нам руки, и мы вышли.

Весть уже облетела аэродром, и ребята ждали нас у дверей. Тут и мой друг — Гриша Усменцев. Я бросился его обнимать:

— На фронт еду, Гришка!.. Ущипни меня, может я сплю!..

Утром я вскочил раньше всех. Сегодня в Москву! Говорили, что оттуда — прямо на фронт.

Пришёл Петро. Машина уже ждала. Друзья окружили нас, отъезжающих, тесным кольцом. Прощались долго и шумно. Гриша тряс мне руку и твердил:

— Ты только пиши, как собьёшь вражеский самолёт. Сразу напиши, слышишь?

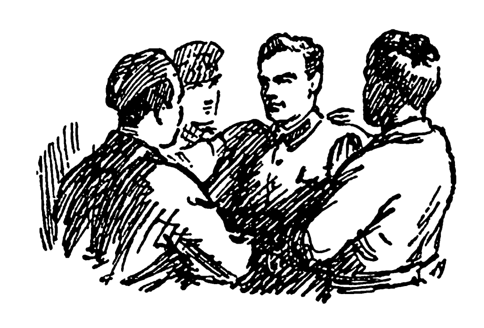
— Товарищи, пора ехать, — сказал командир.

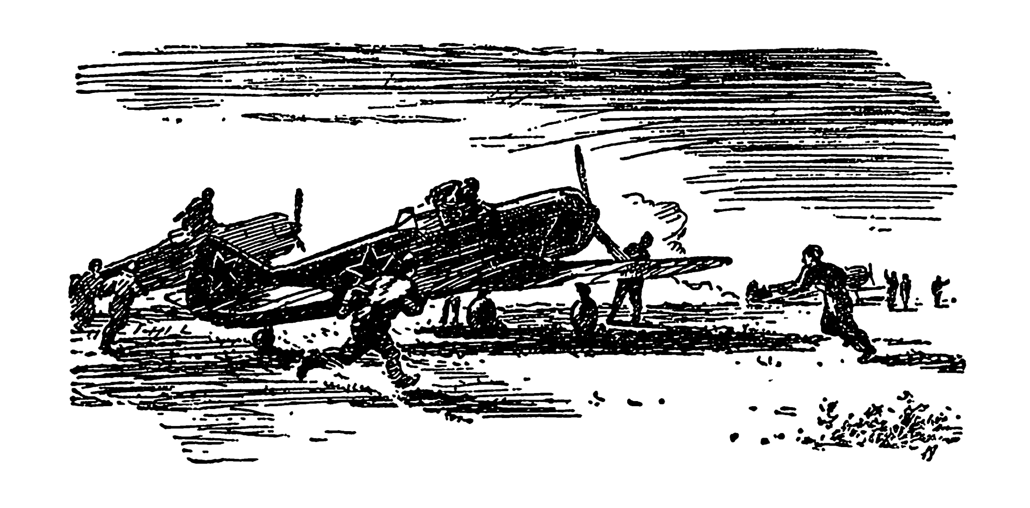
Мы ещё раз торопливо попрощались и влезли в машину. Тронулись.

Ребята бежали за машиной и кричали:

— Бейте врага! Покрепче!

Машина завернула за холм, и аэродром исчез из виду.

Часть четвёртая

В БОЕВОЙ СЕМЬЕ

1. СЛОВА ВОЖДЯ

Мы ехали по тем местам, по которым год назад двигался наш эшелон с запада на восток. На полке против меня устроился старший сержант из другой эскадрильи — Лёня Амелин. У него весёлые серые глаза и хорошее, спокойное лицо. Он высок, чуть сутуловат, говорит медленно, двигается плавно и с виду не похож на лётчика-истребителя. Но это только так кажется. На фронте он проявил себя отважным истребителем.

Мы с Лёней быстро сдружились. У нас оказалось много общего во вкусах, интересах. Он, так же как и я, рвался в бой. Ребята говорили, что Лёня хорошо владеет техникой пилотирования. Но как все мы будем пилотировать в бою? Мы ещё не знали боевых качеств друг друга, не знали ещё и самих себя.

Переезжая Волгу, я думал о том, что она несёт свои почти скованные льдом воды туда, к героическому Сталинграду, и что, может быть, на-днях и я буду там...

7 ноября мы сидели в поезде и очень жалели, что не попали в этот день в Москву.

Подъезжая к столице и глядя в окно на подмосковные дачные места, я испытывал необычайное волнение... Москва... Столица... Сколько я мечтал о ней, сколько думал о ней в тревожные дни 1941 года!..

Мы приехали 8 ноября, в морозное, ясное утро. Сопровождающий, присланный за нами с пункта сбора лётно-технического состава, повёл нас в метро. Чуть растерявшись, мы вошли в светлый подземный зал, сели в поезд и как завороженные смотрели на мелькающие станции.

...В зале пункта сбора лётно-технического состава много боевых лётчиков. Но встречается и молодёжь, вроде нас. Лётчики рассказывают о воздушных боях: одни только что прибыли с фронта, другие — из госпиталей. Мы с Лёней стоим в сторонке у окна и слушаем.

— Внимание! Сейчас вас ознакомят с докладом и приказом Народного Комиссара Обороны товарища Сталина, — объявляют нам.

Все встают. В торжественной тишине вслушиваемся в каждое слово исторического доклада.

«...Какую главную цель преследовали немецко-фашистские стратеги, открывая своё летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты решительно опровергают такое предположение.

...В чём же, в таком случае, состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать её от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву.

...Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году.

...В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

...Только наша Советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его».

Чтение доклада закончено. Раздаются бурные аплодисменты. Все воодушевлены. Я чувствую огромный подъём. У Лёни блестят глаза, и его обычно спокойное лицо сейчас радостно возбуждено. Мы пожимаем друг другу руки.

2. МАЙОР СОЛДАТЕНКО

— Ребята, тут, слышал я, формирует полк бывалый лётчик майор Солдатенко, — говорит нам Петро. — Мне про него порассказали так много, что хочу попасть только к нему. Он с фашистами ещё в Испании сражался, чуть не погиб в горящем самолёте. У него лицо обожжённое. Командир, говорят, стойкий, строгий и душа-человек. Одним словом, заслуженный лётчик.

— Да, но как к такому попадёшь?

Час за часом ждём — вот-вот вызовут и дадут назначение. Слоняться без дела прискучило, и мы отправились в спортзал.

Вышли во двор. Смотрю — навстречу быстро шагает майор с энергичным лицом в рубцах. Это, наверное, майор Солдатенко. Я шепнул Лёне:

— Подойти да попроситься к нему в полк?

Майор мельком взглянул на нас, ответил на приветствие и прошёл мимо. Я не решился к нему обратиться.

Вечером нас собрали и сообщили, что все мы, инструкторы

училища лётчиков-истребителей, зачислены в полк к майору Солдатенко.

Наш командир подошёл, посмотрел на нас и, улыбаясь, сказал негромко:

— Товарищи! Я сочувствую вам. Знаю, что вы будете разочарованы. Случайно слышал, как вы обсуждали, на какой отправитесь фронт. Все вы рвётесь к Сталинграду. И я вас очень хорошо понимаю. Но прежде чем отправиться на фронт, вам придётся ещё поучиться в тылу. Изучим новые боевые самолёты, тактику, а потом уж полетим бить врага...

3. ВЕДУЩИЙ И ВЕДОМЫЙ[1]

...И вот мы снова на учебном аэродроме.

Вокруг сосновый лес, неподалёку речка. Окрестности напоминают родные места.

Нас разделили на ведущих и ведомых. Я попал ведомым к командиру звена младшему лейтенанту Габуния. Петро назначили помощником командира полка.

Когда был зачитан приказ, Габуния подошёл ко мне и сказал:

— Вот славно — вместе летать будем!.. Давай знакомиться: рассказывай о себе. Я тоже расскажу.

Красиво было его лицо с тонкими чертами, с чёрными задумчивыми глазами. У него была лёгкая, чуть танцующая походка. Синяя гимнастёрка ловко сидела на нём. Он и летал красиво, смело, уверенно.

Габуния рассказал, что он по специальности педагог, окончил аэроклуб в родной Грузии, затем, в дни войны, лётное училище. Он уже был членом партии.

---

[1] Ведущий и ведомый. — При полёте строем двух или более самолётов самолёт, летящий первым (на нём обычно находится командир группы), называется ведущим (ведёт за собой), остальные самолёты называются ведомыми.

С этого дня мы — ведущий и ведомый — стали неразлучными друзьями. Рядом спали, вместе ходили в столовую. Так уж водится, что ведомый не отходит от ведущего и на земле, приноравливается к его движениям, привычкам, помня, что всё это понадобится в воздухе.

На аэродроме зарождалась дружба будущих боевых пар.

Дружба нужна везде и всегда, в любой работе: у пулемёта и в танке, у станка и за партой в классе. Но в воздушном бою она нужна, как нигде.

Спаянность лётной пары обязывает зорко следить за каждой ошибкой в воздухе — и своей и товарища: если из ложного чувства товарищества не обратишь внимание друга на ошибку, значит усилишь её.

Огромно значение хорошо слётанной, дружной пары истребителей в воздушном бою. Это дружба воинов, одухотворённых великими идеями справедливой войны, готовых на любой подвиг во славу Отчизны; приказ ведущего — закон для ведомого.

Такие отношения, основанные на доверии и требовательности, и сложились у нас с Габуния.

В эскадрилье подобрались прекрасные, дружные ребята и хорошие лётчики. Вообще мне везёт: товарищи у меня хорошие. А это на войне много значит.

Среди новых товарищей, живущих со мной в землянке, мне особенно пришёлся по душе старший сержант Кирилл Евстигнеев, весёлый, простой, тактичный. К нему все относятся с большим уважением.

Евстигнеев, действительно, заметно выделяется среди многих других: он очень способный лётчик. У него открытое, хорошее русское лицо. Он худощав, не очень высок ростом. Когда Кирилл чем-нибудь взволнован, он крепко сжимает зубы, и мускулы на его лице двигаются. Он очень впечатлителен, но в то же время у него поразительная выдержка.

4. „ЛА-5“

На учебном аэродроме нас застала радостная весть: 19 ноября 1942 года, по приказу Верховного Главнокомандующего, Советская Армия силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешла в стремительное наступление и нанесла мощный удар по врагу. Началось окружение фашистских армий под Сталинградом.

Каждому из нас в эти дни хотелось полететь туда, на берега Волги, уничтожать окружённые вражеские войска. Но ещё шла теоретическая учёба. Мы знакомились с самолётами конструкции Лавочкина «Ла-5».

В декабре начались зачёты. Мы так упорно и старательно работали, что почти все сдали их на «отлично», и Солдатенко, довольный, улыбающийся, сказал:

— Теперь, товарищи, приступим к полётам на «Ла-5». На них и отправимся на фронт.

Нас перевели на другой учебный аэродром. И там-то в морозные январские дни мы начали проводить наземную подготовку на истребителях «Ла-5». Я не отходил от самолётов, рассматривал их со всех сторон. Крепкие, тупоносые машины стояли в ряд, все одинаковые, одна к другой. Но у каждой машины были свои, неуловимые с первого взгляда особенности.

Утром, перед тем как впервые подняться на «Лавочкине» в воздух, я подошёл к своему самолёту и приветствовал его по всем правилам, как командира. Сделал это я не шутки ради, а серьёзно. Мои учителя привили мне чувство глубокого уважения к машине. Самолёт словно говорит человеку: «Изучишь меня — буду служить тебе. Станешь относиться небрежно — накажу тебя».

Я боялся, что ребята увидят, как я приветствую машину, и будут смеяться. Оглянулся — нет, все стоят у своих самолётов и поглощены предстоящим вылетом. Каждому хотелось отлично провести полёты на новой машине.

Мне очень нравился надёжный, мощный мотор на «Ла-5», и я много возился с самолётом. Петро, проходя мимо, кричал мне подмигивая:

— Ну что, Ваня, на этом самолёте дадим фашистам жару!

Когда мы начали вылетать, больше всех, кажется, волновался Солдатенко. Он бегал провожать и встречать каждого лётчика. Не успел я вылезть из машины после первого полёта, командир подбежал ко мне, крича ещё издали:

— Поздравляю, товарищ старший сержант! Очень рад!

Он пожал мне руку.

— Все лётчики хорошо летают, — уже на ходу добавил он и побежал встречать самолёт Амелина.

Он именно бегал: ему непременно надо было встретить каждого. Мы его называли «батей», и он действительно поотечески относился к нам.

«Батя» был настоящий командир — учитель, наставник, воспитатель, требовательный, беспощадный к нарушителям дисциплины, готовый помочь делом и словом каждому, кто работает добросовестно. Мы его любили, уважали, прислушивались к его словам. Это был человек, о котором принято говорить: «душа полка».

2 февраля 1943 года у нас большой праздник: успешно завершена ликвидация окружённых под Сталинградом вражеских войск.

Закончилась историческая Сталинградская операция, так блестяще проведённая по замыслу и под руководством товарища Сталина.

Мы готовимся к вылету на фронт. К нам прибыли новенькие самолёты «Ла-5». Они построены на трудовые сбережения земляков Валерия Чкалова, и на их борту — надпись: «Имени Валерия Чкалова». Как много благородных мыслей рождает имя великого лётчика нашего времени! Кто из нас, молодых пилотов, не мечтал хоть немного походить на него, самоотверженно и бесстрашно, как он, служить Родине!

За каждым лётчиком закреплена машина. Мне достаётся

пятибачный «Ла-5» № 75. У всех ребят — трёхбачные машины; они более маневренны, послушны и поворотливы. А пятибачный тяжеловат: скорости на нём не разовьёшь.

Солдатенко собирает нас и говорит:

— Поздравляю вас, товарищи! Вам доверены замечательные машины. Помните: долг каждого — беречь свой самолёт, ибо каждый из вас будет на нём драться с противником.

Вьюга мешает нашему вылету. По нескольку раз в день прогреваем моторы. Злимся на погоду — вот ведь привязала нас к земле!..

5. НА ФРОНТ!

Наконец небо над аэродромом прояснилось. Сегодня улетаем! Командир говорит напутственное слово, и наша часть быстро снимается с аэродрома. Мы летим к тем местам, откуда эвакуировались.

На одном из промежуточных аэродромов стояло несколько самолётов со звёздами на бортах — звёзд было нарисовано по числу сбитых вражеских самолётов.

Общее внимание привлекал «як» — на его борту было восемнадцать звёзд. Восемнадцать сбитых! Я долго стоял около него, смотрел на звёзды и думал о том, как хорошо, вероятно, дрался этот лётчик. Когда подошёл механик, я спросил, чей это самолёт. Оказалось, что это машина Героя Советского Союза Макарова, — его боевая деятельность мне запомнилась по газетам. Как бы его увидеть? Нарочно несколько раз проходил мимо его самолёта, но Макарова не видел.

Вечером мы с Петро зашли в парикмахерскую. Там было много военных. Мы сели на стулья у стены, дожидаясь своей очереди. Вдруг Петро шепнул мне на ухо: «Смотри в зеркало». В стекле отражалось чьё-то молодое, мужественное и удивительно знакомое лицо. Это был он, Макаров. Я его запомнил по снимкам. К сожалению, он уже собирался уходить.

Мне так и не удалось «изучить» его. Когда он встал, то невольно, словно сговорясь, встали и мы с Петро.

Он был и с виду настоящим лётчиком-истребителем: крепкий, подтянутый, быстрый, с зоркими ясными глазами. Мне очень хотелось пожать ему руку, но я одёрнул себя — куда мне, желторотому, жать руку герою, боевому, бывалому лётчику! Когда он вышел, Петро многозначительно сказал:

— Вот это орёл!

6. ПОДГОТОВКА

На фронте наступило затишье. Враг выдохся и перешёл к обороне по Северному Донцу. Советские войска основательно измотали фашистов.

Наш полк стоял на южном участке Курской дуги, глубоко вклинившейся во вражескую оборону. Мы знакомились с местностью — районом будущих военных действий. Надо было хорошо изучить карту, узнать, где проходит линия фронта; ежедневно полагалось бывать на разборе боевых вылетов.

Здесь, во фронтовой обстановке, ещё больше вырос авторитет Солдатенко и его заместителя по политической части Мельникова, опытного, боевого лётчика. Когда на аэродроме оставался командир, то в воздух обычно поднимался замполит[1], и наоборот.

Личным примером Мельников показывал, как надо драться с врагом. Много беседуя с нами и часто бывая по вечерам у нас в общежитии, заместитель по политической части хорошо знал настроения каждого лётчика. У него всегда находились для нас острое слово, шутка. Прекрасные лётные качества подымали его авторитет. Его беседы с нами, можно сказать, действительно доходили до души, заставляли над многим призадуматься. Заместитель нашего командира был хорошим политическим вожаком.

---

[1] Замполит — заместитель командира полка по политической части.

— Успех выполнения боевого задания зависит от знаний, — часто говорил он, сидя по вечерам у нас в землянке.— Каждый свой полёт — и боевой и тренировочный — тщательно анализируй сам. Если допустил ошибку, советуйся со мной, с любым командиром, с товарищем. Главное — не замыкайся, прислушивайся к критике, и тогда любую ошибку выправишь. Так должен поступать комсомолец.

Мы сделались серьёзнее, вдумчивее. Многие из нас вступили в партию. К этому важнейшему в жизни событию готовился и я.

7. В ПЕРВУЮ ВСТРЕЧУ С ВРАГОМ

Мы стали много и усиленно тренироваться. Я летал в паре с Габуния. В воздухе было тихо. Нас, молодёжь, постепенно подготовляли к будущим воздушным боям.

Тяжёлый пятибачный самолёт — источник моих огорчений. Мне хочется выжать из него максимальную скорость.

У машины хлопочет механик Иванов. Он молод, но опыт у него большой.

Собираюсь в тренировочный полёт. Подходит Амелин:

— Ну, как твой аппарат? Бензину занять можно?

— Смейся! Вот сейчас попробую в последний раз — может, что и выжму.

Иванов серьёзно говорит Амелину:

— Не шутите, товарищ командир. Отличный аппарат.

В паре с Габуния мне приказано вырулить на старт. Нас неожиданно отправляют на дежурство в воздух. Солнце уже стоит низко, у гитлеровцев это излюбленное время для налёта на наши аэродромы.

Габуния взлетает. Следую его примеру. Мой пятибачный медленно набирает скорость и высоту. Теряю из виду своего ведущего. Пытаюсь связаться с ним по радио — ответа нет. С землёй я связи не установил.

Решаю проверить, какую максимальную скорость может

дать моя машина. Набираю высоту тысяча пятьсот метров и начинаю «выжимать» из самолёта всё, что он может дать.

Скорость самолёта меня не удовлетворяет. Пристально смотрю на прибор и вдруг вспоминаю, что нахожусь не над учебным аэродромом, что нужно следить за воздухом.

Осмотрительность и ещё раз осмотрительность!

Первый взгляд кинул на аэродром — далеко ли улетел, не заблудился ли. Вижу — ниже меня какие-то самолёты пикируют на наш аэродром. Сначала я подумал, что это наши. Но вдруг заметил разрывы бомб. Сердце заколотилось: «Противник! Надо его быстрее бить!»

По спине прошла дрожь: их шесть, а я один!.. Вот оно, начинается настоящее! И мне пришло на память правило, заученное ещё в школе: «Чтобы внезапно атаковать противника, атакуй со стороны солнца». Я стремительно разворачиваюсь и сверху атакую заднее звено.

Трудно сказать, что заставило меня вдруг вспомнить правило, которое так часто повторяли нам учителя: «Перед атакой посмотри назад — не атакуют ли тебя сзади самолёты противника». Не успел я повернуть голову влево, как увидел, что ко мне приближается незнакомый самолёт. Это был «Мессершмитт-110».

Пока я приглядывался к нему — а это была доля секунды, — в воздухе блеснула огненная трасса: фашист открыл огонь.

Послышался треск за бронеспинкой. Медлить нельзя. Резко бросив машину в сторону, я очутился в разрывах своей зенитной артиллерии. Мой самолёт накренился влево: части правого крыла не стало. В этот миг мимо пронеслись четыре истребителя противника — «Мессершмитты-109». Они — как это я узнал потом, на земле, откуда за ними следили — всё время находились на высоте трёх тысяч метров в стороне от аэродрома, прикрывая действия «Мессершмиттов-110».

Меня качнуло вправо. Ещё один снаряд попал в левый бок

машины, а третий — в хвост. Я еле удержал самолёт на высоте пятисот метров.

...Все вражеские самолёты ушли на запад. За ними погнались, взлетев с аэродрома, два «Лавочкина». Я не мог к ним примкнуть. Куда там! Мой самолёт совсем изранен, рулевое управление нарушено. Но обиднее всего, что даже не удалось открыть огонь по противнику. Я был очень зол на себя, очень недоволен собой. Действовать надо было решительнее...

Мой самолёт еле держался в воздухе. Не спрыгнуть ли с парашютом? Но я быстро отогнал эту мысль, решив во что бы то ни стало посадить машину. И пошёл на посадку.

Мысль работала точно, движения были уверенны. Мною овладело удивительное спокойствие — потом оно всегда появлялось у меня в трудную минуту. Все силы и умение были направлены на то, чтобы спасти самолёт.

Выбрал направление и пошёл на посадку. Самолёт коснулся земли. На душе стало легче.

Но вот машину качнуло вправо. Левое колесо пробежало по куче рыхлой земли — её выбросило из воронки снарядом. Я удержал самолёт и, со страхом подумав, что он сейчас развалится, начал рулить к стоянке. Откуда только такая выносливость у моего «Лавочкина»!

Ко мне спешили товарищи. Смотрю — впереди всех командир.

Я выскочил из кабины. Первая мысль была о Габуния — его самолёта не видно на поле.

— Ну как, не ранен? — ещё издали крикнул мне командир.

Я стал ощупывать себя, пошевелил плечами. Боли нигде не ощущал. Постарался ответить спокойнее:

— Не волнуйтесь, товарищ командир, как будто невредим, а вот машина...

И голос у меня сорвался.

— Как только самолёт в воздухе не развалился! Держался на честном слове. Глядите, какой прочный оказался! — сказал механик Иванов.

Мы столпились у машины. Она вся изрешечена... А Солдатенко подошёл ко мне и сказал:

— Главное — не унывай. Это первое боевое крещение. Сейчас разберём твой вылет. Многим на пользу пойдёт. Сбить самолёт — не рукой махнуть.

И тут только я заметил, что одна рука у Солдатенко перевязана, что через бинт просочилась кровь.

— Товарищ командир, вы ранены? Что случилось?

Он ответил посмеиваясь:

— На войне без крови не бывает. Царапнуло слегка.

Оказывается, был ранен не только командир, но и заместитель по политической части Мельников. Они были на старте во время вражеского налёта. Мельникова ранило более серьёзно, и его отвезли в санбат.

— Не бережёте себя, товарищ командир, — сказал кто-то, обращаясь к Солдатенко.

— Как все вы, выполняю свой долг, — ответил командир. — А где Габуния? Вот кто неосторожен и горяч!.. Ну, ты не унывай, — повторил он, обернувшись ко мне. — Уцелел ты чудом и машину ещё посадил. Отдыхай до разбора.

И командир пошёл встречать чей-то приземлявшийся в это время самолёт.

Первая встреча с фашистами оказалась хорошей проверкой моих знаний материальной части истребителя. Но она же наглядно показала, что я ещё слабо знаю тактику врага. Тяжёлый, но поучительный урок. Нужно ещё внимательнее приглядываться к боевым товарищам, прислушиваться к словам командиров, совершенствовать свою боевую выучку.

Я долго думал о том, как мало у меня опыта и как всё молниеносно быстро решается в воздухе.

Жаль было самолёт. Мне порой казалось, что он — живое существо. С этого дня я стал ещё теплее, если можно так сказать, относиться к машине.

«С самолётом надо обращаться на «вы», уважать его надо» — недаром так говорил инструктор Кальков.

...Габуния прилетел на следующий день.

Вот что произошло с ним. Он тоже потерял меня из виду. И по неопытности, как и я, не знал толком, что ему надо делать. Вдруг он заметил, что к линии фронта летят несколько «яков». Недолго думая он пристроился к ним и полетел вслед. Он был горяч и самоотвержен; решил, что раз наши к линии фронта летят, значит его помощь пригодится.

Он рассказывал мне:

— Думаю: хоть одного фашиста, а собью! Бить так бить!.. Очень уж хотелось встретиться с врагом. И досаднее всего, что встретиться не пришлось. Гитлеровцы, увидев нас, ушли. А я потерял свой аэродром и сел на чужой с «яками».

Командир, хорошо зная Габуния, понял, что мой ведущий допустил нарушение дисциплины не из удали, а поддавшись порыву, свойственному его горячему характеру. Солдатенко долго задушевно говорил с нами обоими о том, что всё даётся опытом и когда мы пройдём школу настоящих боёв, то будем хладнокровнее и рассудительнее. Командир предостерегал, учил нас никогда не отрываться друг от друга.

С тех пор мы с Габуния обо всём сговаривались заранее, на земле, и тщательно налаживали работу радио, чтобы не быть глухими в воздухе. После первой встречи с врагом я понял, что такое расчёт и хладнокровие.

8. ПОДВИГ ЛЕЙТЕНАНТА ГАБУНИЯ

Незаметно наступил апрель 1943 года. Не только на нашем Воронежском, но и на всех фронтах — затишье. Лишь на Кубани, где противник сосредоточил значительные силы своей авиации, идут горячие бои. Небо Кубани стало ареной ожесточённых воздушных сражений, в которых принимали участие сотни самолётов. Наша авиация господствует в воздухе. Фашисты несут огромные потери.

Мы с волнением следим за боями на Кубани. До нас уже докатились вести о подвигах Героя Советского Союза майора Покрышкина. Лётчики говорят о его изумительном боевом и лётном мастерстве.

На Кубани геройски сражаются и другие замечательные советские лётчики — братья Глинки, Речкалов, Гулаев и многие другие.

А у нас продолжаются боевые будни, идёт подготовка, на задания вылетаем редко.

...Боевая тревога! Со всех концов лётного поля поднимаются истребители на отражение крупного налёта вражеских бомбардировщиков на Валуйки.

А я не могу вылететь по тревоге: с моего самолёта снят капот, техник осматривает мотор. Мой ведущий должен лететь без меня в группе истребителей.

Бегу к его самолёту. Габуния влезает в кабину, машет мне рукой и кричит:

— Жаль, Вано, что не вместе! Но я за двоих постараюсь!

Группа истребителей улетает. Не свожу с них глаз. Обидно оставаться на земле, когда товарищи летят в бой.

Издали появляется группа вражеских самолётов. Километрах в двадцати от аэродрома наши вступают с ними в бой. Напряжённо всматриваюсь, но на таком расстоянии ничего не различишь. Беспокоюсь за друга. Он участвует в настоящем воздушном бою, а мне, его ведомому, приходится быть только зрителем!

Не ухожу со стоянки его самолёта: хочется его встретить первым.

Наши самолёты начали возвращаться на аэродром. Приземляются один за другим. Габуния нет. Все, кажется, уже на своих стоянках. С тревожным нетерпением всматриваюсь в небо. Нет моего ведущего, моего друга.

Около командного пункта собрались лётчики. Бегу туда.

Кто-то взволнованно докладывает Солдатенко. До меня доносится имя Габуния... Мой ведущий, младший лейтенант

Габуния, таранил в воздухе фашистский самолёт и погиб смертью героя, не допустив врага к объекту.

Я был безутешен и долго не мог примириться с мыслью, что больше не увижу дорогого Габуния. Гнев, страстное желание отомстить за друга нарастали в душе.

Габуния — человек с исключительно развитым чувством товарищества и боевого братства — был удивительно заботлив и внимателен ко всем, кто с ним соприкасался. С какой теплотой грузин Габуния говорил об Украине, как мечтал, что вот, когда освободим Сумщину, может и побываем хоть один денёк в моей Ображеевке! Помню, однажды вечером после политинформации Габуния задушевно сказал мне:

— После войны, Вано, когда фашистов разобьём, я тебя к себе в гости повезу. Мой дом — твой дом. Если враг сейчас в твоём доме, значит он и в моём доме. Общий у нас с тобой дом: Советский Союз!

Запомнился мне один наш полёт. Мы перелетаем на прифронтовой аэродром. Обстановка боевая. Слежу за воздухом, за ведущим, готов по первому приказу открыть огонь.

В небе рыскают самолёты противника. В любую минуту надо ждать вражеской атаки. И вдруг слышу — Габуния передаёт мне по радио:

— Кожедуб, Кожедуб! Опробуй пушки, вдвоём летим.

Товарищеская спайка, душевная теплота скрывались за этими простыми словами: «вдвоём летим». Это значило, что в минуту опасности мы будем как один. Так было в воздухе, так было и на земле...

9. ЗАКАЛКА

Однажды командир Солдатенко вызвал несколько лётчиков, в том числе Петро и меня, и сказал, что нам поручено полететь на тыловой аэродром, выбрать там новые самолёты и вернуться на них «домой».

— Вам поручается ответственное задание, товарищи, — за-

кончил командир. — Надо воспользоваться затишьем. Но в тылу не задерживайтесь. Как только получите машины — немедленно назад. Быстрее действуйте.

Мою радость разделял механик Иванов. Он ходил за мной по пятам и давал советы, на что, по его мнению, надо обратить особое внимание при выборе машины.

Солдатенко тепло проводил нас, и через несколько часов полёта мы были уже на тыловом аэродроме.

Встретили там много лётчиков из других частей. Они тоже торопились. А новеньких «Ла-5» было столько, что у меня глаза разбежались.

Помня приказ Солдатенко, мы быстро выбрали самолёты. Обходя со всех сторон облюбованный мною «Ла-5», я повторял: «Не подведи, малютка!», хотя слово «малютка» никак не подходило к этой грозной машине.

Осматривая самолёт, я подумал о том, что хорошо было бы встретиться с его конструктором Лавочкиным, с конструктором вооружения самолёта Шпитальным.

Итак, машины приняты. Мы поздравляем друг друга, наперебой хвалим своих «Лавочкиных» и, довольные, гордые, весёлые, идём к самолётам, чтобы полететь «домой».

Первым, кого я увидел, вылезая из кабины на нашем прифронтовом аэродроме, был механик Иванов. У него грустное, не свойственное ему выражение лица, словно он не рад новому самолёту. «Что-то неладное!» подумал я.

Иванов подошёл ко мне.

— В чём дело, Иванов? Вас словно подменили. — Пожимаю ему руку и ловлю его взгляд.

— Товарищ командир, четырнадцатого апреля был налёт, и наш командир...

Иванов, этот крепкий, мужественный человек, замолчал и опустил голову. Я крикнул:

— Да говорите же! Ранен, да?

— Погиб.

Я не мог выговорить ни слова.

...Солдатенко был в штабе, когда начался налёт. Услыхав взрыв, он побежал на командный пункт, чтобы, как всегда, дать указания. Рядом в ангар попала вражеская бомба. Взрывная волна сбила с ног нашего командира и отбросила его далеко в сторону. Он был смертельно ранен осколками.

Гибель любимого командира была тяжёлым ударом.

В это тягостное для полка время нас поддерживал парторг Беляев. Он подолгу дружески беседовал с нами, всё время был среди нас. Помню, кто-то из лётчиков сказал ему:

— Какие потери у нас в части, товарищ Беляев: Габуния, а теперь командира потеряли!

— Верно, друг, нелегко, только унывать не вздумай! — горячо откликнулся Беляев. — Вспомни Солдатенко, как он стойко переносил испытания. Большевики никогда не падают духом, они ещё теснее смыкают свои ряды, если гибнет боевой товарищ.

Парторг учил нас стойко преодолевать трудности, выковывая победу.

И мы не падали духом, мужали в испытаниях. Мы проходили большую, трудную школу большевистской закалки. Гибель товарищей сплотила нас, заставила ещё сильнее ненавидеть врага и яростнее рваться в бой.

10. В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

У нас всё ещё затишье. Мы учимся, готовимся к будущим боям.

Нашу эскадрилью принимает бывалый лётчик — старший лейтенант Фёдор Семёнов. На его счету восемь сбитых вражеских самолётов.

Новый командир эскадрильи — москвич. У него, как у нашего «бати», лицо в ожогах. Он молод, широкоплеч, среднего роста. Походка у него решительная, быстрая. Во всей внешно-

сти есть что-то удивительно располагающее, внушающее уважение. Говорит спокойно, продуманно.

Вечером на разборе новый командир эскадрильи не раз напоминал нам:

— Самое важное — соблюдать боевой порядок группы. Цель каждого из нас — сбить врага. Но не гоняйтесь за «сбитыми», не отрывайтесь от группы, не нарушайте дисциплины.

Я сразу отметил в командире те качества, которые мы так ценили в Солдатенко: твёрдость, требовательность, товарищескую простоту.

После разбора полётов ко мне подошёл наш парторг Беляев, сел рядом со мной, и у нас завязалась тёплая товарищеская беседа. Беляев говорил, что теперь, во время подготовки к боям, я должен не только много учиться сам, но и учить более молодых и неопытных лётчиков. Он говорил, что, по его мнению, Евстигнеев, Амелин, я и некоторые другие лётчики, одновременно со мной пришедшие на фронт, достойны стать кандидатами в члены коммунистической партии.

Я слушал, не отводя взгляда от его серьёзного, спокойного лица, и чувствовал тот подъём, который испытывал несколько лет назад, когда Мацуй в аудитории техникума говорил о долге комсомольца. Парторг, очевидно, понял, что происходит со мной. С дружеской улыбкой посмотрев на меня, он поднялся, протянул мне руку и сказал:

— Работаете вы все добросовестно, воюете честно и смело. Приобрели военный опыт, знания, растёте политически. Считаю вас непартийными большевиками. Если ты решил, если чувствуешь, что готов принять высокое звание большевика, то подавай заявление. Подумай над этим.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Беляев ушёл.

К вступлению в партию я готовился давно. Всё хотел поговорить с нашим комсоргом — старшиной Коротковым, но не решался. Мне казалось, что я ещё не заслужил права быть коммунистом.

Меня назначили заместителем командира эскадрильи.

Сообщив о назначении, Семёнов сказал, как всегда, твёрдо и дружелюбно:

— На-днях к нам поступит пополнение. Работы будет много. Нужно так подготовить молодых, чтобы они уверенно дрались с врагом. Надо подробно разбирать их вылеты, учитывать их ошибки. Учитесь командовать.

Готовясь к новым обязанностям, я стал прислушиваться к каждому слову командира, присматриваться к тому, как он командует, учит, воспитывает, как разговаривает с подчинёнными. Мне поручено ответственное дело — воспитание молодых боевых лётчиков.

Прибывает пополнение. Эскадрилья формируется из новых лётчиков.

Все они — комсомольцы. Большинство только что закончили лётную школу. У нас в эскадрилье три новичка. Паша Брызгалов — румяный и коренастый, у него раздвоенный подбородок и смеющиеся глаза; его школьный друг, Миша Никитин, — тонкий, мускулистый, очень подвижной и весёлый. Третий — Гопкало, тоже совсем ещё молодой паренёк.

Брызгалова Семёнов берёт к себе в ведомые. Ко мне назначен в ведомые Василий Мухин. Он уже бывал в боях.

Семёнов отводит меня в сторону и говорит:

— Помните: в дружбе ведомого и ведущего — успех пары. Приглядитесь повнимательнее к Мухину.

Мы с Василием провели много учебно-тренировочных полётов над нашим полевым аэродромом, приглядываясь друг к другу в воздухе. С этого начинается дружба пары.

На аэродроме Мухин ходит за мной — привыкает к моим движениям, голосу. Иногда забуду о нём, оглянусь, а он идёт по пятам. Забавная со стороны, но нужная в лётном деле «наземная подготовка». Как сейчас вижу улыбающееся белобровое лицо Мухина, его голубые зоркие глаза, прядь выгоревших на солнце волос, всю его крепкую фигуру.

Василий чуть сутулился, как часто сутулятся лётчики, привыкшие сидеть крючком в кабине самолёта.

Мы жили дружной тройкой — Мухин, Кучеренко и я. Спали рядом на соломе. Вечерами долго разговаривали о родных. Старики Василия остались в деревне под Гомелем. У него, как и у меня, на сердце никогда нет покоя. Я всё время думаю об отце. Часто вспоминаю братьев: где-то они сейчас? Слежу за линией фронта и с нетерпением жду начала наступления наших войск.

В первых числах июня Петро Кучеренко получил назначение в другую часть и улетел. Пусто стало без него в землянке. Три месяца фронтовой жизни сроднили нас.

11. ПЕРЕД БИТВОЙ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Наступил июнь 1943 года.

Наша часть попрежнему стояла на аэродроме в девяноста километрах от линии фронта. Отсюда перед нами лежал путь на Киев, Чернигов, Полтаву, Кременчуг — на Украину.

В воздухе и на земле было тихо. Но к нам на полевые аэродромы прилетели свежие эскадрильи истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. По земле бесконечным потоком двигались наши танки, артиллерия, пехота.

Мы продолжаем учебно-боевую подготовку. На тренировочные полёты теперь обращается особое внимание. Семёнов тщательно проверяет наши знания.

В конце июня 1943 года старшие сержанты — мои товарищи и я — получили звание младших лейтенантов.

Комсомольское собрание в тот вечер прошло торжественно и оживлённо. Каждому хотелось выступить, поделиться своим боевым опытом, сказать о той гордости, которую он испытывает сегодня, вступив в офицерскую семью. Мы горячо обсуждали доклад заместителя командира по политической части о роли советского офицера.

Я знал — мне многого нехватает, чтобы стать настоящим офицером военно-воздушных сил, настоящим, испытанным

лётчиком, хотя у меня на счету было уже около тридцати боевых вылетов. «Боевые качества куются постепенно», вспоминал я слова Солдатенко.

В полку не прекращалась напряжённая боевая учёба. По всему чувствовалось, что предстоят большие, решительные бои. Было известно из газет, что в Германии идёт всеобщая мобилизация, что там выпущены новые виды оружия — танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд».

Летая в разведку над вражеской территорией, мы видели, что фашисты подтягивают свежие части.

Как мы потом узнали, враг, пользуясь отсутствием второго фронта, стягивал сюда, к Курской дуге, большие силы, рассчитывая захватить плацдарм, занятый нашими войсками, нанести удар, выйти к Москве.

Но Верховный Главнокомандующий великий Сталин разгадал замыслы фашистов и заблаговременно направил сюда наши закалённые войска и мощную технику.

Мы уверенно ждали начала боёв.

12. БОЕВОЙ СЧЁТ ОТКРЫТ

5 июля 1943 года я проснулся на рассвете от грохота канонады. Проснулись и мои товарищи. Все, словно сговорившись, вскочили с коек и помчались на аэродром. Построились. Собрался весь личный состав. Волнуемся.

Командир объявляет:

— Товарищи! Противник перешёл в наступление на Белгородско-Курском направлении. Он рассчитывает ударом с двух сторон — от Орла на юг и от Белгорода на север — обрушиться на наши войска. Но его замыслам противопоставлена стратегия нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Враг должен быть уничтожен, и он будет уничтожен!

Оглушительное «ура» прокатилось по аэродрому.

Командир продолжал:

— Настал час испытания боевых качеств молодых лётчиков нашего полка. Перед нами ответственная задача — прикрыть советские наземные войска от вражеской бомбардировки с воздуха... Все по машинам!

Весь первый день боёв наша часть просидела в самолётах на земле. Мы, видимо, находились в резерве.

Наутро, чуть свет, мы снова на аэродроме. Полк получил боевое задание: прикрыть наземные войска от вражеской бомбардировки с воздуха.

...Нашу эскадрилью ведёт Семёнов. Мы ещё далеко от линии фронта, а на земле уже видны пожары. Подлетаем ближе. Запах гари чувствуется даже в кабине. В воздухе тают разрывы зенитных снарядов.

Идёт настоящее воздушное сражение. Ничего подобного я ещё не видел и не мог себе представить.

В наушниках шлемофона[1] слышатся команды наших офицеров с радиостанций наведения. Не успевает выключиться один передатчик, как включается другой. Разобраться трудно... Товарищи из других эскадрилий уже вступили в бой. Иногда в наушниках раздаются чьи-то отрывистые команды:

— Атакую, прикрой!

— Внимание, слева «мессер»!

С земли доносится:

— Соколы, атакуйте! Бейте их, бейте!

Зорко слежу за командиром и готов выполнить каждый его приказ.

Семёнов сообщает: «Подлетаем к линии фронта».

Вслед за этим раздаётся его команда: «Впереди ниже нас более двадцати самолётов противника. Атакуем!»

И действительно, ниже нас по-воровски, сторонкой, направляется к линии фронта до двадцати семи пикирующих бом-

---

[1] В наушниках шлемофона; шлемофон — головной убор лётчика (шлем), в который вделаны радионаушники.

бардировщиков «Юнкерс-87» под прикрытием истребителей. Самолёт командира вихрем понёсся на бомбардировщики. Несколько секунд — и горящий «юнкерс» рухнул на землю.

Семёнов крикнул:

— Орлы, бей их!

Быстро захожу одному из «юнкерсов» в хвост. Ловлю его в прицел. Дистанция подходящая. Нажимаю на гашетки — пушки заработали. «Юнкерс» начал маневрировать. Почти вплотную сближаюсь с противником. Обжигает мысль: «Неужели уйдёт безнаказанно?» Как во сне, слышу голос ведомого: «Бей, Ваня: прикрываю!»

Стиснул зубы, продолжаю стрелять и думаю: «Если не собью, то буду таранить, последую примеру Габуния».

Дал несколько длинных очередей. И вдруг самолёт врага вспыхнул и пошёл вниз. С каким торжеством, с какой радостью взмываю вверх! Кричу своему ведомому:

— Вася, друг, одного кокнул!

Оглядываюсь по сторонам. Вижу, от меня отвалил «мессер». Сразу понял, какая опасность грозила мне только что. Я не заметил, как в хвост моей машины зашёл «мессершмитт». Но ведомый был начеку и во-время прикрыл меня словно щитом, отбив атаку «мессершмитта». Если бы не он, гитлеровец расстрелял бы меня в упор.

Наша дружба выдержала испытание в этом жарком воздушном бою. Удар советских истребителей ошеломил врага. Строй бомбардировщиков рассыпался. Противник в беспорядке сбросил бомбы в расположение своих войск и ушёл на запад.

Я ещё не успел опомниться. Губы у меня ссохлись. Хотелось пить. Я был словно в горячке. Но вот снова послышалась команда: «На подходе группа бомбардировщиков. Атакуйте!»

Мы снова врезаемся в свежий строй фашистских самолётов. Противник становится в оборонительный круг. Вражеские стрелки открывают по нас бешеный огонь.

Пристраиваюсь к самолёту противника. Сел, как говорят, ему на «хвост». Думаю: «Сейчас в упор расстреляю». Отчётливо вижу кресты. Пора открывать огонь. Нажимаю гашетки... Но пушки молчат. Я и не заметил, что все снаряды уже израсходованы.

Атакуя первого «юнкерса», я по неопытности открыл огонь с большой дистанции и вёл его длинными очередями. За несколько секунд израсходовал все боеприпасы. Это был хороший урок. Я на опыте убедился, что нужно экономно расходовать боеприпасы, а для этого действовать точно, быстро, с расчётом.

Между тем противник резко шарахнулся от меня в глубь своего строя и чуть не столкнулся с другим «юнкерсом».

«Так и без снарядов, — думаю, — можно сбивать самолёты врага!» Минут десять гоняюсь за противником. Вражеские самолёты, не выдержав атаки наших истребителей, повернули на запад, суетливо сбрасывая бомбы.

Мой личный счёт открыт: я сбил один фашистский самолёт.

...Мы благополучно, без потерь, вернулись на свой аэродром. В привычной обстановке я ещё острее почувствовал радость. Меня обступили лётчики, механики. Мухин, возбуждённо жестикулируя, рассказывал о том, как я зажёг самолёт и как он отбил атаку «мессера».

Да, но надо сначала по всем правилам доложить командиру. Так и хотелось бежать! Но я подтянулся и спокойно, медленно, как полагается бывалому лётчику, направился к КП. Навстречу идёт Семёнов. Почему у него такое хмурое, недовольное лицо? Я растерялся, запнулся, позабыв заранее приготовленные слова. Семёнов посмотрел на меня и сердито сказал:

— Мне всё известно, видел. Я вами недоволен. Дерзости у вас много. Это хорошо, но в таких сложных условиях надо быть сдержанным, а то самого, как куропатку, собьют. В бою нельзя горячиться.

Он замолчал, а я стоял перед ним навытяжку, в полном смятении. Вдруг командир улыбнулся и протянул мне руку:

— А в общем — молодец! Так и бей их! Но смотри не зазнавайся! Заруби на носу мои слова...

От сердца отлегло. Я был благодарен командиру за то, что он предостерёг меня, заставил быть скромнее и требовательнее к себе.

Первый бой показал, что одного умения водить машину, одного лишь знания самолёта, желания победить врага, одной лишь смелости ещё мало — надо уметь определить замысел противника и, молниеносно оценив обстановку, опередить врага. Успех в воздушном бою решают секунды.

Вечером после разбора полётов в столовой было шумно и весело, как никогда. Говорили безумолку. Многие в этот день одержали свою первую победу над врагом.

На следующий день, 7 июля 1943 года, мне удалось одержать вторую победу — сбить «Юнкерс-87», а через день — два «Мессершмитта-109».

13. В НАСТУПЛЕНИЕ!

С каждым днём бои делались всё напряжённее. Грандиозная битва развёртывалась на дуге, обращённой к западу от Курска. Видимо, враг готовился долго и сейчас в бессильной ярости бросал на поле боя одну дивизию за другой, но они быстро таяли. Планы фашистов провалились. Враг встречал нашу мощную оборону на земле, наше мощное сопротивление в воздухе и стал вести себя нервозно и истерично.

Наша авиация наносила врагу сокрушительные массированные удары.

Через несколько дней после начала битвы на Курской дуге советская авиация завоевала полное господство в воздухе.

К 16 июля 1943 года фашисты на нашем участке фронта перешли к обороне. Но наши войска не дали врагу закрепить-

ся и предприняли мощное контрнаступление, отбросив противника на юго-запад.

24 июля Верховный Главнокомандующий поздравил войска наступающих фронтов с ликвидацией летнего наступления фашистов, о котором они трубили на весь мир. Вражеская оборона подготовлялась долго — Советская Армия сломила её за несколько дней.

...Немецко-фашистские захватчики отступают. Наши войска не дают им возможности опомниться. Мы попрежнему не вылезаем из своих машин — делаем по нескольку вылетов в день. Наш боевой счёт растёт. Спим мало. Иногда досыпаем днём в землянке. А когда техники спят — неизвестно. Они всю ночь просматривают и ремонтируют машины.

Наш полк перелетел на аэродром ближе к линии фронта. Развалины. Пепелище. Крестьяне встретили нас на околице разрушенного села. Впереди шёл старик со строгим, скорбным лицом, с длинной бородой. Он приблизился к командиру части, обвёл рукой — вот, мол, смотрите сами! — и сказал:

— Сынки, видите это?

Нас окружили ребята, женщины. Все мы были глубоко взволнованы.

Вечером я написал письмо в наш сельсовет и отцу: решил, что пока письма будут итти, войска 1-го Украинского фронта выгонят врага из родной деревни.

Конечно, хотелось быть с войсками 1-го Украинского фронта. Но цель у нас была общая. Вероятно, не один лётчик 1-го Украинского фронта с волнением следил за боями на нашем участке, с нетерпением ждал освобождения родного села под Белгородом.

14. НАЗНАЧЕНИЕ

5 августа был освобождён Орёл и в тот же день — Белгород. В этот вечер прозвучал первый в истории Великой Отечественной войны салют: столица нашей Родины Москва са-

лютовала доблестным войскам, освободившим Белгород и Орёл, артиллерийскими залпами.

Настроение приподнятое, радостное: скоро начнём и с украинской земли гнать фашистскую нечисть!

На следующее утро после освобождения Белгорода я, как всегда, подошёл к своему «Ла-5» и приветствовал его: это у меня уже вошло в привычку. Влез в кабину.

— Товарищ командир! — кричит мне Иванов. — Вас зовут.

Я в два прыжка очутился на земле. Ко мне подходят командир соединения и командир части. Рядом с ними — Семёнов. Спешу навстречу.

— Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант, с высокой наградой — орденом Боевого Красного Знамени!

— Служу Советскому Союзу! — отвечаю я взволнованно.

Командир соединения пожимает мне руку и прикрепляет орден к моей гимнастёрке.

Евстигнеев, Амелин и многие мои товарищи также получают боевые награды.

Семёнов обнимает меня:

— Запомни, что я тебе скажу. По всему вижу: ты собьёшь много вражеских самолётов. Но смотри в оба: слишком не горячись, не забывай первого сбитого...

Я крепко запомнил простые, искренние слова старшего товарища.

...Рано утром меня вызвал на КП командир части:

— Семёнов назначается моим заместителем, вы — командиром эскадрильи, а Брызгалов — вашим заместителем.

Я вышел с КП обрадованный, но в то же время озабоченный: для новой должности недостаточно обладать одними лётными качествами — необходимо воспитать в себе способности командира, приобрести опыт вождения групп.

Конечно, командовать труднее, чем выполнять приказание командира. Ведь это значит — не только отдавать приказание, но и учить, как его выполнять, воспитывать подчинённых.

Евстигнеев, а позже и Амелин тоже были назначены командирами эскадрилий. Мы упорно работали над собой, чтобы оправдать высокое звание командира эскадрильи.

15. РАЗВЕДЧИК

Кончился срок моего кандидатского стажа, и я подал заявление о приёме в члены партии.

Трудно передать, с каким нетерпением ждал я заседания партийной комиссии! Всё время думал об этом и ещё тщательнее готовился к каждому боевому вылету.

С 4 августа 1943 года началось наше наступление на Харьковском направлении. Я узнал, что в эти дни в неравном бою погиб Кучеренко. Он воевал храбро: на его счету было уже десять сбитых вражеских самолётов.

Вечная память тебе, Петро!

...14 августа, когда я только что возвратился с боевого задания по прикрытию наших войск и собрался итти в столовую, меня срочно вызвали на командный пункт.

Передо мной поставлена задача: моей шестёрке надо прикрыть действия нашего разведчика — ему поручено ответственное задание. Встретиться с разведчиком мы должны в воздухе над нашим аэродромом.

Я собрал лётчиков эскадрильи и рассказал о задании. Мы разошлись по машинам и стали ждать. Обед нам подали прямо в самолёты.

Прошло двадцать минут. Над аэродромом появился самолёт, это был наш разведчик. Взлетели. Я связался с ним по радио и доложил, что готов к сопровождению. Летим на высоте трёх тысяч пятисот метров. Облачность три-четыре балла. Разведчик идёт впереди, моя шестёрка — позади. Идём над линией фронта. Вражеские зенитки открыли огонь.

Когда мы углубились во вражеское расположение километров на двадцать, я заметил фашистские истребители.

Они направлялись к нам.

Предупреждаю лётчиков по радио:

— Ястребы, будьте внимательны! Сзади, ниже нас, двенадцать истребителей противника.

Самолёты врага подходят ближе.

Мы начали маневрировать, чтобы прикрыть разведчика и не дать врагу возможности зайти к нему в хвост.

Внезапная атака противника сорвана.

Но, надо думать, фашисты пойдут на всё, лишь бы сбить разведчика. И действительно, один из «мессершмиттов» пытается атаковать его. Стремительно иду на сближение с самолётом противника и длинной очередью сбиваю.

Наша шестёрка вступает в ожесточённый бой с вражескими самолётами, а разведчик носится в стороне.

Я понимаю, что воинский долг обязывает его любой ценой выполнить задание, но, видя, что положение создалось сложное, передаю ему:

— Уходи домой... Уходи...

А лётчик словно и не слышит. И я думаю о том, что он, вероятно, молодой, горячий, упрямый, смелый и очень честный.

Наша шестёрка слаженно и чётко отбивает атаки наседающих истребителей противника.

Вдруг вижу — Миша Никитин помчался за «мессершмиттом». Он забыл основное правило: в воздушном бою не увлекаться сбитым. В хвост его самолёта стал заходить второй «мессершмитт». Я закричал по радио Брызгалову:

— Спасай Мишу!

Но было поздно: враг настиг самолёт Никитина, прошил его очередью. И машина нашего боевого товарища резко пошла на снижение.

И сейчас же мастерски, меткой очередью Брызгалов сбил «мессершмитт». Пришлось так напряжённо следить за воздухом, что я не мог наблюдать за самолётом Никитина. «Как он выберется с территории, занятой врагом? Что будет с ним?» в тревоге подумал я о товарище.

А бой продолжается. Наш разведчик попрежнему кружит неподалёку, как у себя дома. Я даже обозлился: «Вот сорвиголова! Ведь тебя сейчас собьют, чорт возьми!» И в это мгновенье вижу, что к разведчику подкрадывается «мессершмитт».

Быстрее на выручку! Сейчас фашист откроет огонь!

Догоняю «мессершмитт» сзади, сверху, и даю несколько очередей. Фашист переворачивается и падает в лес.

Подлетаю к разведчику почти вплотную и машу ему кулаком: «Уходи! Бой разгорается во-всю. Поворачивай!» На этот раз он послушался, и мы стали уходить на нашу территорию.

Моя группа, отбиваясь от вражеских истребителей, прикрыла разведчика. Фашисты повернули и врассыпную полетели на запад.

Они потеряли четыре самолёта, мы — один.

Мы до поздней ночи, несмотря на тяжёлый день и ранний подъём, не спали: всё ждали Мишу Никитина. Я очень его любил. Не верилось, что он погиб.

Паша Брызгалов твердил:

— Я убеждён, что Миша вернётся. Наверное, он на парашюте спустился и в лес к партизанам ушёл.

Когда все устали ждать и задремали, мне послышалось, что Паша Брызгалов всхлипывает, уткнувшись носом в подушку.

16. БОЛЬШОЙ ДЕНЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В горячих воздушных боях прошло ещё несколько дней. 23 августа 1943 года был освобождён Харьков, и войска нашего участка фронта приближались к Полтаве.

В эти дни напряжённых воздушных боёв в моей жизни свершилось событие, которого я ждал с таким волнением.

Однажды ко мне в землянку пришёл посыльный из штаба и передал:

— Звонили из политотдела: вас завтра утром вызывают на парткомиссию.

Я долго не мог уснуть. С юношеских лет я испытывал благоговейное уважение к высокому званию члена партии. И сейчас, готовясь к большому для меня дню, думал об одном: примут ли меня? Достоин ли я?

...Идёт заседание парткомиссии. Принято несколько боевых лётчиков. И вот я слышу слова председателя комиссии:

— Вы приняты в члены большевистской партии, товарищ Кожедуб. Поздравляю вас! Отныне вы обязаны ещё смелее, ещё искуснее драться с врагами нашей Родины. Желаю успеха!

Взволнованно отвечаю:

— Спасибо! Надеюсь, что смогу оправдать доверие, оказанное мне партией... Сделаю всё для этого.

На душе у меня светло.

Теперь каждый день с утра я ждал, не появится ли на нашем аэродроме маленькая машина начальника политотдела — он должен был приехать и вручить партбилеты лётчикам, принятым в партию. Возвращаясь на аэродром, я каждый раз спрашивал техника Иванова: «А начальник политотдела не приезжал?»

27 августа утром, прилетев с боевого задания, я замечаю необычное оживление у КП. Там собралась большая группа офицеров.

— Приехал начальник политотдела полковник Боев, — говорит мне Иванов.

Торопливо причёсываю волосы, свалявшиеся под шлемом, надеваю пилотку, подтягиваюсь и направляюсь к товарищам. Еле сдерживаюсь, чтобы не побежать.

Полковник — я вижу его ещё издали — разговаривает с лётчиками. Он всех отлично знает, он в курсе всей нашей жизни, и когда прилетает к нам, то всегда находит время с каждым поговорить, каждого расспросить. За большими делами он никогда не упускает мелочей. Мы это очень ценим.

Евстигнеев и Амелин уже получили партийные билеты. Лица их сияют. Поздравляю друзей.

Ко мне подходит начальник политотдела и едва успевает вручить мне партбилет, как раздаётся команда: «Все по самолётам!»

Опять срочный вылет. Все бегут к машинам. Тщательно прячу партийный билет в левый нагрудный карман и, счастливый, испытывая какой-то особенный подъём, бегу к своему самолёту, напутствуемый полковником Боевым:

— Желаю успехов, товарищ!

Иванов меня поздравляет. Я его обнимаю и влезаю в кабину. Сигнальная ракета — и наша шестёрка вылетает.

В этом бою я сбил «Фокке-Вульф-190».

17. ВЕСТИ ИЗ ОСВОБОЖДЁННЫХ РОДНЫХ МЕСТ

Войска нашего фронта с боями приближаются к Полтаве. Идёт единое общее наступление Советской Армии — от Белоруссии до Таманского полуострова. Часто, летая в разведку, вижу, как враг оттягивает войска к западному берегу Днепра.

Советские войска перешли через Десну. Внимательно слежу по карте за продвижением наших частей — они всё ближе и ближе подходят к моим родным местам. Освобождённые города обвожу красными кружками.

И вот наконец отмечаю на карте красным кружком Новгород-Северский. Там уже рукой подать до Шостки и родной Ображеевки.

Однажды, когда я вернулся с боевого задания, меня ждало несколько писем. На одном из конвертов я увидел почерк отца. Буквы запрыгали перед глазами. Я крикнул Мухину:

— Вася, письмо от отца получил!

И побежал на своё любимое место — под крыло самолёта. Я читал, и слёзы застилали мне глаза.

«Дорогой сынок Ваня!

Все мы вместе желаем вам, фронтовикам, удачи, победы над врагом, боевого и смелого духа. До чего же ты обрадовал меня своим письмом! Что тебе писать о нас? Где теперь Яков и Григорий — не знаю. Григория фашисты угнали в рабство. Яша — с первых дней в боях. Саша тоже прислал письмо, беспокоится о тебе. Высылаю его адрес. Мотя с ребёнком живы. Наше село фашистские захватчики не успели сжечь. А вот село твоей мамаши — Крупец — сожгли. Односельчан наших—тринадцать человек—убили. Нашего соседа, старинного друга Сергея Андрусенко, фашисты замучили в здании техникума, где ты учился. Ещё там замучили восемьсот человек.

Я знаю, что фашистам не быть хозяевами на нашей земле, потому что наша Родина — великая сила. Радуюсь, что ты бьёшь врага. Только, Ваня, не заносись и честно выполняй свой долг перед Родиной. Я, Ванюша, за эти тяжёлые годины сильно состарился, но сейчас снова работаю, наш колхоз оказывает мне помощь. Жду от тебя письма, дорогой сынок. Передай от меня привет всем твоим друзьям.

Твой отец Никита Кожедуб».

Внизу отец приписал две тронувшие меня стихотворные строчки:

Вспоминай, Ваня, мамашу,
Защищай ты страну нашу.

Трудно передать, что я перечувствовал и передумал, прочитав письмо отца. Лютая ненависть к фашистам, замучившим земляков, охватила меня. Вспомнилась дорога к Десне — по ней отец и Сергей Андрусенко ходили рыбачить; родник у берёзовой рощи, где они отдыхали. Перед глазами стояли родные лица, родные места.

Хорошее, тёплое письмо прислали мне и из сельсовета. Я знал, что мой старый отец не одинок, что его поддерживают, о нём заботятся. И тут же, под крылом самолёта, написал ответные письма и письмо брату Александру.

18. НАД ДНЕПРОВСКИМИ ПЕРЕПРАВАМИ

Советские войска вышли к Днепру на протяжении нескольких сот километров. Левобережная Украина очищается от врага. 23 сентября 1943 года освобождена Полтава.

В конце сентября мы снимаемся с полтавского аэродрома и перелетаем на полевой аэродром, ближе к Днепру.

Фашисты укрепили правый, крутой берег Днепра, который и без того являлся хорошим естественным рубежом. Но войска нашего фронта с ходу перешли на тот берег Днепра и уцепились за клочок земли на западном берегу. Его назвали «Малой землёй».

Перед нами поставлена боевая задача: охранять переправы от вражеских налётов и прикрывать с воздуха «Малую землю», где находится много советских войск и техники.

В полёте видишь, как колонны советских войск, танки и артиллерия движутся к переправам.

В великую битву за освобождение Советской Украины от фашистского ига идут представители всех народов моей многонациональной Отчизны; для всех нас, русских, украинцев, грузин, белорусов, казахов, Великая Отечественная война — справедливая война с ненавистным врагом, посягнувшим на свободу и независимость нашей Родины.

Предстоят ожесточённые сражения. Враг пытается остановить наше наступление, столкнуть наши войска в Днепр. Фашистская авиация активизирует свои действия: сюда, к Днепру, гитлеровцы подтянули истребители, большое количество пикирующих бомбардировщиков.

Мы надёжно прикрываем наши войска на правом берегу.

Веду свою группу на прикрытие наземных войск. В воздухе спокойно. На земле, под нами, — бой. Вдруг вижу: на нас сзади, сверху, заходит пара вражеских истребителей — «охотников». Это были опытные фашистские лётчики, обычно действовавшие парами.

Надо было атаковать мгновенно.

Быстро развернулся навстречу им. Но они пронеслись мимо и начали уходить на запад. Мои товарищи, не дожидаясь команды, ринулись вдогонку. Что такое? Ничего не понимаю! Как могли они нарушить дисциплину? Передаю по радио:

— Вернитесь обратно!

Но ответа нет. Ушли.

Я уже знал коварную тактику врага. «Охотники» были, повидимому, высланы как приманка, чтобы отвлечь и увести в сторону от своих бомбардировщиков наши самолёты. Мои лётчики отлично знали об этой уловке врага. Но не всегда в такой момент сразу всё учтёшь; сложность и заключается в том, чтобы быстро принять решение. Я так стремительно развернулся на вражеских «охотников», что мои ребята не успели, очевидно, дать себе отчёт в обстановке и под влиянием порыва, решив сбить вражеские самолёты, ушли далеко за линию фронта. А здесь, внизу, наши войска ведут бой, и, быть может, от того, насколько надёжно будет прикрытие с воздуха, зависит успех.

Остаюсь один прикрывать порученный моей группе участок. Минуты тянутся удивительно медленно.

Внимательно слежу за воздухом. Жду. Вот-вот появится группа вражеских бомбардировщиков. Удастся ли мне одному отогнать врага?

Огненная пелена стелется над землёй. Столбы дыма подымаются вверх.

Смотрю — выше меня, с запада, от горизонта отделяется несколько точек. Я наготове. Вглядываюсь внимательно. Нет, не то! Возвращаются мои товарищи. Я обрадовался — мы сила, когда вместе! Даже перестал сердиться на них. Знаю, как им будет стыдно за свою оплошность.

Вдруг вижу: они направились в сторону аэродрома. Посмотрел на часы: время, отведённое на прикрытие, истекало, и поэтому мои лётчики вынуждены были вернуться на аэродром.

В ту же секунду по радио раздалась команда с земли:

— Соколы, соколы! Юго-западнее Бородаевки противник бомбит войска!

Сколько вражеских бомбардировщиков, охраняют ли их истребители — не сообщалось.

«Эх, хлопцы, хлопцы, поспешили уйти! Как бы хорошо вместе нагрянуть на врага!» подумал я. И стало ещё досаднее.

В воздухе — ни одного нашего истребителя. Мне предстоял неравный бой. Решаю заранее открыть фонарь кабины. Если меня подожгут или самолёт совершенно потеряет управление, придётся прыгать с парашютом к нашим. Но фонарь не открывался. Меня охватило неприятное чувство неизвестности и нависшей опасности.

Опять команда с земли:

— Атакуйте!

Передаю по радио, что нахожусь в воздухе один. Получаю короткий и ясный ответ:

— Атакуйте!

Вот они. Подо мной, на высоте шестисот метров, около восемнадцати пикирующих бомбардировщиков противника. Стремительно работает мысль. С высоты трёх тысяч пятисот метров на большой скорости врезаюсь в строй вражеских самолётов.

Ощущение тревоги и одиночества, овладевшее мною минуту назад, исчезает. Я не один! Внизу мои боевые товарищи — пехотинцы, артиллеристы, танкисты. На расстоянии нескольких тысяч метров я как бы чувствую их «локоть». Знаю: они с надеждой смотрят на меня, лётчика-истребителя.

Сознание воинского долга удесятеряет силы. Проношусь над врагом; в мою сторону летят огненные трассы. Волчком верчусь в воздухе. Появляюсь то тут, то там, то вверху, то внизу, и это, видимо, ошеломляет врага. Стремительными, неожиданными для противника манёврами, точностью и быстротой движений мне удаётся вызвать у врага смятение. Вра-

жеские стрелки ведут огонь, а я маячу то над ними, то под ними. Так стремительно я, кажется, ещё никогда не действовал.

Самолёты противника построились в оборонительный круг. Надо его разбить. Проходит всего пять минут, но какими длинными кажутся они мне! Беспокоит, что кончается горючее. Вражеские истребители меня не атакуют. Но всё же я начеку. Ищу глазами наши истребители, но тщетно: прикрытия нет. Надо действовать молниеносно и самостоятельно.

Откалываю один самолёт противника. Открываю по нему огонь в упор. Самолёт, охваченный пламенем, идёт к земле. Остальные бомбардировщики пускаются наутёк, беспорядочно отстреливаясь. Пучок трассирующих пуль несётся мимо меня.

Горючее уже совсем иссякает. Я «отвернулся» от уходящих бомбардировщиков и на бреющем полёте выскочил к себе на аэродром. Знаю, что меня уже не ждут. Возможно, оплакивают. Время, отведённое для патрулирования, давно истекло.

Вижу — внизу у землянки собрались лётчики и смотрят вверх. Товарищи заметили мой самолёт. Встречают. Окидываю взглядом стоянки самолётов моей эскадрильи — все ли машины на месте. Все здесь, дома. На душе становится легче. Нельзя терять ни секунды!

Быстро иду на посадку. Приземлился. В конце пробега остановился мотор. Запас бензина кончился.

Вылезаю из кабины. Лётчики моей эскадрильи стоят навытяжку и молчат. Лица у них растерянные, пристыжённые.

Я, как обычно, снял шлем и, сдерживая себя, медленно и негромко сказал:

— Где же это видано, чтобы без приказа командира отрываться от группы? За сбитым погнались — и войска оставили без прикрытия! Командира бросили. Позор!

Вперёд шагнул мой заместитель, Паша Брызгалов.

— Разрешите доложить, товарищ командир,—виновато говорит он.—Вы знаете, что у Гопкало машина — копия вашей...

Смотрю на Гопкало: он уставился в землю и покраснел так, что даже уши у него горят.

— Гопкало увидел, что вражеские истребители уходят. Увлёкся, вырвался из строя и погнался за ними, а мы спутали его самолёт с вашим и пошли вслед. Когда возвращались, приняли вас за противника, спешили домой и проскочили мимо. Всё, товарищ командир.

— А куда же ты, Мухин, смотрел?

— На этот раз я тоже не уследил за вами, — отвечает Мухин смущённо.

Подзываю Гопкало. Он краснеет ещё сильнее, и мне становится его жалко. Но я сухо и резко говорю ему:

— Знаю вашу горячность и стремление сбить вражеский самолёт, но действовать надо своевременно и разумно. Запомните: сначала взвесь, потом дерзай. Вздумаете ещё путать строй — больше с собой никогда не возьму. Поняли?

— Понял, товарищ командир. Клянусь вам, больше этого не будет!

Я отлично представляю себе, что пережили мои ребята, осознав ошибку. Хочется рассказать им о бое, но я бросаю официально:

— Можете быть свободными, товарищи лейтенанты.

Они переглядываются и расходятся, понурив головы. Иду на КП и думаю о том, что всё предвидеть в воздухе невозможно, нужно учиться на каждой своей и чужой ошибке.

Несколько дней Гопкало ходил сам не свой, даже осунулся. Но урок пошёл ему на пользу. Это чувствовалось по его поведению и на земле и в воздухе.

19. НА ГОРЯЩЕМ САМОЛЁТЕ

Идёт воздушная битва в районе переправ и на участках, занятых нашими войсками на западном берегу Днепра.

За десять дней боёв над днепровскими переправами лётчики нашей части одержали много побед. Мой боевой счёт увеличился на одиннадцать сбитых вражеских самолётов.

Немецко-фашистские захватчики хотели во что бы то ни стало оттеснить наши войска с западного берега Днепра. На земле все их планы разбила советская пехота, танки, артиллерия, а в воздухе — сталинская авиация.

12 октября 1943 года я со своей группой уже сделал несколько вылетов. Провёл два трудных воздушных боя и сбил в этот день два вражеских самолёта. Только собрался отдохнуть, как снова получил приказ с группой подняться в воздух. Мы полетели на прикрытие переправ через Днепр.

В воздухе то и дело звучит команда: «Преследуйте, бейте врага!» Вдали показалась группа пикирующих бомбардировщиков. Врезаемся в их строй и нарушаем боевой порядок противника.

Один фашистский пикирующий бомбардировщик снижается и, маскируясь на фоне местности, пытается улизнуть. Преследую его. Расстояние между нами быстро сокращается. Иду прямо на стрелка. Пулемётные трассы проносятся мимо меня. С близкой дистанции открываю огонь. Длинная очередь — и бомбардировщик вспыхивает. Но я чувствую — с моим самолётом что-то неладно. Взмываю и вижу: с правой стороны из бензобака выбивается огненная струя: бензобак пробит. Быстро отстегнул ремни. Хотел было выпрыгнуть с парашютом, но вспомнил, что внизу — территория врага. Я нахожусь в двадцати километрах от своих. Попасть в плен? Нет!

Что же предпринять? Вспомнил Гастелло. Последую его примеру! Решение найдено. Но борьбы с пламенем не прекращаю. Переложил самолёт в скольжение на крыло. Молниеносно, ничего не упуская, осмотрел землю. Надо найти объект. Подо мной несколько домишек — там враг. В стороне бьют зенитки противника. Медлить нельзя. Но цель всё ещё не выбрана.

Гитлеровцы высыпали из домов. Зенитные снаряды разрываются попрежнему в стороне. Решение принято: направляю самолёт на гитлеровцев. Происходит то, чего я меньше всего ожидал: у самой земли мощный поток воздуха срывает пла-

мя с крыла. Сейчас же принимаю новое решение и проношусь прямо над головами оторопевших фашистов, чуть не задевая их винтом.

Гитлеровцы спохватились и открыли огонь. Прижимаюсь к земле — огненные трассы проносятся выше меня. Я ускользнул от них. И вдруг до моего сознания дошло: пламя сорвано, но если в бензобаке скопятся газы, то самолёт взорвётся. Ещё несколько минут назад я спокойно шёл навстречу смерти, но сейчас, после неожиданного спасения, не хотелось бессмысленно гибнуть. Продолжаю лететь на бреющем. Вот и родной Днепр.

Здесь уже свои. Наконец внизу показался наш аэродром. Радостное чувство переполнило меня. Но, строго придерживаясь правила — не рассеивать внимание до посадки, стараюсь посадить самолёт так, чтобы избежать взрыва. Машина касается земли, и я заворачиваю на стоянку.

Быстро выскакиваю из кабины — хочется скорее посмотреть, что с бензобаком. Товарищи окружили меня, дружески обнимают:

— Очень беспокоились за тебя... Да как ты не сгорел! Как сбил пламя?

И я, забыв об усталости, рассказываю.

Многому научил меня этот полёт. На войне нельзя опускать руки. Даже идя навстречу смерти, ищи оружие для победы. Нельзя ни на секунду прекращать борьбу за неё! Большевики никогда не сдаются без боя, никогда не теряют надежды на победу. Такой вывод сделал я из этого боя.

20. ВСТРЕЧАЮ ОКТЯБРЬ НА ФРОНТЕ

В первых числах ноября 1943 года наша часть была отправлена на Большую землю, на отдых. Нам этот отдых казался совсем ненужным. Но таков был приказ. Предстояли горячие бои, и нужно было набраться сил.

Отдых был своеобразный. Мы не летали на боевые задания, зато много занимались. Надо было повышать и совершенствовать своё боевое мастерство: чем больше приобретали мы опыта, тем становились требовательнее к себе.

В эти дни лётчики много читали, слушали беседы агитаторов, выпускали стенные газеты.

Большую идейно-воспитательную работу среди лётчиков нашей части вёл парторг Беляев. Он мне всё больше и больше напоминал моего первого комсомольского руководителя в техникуме — Мацуя.

Парторг уделял особенно много внимания укреплению дружбы лётчиков в бою и на земле.

В перерывах между вылетами он часто выступал с лекциями и докладами. Горячо, увлекательно говорил о нашей большевистской партии — организаторе и вдохновителе борьбы и побед советского народа; рассказывал о героическом труде советских людей в тылу; на примере отличившихся советских воинов воспитывал в нас мужество и отвагу.

Беляев часто поручал кому-нибудь из нас выступить с докладом или провести беседу с молодыми лётчиками и техниками.

Тщательно готовился я к таким беседам. Советовался с Беляевым о том, какие вопросы, по его мнению, нужно осветить.

Политические беседы, которые я проводил в полку, дали мне очень много. Мой кругозор расширялся, я всё больше и больше понимал, как велика сила идейной закалки, к чему обязывает сознание, что ты не просто лётчик, а лётчик-большевик.

Лётчики-коммунисты никогда не боялись выступить с резкой критикой товарища, хотя бы и близкого друга, и это укрепляло нашу спайку. Вместе обсуждая поведение друг друга, получив указание товарищей, легче выправить допущенную ошибку.

Партийные собрания были большой школой политического воспитания. Мы знали, что каждый лётчик отвечает за свои

действия. Но мы, члены партии, чувствовали себя ответственными за поведение каждого однополчанина и со всей строгостью относились к себе, зная, что по нас равняются беспартийные товарищи.

Парторг часто беседовал с нами об этом, о ведущей роли коммунистов в бою.

6 ноября, в канун праздника, я собрал лётчиков и техников эскадрильи в землянке на аэродроме. Партийная организация поручила мне сделать доклад о двадцать шестой годовщине Великого Октября.

Наши походные лампы, мигая, освещали сосредоточенные лица моих боевых друзей. Было тепло — топилась печь.

Вдруг дверь отворилась, и в землянку вошли начальник политотдела, заместитель командира по политчасти, парторг и комсорг. Я, как полагается, рапортовал полковнику, что делаю доклад. Он ответил: «Отлично, продолжайте!» и, разрешив лётчикам сесть, сам сел у печки.

Когда я кончил, он подошёл ко мне и, пожав руку, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, ЦК ВЛКСМ награждает вас, воспитанника Ленинского комсомола, почётной грамотой за боевую деятельность и двадцать шесть лично сбитых самолётов врага.

И, поздравив меня, полковник прочёл текст грамоты.

Почётная грамота ЦК ВЛКСМ определила новый этап в моей боевой жизни: получив грамоту, я дал обязательство ещё более настойчиво совершенствовать свои боевые качества.

В день праздника мы узнали, что 6 ноября на рассвете нашими войсками освобождён Киев.

И русские — Евстигнеев, Амелин, и белорус Мухин, и я, украинец, — все мы, члены одной боевой семьи, с огромной радостью узнали об освобождении столицы Советской Украины. Сила дружбы советских народов — могучая сила. И мы особенно ощутили это в день двадцать шестой годовщины Октября, читая слова доклада товарища Сталина: «Дружба

народов выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков».

Доклад и приказ вождя, как всегда, содержали глубокий анализ военных операций, проведённых Советской Армией, вдохновляли на героические подвиги во славу Родины.

В своём приказе товарищ Сталин предупреждал, что предстоит ещё упорная борьба и что было бы опасно предаться благодушию, самоуспокоенности.

21. НИКИТИН ВЕРНУЛСЯ

На фронтах разворачивались большие события. Задача, поставленная Верховным Главнокомандующим перед украинскими фронтами — очистить от врага Правобережную Украину, — успешно выполнялась. Наши войска продвигались к западным границам СССР.

Наша часть перелетела на правый берег Днепра, в район Кременчуга. Начались боевые будни. Мы сопровождали бомбардировщики, летавшие бомбить окружённые фашистские части в районе Кировограда.

Я летал на задания в район Чигирина — место, знакомое мне по «Кобзарю»: там некогда дрались с иноземными захватчиками запорожские казаки.

Выпал снег. Было промозгло, холодно. Подолгу стояли туманы. И всё же боевая деятельность не прекращалась.

В канун нового, 1944 года я только что возвратился с боевого задания — сопровождал бомбардировщики к Кировограду. Вылез из самолёта и, увидя сияющее лицо Иванова, понял, что моему механику не терпится сообщить мне какую-то радостную весть. Он не успел сказать «Миша Никитин», как я заметил, что ко мне, по обыкновению размахивая руками, спешит Никитин. Мы уже давно считали его пропавшим без вести.

Он подошёл, доложил по всем правилам, а я, не дослушав, обнял его.

— Цел и невредим, да? Как твоё здоровье, где был?.. — спрашивал я Никитина. — Дай я на тебя посмотрю... Почти не изменился. Правда, похудел, но зато возмужал.

Нас обступили лётчики. Никитина забросали вопросами.

Паша Брызгалов радовался больше всех — вернулся его закадычный друг!

Мы пошли в землянку. Усевшись вокруг топившейся печки, грели озябшие руки. Миша сел против меня и начал свой рассказ. Говорил он быстро, нервно жестикулируя, проглатывая слова от волнения:

— ...Когда мы полетели с разведчиком, товарищ командир, я погорячился и допустил непростительную ошибку: увлёкся, хотел увеличить счёт сбитых самолётов и поплатился — не заметил, как сбили меня. Очнулся на земле. Открыл глаза — надо мной в стороне идёт воздушный бой. Хотел встать — от боли упал. Только тут сообразил, что нахожусь на вражеской территории. Не могу передать, как было тяжко! Я лежал среди обломков самолёта. Ощупал себя — оказалось, отделался одними ушибами. С трудом поднялся. Решил во что бы то ни стало прорваться к своим. Уничтожил документы. Пошёл в лес. Итти было больно, приходилось ползти. Голова кружилась, мутило. Я потерял сознание и, когда очнулся, увидел гитлеровцев... Я попал в Днепропетровск, в лагерь для военнопленных. Как издевались над нами проклятые фашисты! Один рыжий плюгавый гитлеровец особенно донимал меня. Голод был не так мучителен, как унижение. Нас били. С трудом сдерживал себя, чтобы не броситься на рыжего фашиста, — его гнусная, злорадная физиономия доводила до бешенства. Сдерживался, потому что знал: нужно сделать всё, чтобы вернуться в свою боевую семью. Нам заявили, что нас расстреляют. И не это меня угнетало. Угнетало, что не смогу отомстить. Я всё время думал о всех вас, об отце, матери. Приходила мысль о самоубийстве. Но я решил вырваться из

позорного плена. Сговорился с товарищами о побеге. Первая попытка не удалась. Не удалась и вторая: охрана была усилена. Нас попрежнему морили голодом. Неожиданно нас куда-то повезли. Оказалось — в Проскуров. И вот по дороге наконец удалось устроить побег. Ночью на полном ходу мы спрыгнули с поезда. Сам не понимаю, откуда взялись силы! Вдоль пути шёл лес. Мы побежали туда. Нас остановили партизаны. Я плакал от счастья, и мне в этом не стыдно сознаться. Несколько дней пролежал у партизан в землянке. За мной и товарищами по побегу ухаживали, подлечили нас. Я быстро окреп и стал участвовать в боях. Мои новые друзья были замечательные люди, горячие патриоты, но я всей душой стремился к вам, в родную часть, к лётной деятельности. И однажды командир сказал мне: «Жаль нам отпускать тебя, но твоё место там, среди лётчиков-истребителей». Я не знал, как благодарить командира... Меня на самолёте доставили на нашу территорию. И вот я дома...

Миша залпом выпил кружку воды. Несколько секунд мы молчали. Раздался сигнал на вылет. Все вскочили. У Никитина загорелись глаза, он умоляюще посмотрел на меня. Я подошёл к нему:

— Летать, Миша, не разучился? Сегодня отдыхай, а завтра полетишь.

И на следующий день моя дружная шестёрка поднялась в воздух на боевое задание. С нами был и Никитин. Он отважно навязывал бой врагу. Я следил за его действиями и иногда покрикивал:

— Миша, не горячись, спокойнее!..

22. Я ДОЛЖЕН ОПРАВДАТЬ ВЫСОКУЮ НАГРАДУ

3 февраля 1944 года после внезапного мощного рассекающего удара обоих наших фронтов вражеская оборона была прорвана. Советские войска соединились в районе Звениго-

родка — Шпола. Десять фашистских дивизий и одна бригада в районе Корсунь-Шевченковского были окружены, попали в «котёл». Наше командование предложило окружённым сдаться. Они отказались. Гитлеровцы пытались бросить в помощь окружённым войскам транспортную авиацию. Восемь вражеских танковых дивизий стремились прорвать наш фронт, пробиться к окружённым фашистам. Но это им не удалось: они были разбиты и отброшены.

А мы попрежнему сидели на том же аэродроме. Плохая погода привязала нас к земле.

4 февраля чуть забрезжил свет, а мы, как всегда, уже были на аэродроме. Начинался хмурый, пасмурный день. Низкие снежные облака ползли над самой землёй.

Иду на КП в надежде, что, может быть, всё же удастся полететь и встретиться с транспортными самолётами, которые гитлеровское командование бросает на помощь окружённой группировке. Но «погоды» нет.

Выхожу в унылом состоянии, которое всегда охватываст нас, когда мы бываем прикованы к аэродрому. Сталкиваюсь с командиром части Ольховским, Семёновым и начальником штаба. Слышу, как начальник штаба говорит им:

— Теперь вы оба — Герои Советского Союза...

Увидев меня, он не заканчивает фразы, быстро подходит ко мне и пожимает руку:

— Сердечно поздравляю с присвоением вам высокого звания Героя Советского Союза!

Мне кажется, что я ослышался. Хочется переспросить.

Новость уже облетела весь аэродром. Брызгалов, Мухин, Никитин бегут ко мне. И вот я уже в воздухе: меня качают. Качают Ольховского и Семёнова. С трудом вырываюсь:

— Да подождите, ребята, может быть это ошибка!

Лётчики хохочут, и я снова лечу вверх.

Приземляется самолёт командира соединения. Мы выстраиваемся. Командир тепло поздравляет Ольховского, Семёнова и меня.

А мне всё не верится: может быть, спутали что-нибудь...

Вспоминаю бои на Курской дуге, первые полёты, думаю о своих учителях, о том, что я, рядовой лётчик, с первого дня боёв старался выполнить свой долг перед Родиной. Но теперь надо подыматься на новую ступень, надо драться действительно по-геройски. Высокое звание ко многому обязывает.

Как назло, погода держала нас на аэродроме. Наступила распутица, всё раскисло. Только по утрам, когда бывали заморозки, изредка удавалось вылететь на боевое задание.

Через несколько дней к нам на аэродром привезли газеты. Я был у самолёта, когда ко мне подбежал, размахивая газетой, Никитин:

— Ну, смотри сам! Видишь Указ? Вот красным карандашом подчёркнуты ваши фамилии.

Да! Ольховскому, Семёнову и мне Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

К нам на аэродром опять прилетел командир соединения и собрал весь личный состав. Он зачитал Указ, вручил нам ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» и сам прикрепил их к нашим гимнастёркам.

Вечером был устроен ужин — традиционные фронтовые «крестины» звезды Героя.

Я сидел рядом с Семёновым за большим столом. Командир соединения ещё раз поздравил нас и первую здравицу поднял за нашего великого полководца — Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Просто и задушевно говорил Ольховский. Он благодарил партию и правительство за высокую награду.

Выступил Семёнов, затем я. Хотелось сказать очень многое, но от волнения я мог произнести только несколько слов.

Генерал поднял стакан:

— Выпьем, товарищи, за наших именинников! Пожелаем им дальнейших успехов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками!

Семёнов тихонько толкает меня:

— Помнишь, каким ты был желторотым под Белгородом? Помнишь, как я тебя отчитал за первого сбитого? — И добавляет: — Смотри, как ликуют ребята из твоей эскадрильи, словно сами получили звезду Героя. Давай-ка по-традиционному обмоем звёздочку!

И мы чокаемся с моим старым командиром эскадрильи.

23. ЛЕКАРША

17 февраля была ликвидирована корсунь-шевченковская группировка немцев. Гитлеровское командование опять просчиталось! Правобережная Украина полностью очищена от врага!

Наши наземные войска победоносно продвигаются вперёд. Ничто не может остановить их — ни дожди, ни половодье, ни весенняя распутица.

А мы попрежнему сидим на месте и только 22 марта наконец получаем приказ перебазироваться в район северо-западнее Умани.

Когда мы приземлились, я вдруг почувствовал, что у меня отчаянно стреляет в ухе. Стало досадно — выйду из строя, а медицинской помощи надо ждать несколько дней: обслуживающие нас части отстали из-за распутицы. Да и болеть я не привык.

Вечером мы отправились в посёлок, где нас расквартировали.

Мухин, Брызгалов, Никитин провожают меня. Входим в отведённую мне хату. Небольшая, аккуратно прибранная комната. Нас радушно встречает хозяйка — живая, бодрая старушка. Здороваюсь с ней и сажусь на лавку, сжав голову руками. Меня знобит, боль всё усиливается.

— Что же с тобой делать? — озабоченно говорит Мухин. — Рано утром нам надо на аэродром.

— Сяду в самолёт — пройдёт.

— Силой не пустим, — заявляет Брызгалов. — К Ольховскому пойду, если будешь настаивать.

В разговор вмешивается хозяйка:

— Вы, сынки, идите по домам, а я попробую его своим способом вылечить.

Я даже вскакиваю с лавки:

— Делайте, мамаша, что хотите, лишь бы прошло

Старуха стелет постель.

— Идите, сынки, с лёгкой душой, наутро он поправится.

— Вот что, хлопцы, — говорю я: — если на задание без меня полетите, не гонитесь за сбитым... Михаил, это к тебе относится в первую очередь: не горячись.

— Не волнуйтесь, товарищ командир, всё будет в порядке.

Ребята уходят. Старушка возится у печки и успокаивает меня:

— Пройдёт, сынок, потерпи.

Я прилёг — голова закружилась от боли и усталости. Перед глазами встаёт картина боя. Ясно вижу: Никитин оторвался от группы, гонится за «мессером». Кричу: «Мишка, назад!..» Очнулся. Около меня стоит хозяйка и смотрит заботливо, как мать:

— Ноги у тебя, сынок, в постели, а думки в небе. Иди-ка, садись к столу.

Покорно сажусь за стол. Старушка ставит большой чугун. Он полон горячей разварившейся картошки.

— Ну, сынок, лечиться будем. Наклонись-ка больным ухом к пару.

И старушка укрывает мне голову тёплым платком. Пот градом льёт с меня, задыхаюсь.

— Над вашим чугуном, мамаша, свариться можно.

— Ничего, терпи — скорее поправишься.

И в самом деле, мне стало легче.

А старушка сидит рядом и неторопливо рассказывает:

— Мой сынок тоже воюет. Жду письмеца от него. Как вошли вы — я и подумала, нет ли его с вами.

Старушка тяжело вздыхает, плотнее укутывает мою голову платком и продолжает:

— Многих фашисты-злодеи у нас замучили. В плен, в рабство угнали, повесили... Нас за людей не признавали. Житьё горше собачьего было. Хуже, чем со скотиной, обращались, проклятые!.. Входит ко мне фашист поганый и кричит: «Давай курку, яйко!» Я знаю: если не дам — убьёт. А уже всё взяли... Косо посмотрел он на меня, обшарил хату — видит, нет ничего, ушёл. А как наши соколики подходить стали, фашисты залегли за стогами у околицы. Земля гудит, стрельба... Враг — бежать, да поздно: наши всех в плен взяли. Вот радость была! Уж я хату мыла-мыла, чтоб и духу вражеского не осталось!

С минуту помолчав, старушка сказала:

— Ну, сынок, теперь в постель ложись.

Наутро я проснулся почти совсем здоровым. Меня пришли навестить ребята и очень обрадовались, увидев, что я поправился. Они благодарили хозяйку, и это ей, видимо, было приятно — её доброе морщинистое лицо улыбалось.

В этот день в моей лётной книжке появилась тридцать вторая личная победа.

24. КАК ДЕРЁТСЯ ИСТРЕБИТЕЛЬ

Радостные вести: войска нашего фронта, развивая наступление, форсировали реку Прут, и бои идут на территории Румынии, севернее Ясс.

Весь полк с воодушевлением готовится к перебазированию. Нам известно, что в воздухе разгорелись сильные воздушные бои.

Хозяйка, провожая нас, сказала:

— Куда же вы, сынки, так скоро? Отдохнули бы.

— Отдыхать нам, мамаша, некогда!

Она обняла меня и стала у ворот, глядя вслед машине, увозившей нас на аэродром.

Мы перелетели за Днестр, в Советскую Молдавию.

Летаем на разведку вражеских войск над территорией Румынии. Внизу проплывает чужая земля. Здесь народ ещё томится под игом фашизма. Быть может, в эту минуту румынский крестьянин с надеждой поглядывает на небо, видя наши самолёты. Мы чувствуем себя посланцами великой армии-освободительницы.

Размышляя о последних воздушных боях, я ещё раз убедился, какое огромное значение для лётчика имеет физическая выносливость. Резкие снижения с большой высоты на малую, минутные перегрузки, от которых порой темнеет в глазах, — всё это легко переносит физически закалённый человек.

Иногда в бою, выполняя фигуры, на мгновение теряешь сознание. Придёшь в себя, сейчас же включаешься в боевую обстановку и снова действуешь на любой высоте, при любой скорости, в любом положении. Это умение выработалось у меня благодаря спортивной тренировке. Даже во фронтовой обстановке я старался найти время, чтобы сделать зарядку.

Конечно, одной физической силы для победы мало: воздушный бой — это проверка всех моральных и физических качеств советского лётчика. Нужно обладать отличной техникой пилотирования, мастерством, а главное, теми моральными качествами, которые свойственны советскому воину. В минуту, когда, казалось, я теряю последние силы, меня поддерживала одна лишь мысль: «Я выполняю приказ Родины, воюю за правое дело Ленина — Сталина!» В бою советский истребитель дерётся до того мгновения, пока бьётся его сердце, пока не иссякло горючее в баках, пока не израсходован весь боекомплект, пока самолёт держится в воздухе. Владеет им и чувство боевого братства. Иногда после предельного напряжения в бою кажется, что ты не в состоянии драться, но

взглянешь на товарищей, ведущих бой, и держишься: уходить с поля боя, когда друзья ещё дерутся, немыслимо.

Большой моральной поддержкой для меня был голос с земли. Когда, чувствуя крайнее нервное напряжение, я слышал по радио знакомый голос: «Держись!», то сразу ощущал прилив новых сил.

25. СЛОВО С ЗЕМЛИ

Слово с земли поддерживало нас и нередко играло решающую роль в выполнении боевого задания.

Заместитель командира авиасоединения подполковник Боровой, опытный боевой лётчик, прекрасно знал «по полёту» всех лётчиков соединения, которые летали на прикрытие наземных войск. Он следил за нашими действиями в воздухе, но его команды, своевременно подаваемые по радио, решали исход боя. Они мне очень помогали во время прикрытия войск.

Патрулирую над линией фронта. Напряжённо слежу за воздухом. Внизу идёт бой. Воздушный враг не появляется. Улетать без боя не хочется, а срок патрулирования уже истекает. Беру курс домой. Возбуждение, какое бывает перед боем, проходит, и только теперь ощущаю усталость: это уже третий вылет. Бесплодное ожидание противника иногда утомляет больше, чем бой.

Вдруг слышу знакомый голос с земли. Это говорит Боровой:

— Сокол тринадцать! Сокол тринадцать! Фашисты прилетели. Бей их, бей!

Боровой говорит спокойно, но быстро.

Молниеносно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Усталости как не бывало.

Вижу, к линии фронта приближаются девять «хейншелей» (двухмоторные вражеские самолёты) и четыре истребителя.

Я взглянул на бензомер — горючее на пределе. Можно дать короткий бой и дотянуть до аэродрома.

«Хейншели» начали выстраиваться в круг, готовясь штурмовать наши войска. Один уже заходил на штурмовку.

Командую Брызгалову, чтобы он с парой связал боем истребителей, а я с четвёркой сверху, сзади, стремительно бросаюсь на врага. Прицеливаюсь. Дистанция подходящая. Открываю огонь. Самолёт врага загорается и падает на территорию противника. Отхожу в сторону. Раздаётся спокойный голос Борового:

— Внимание! Второй «хейншель» заходит на штурмовку. Бей! Не теряй ни секунды!

Разворачиваюсь. Точно так же заходит на штурмовку и второй «хейншель». Мне кажется, что передо мной первый «хейншель». Нет, это уже второй! Он упрямо намеревается тем же способом штурмовать наши войска.

Оглядываюсь — все мои лётчики на месте. Брызгалов и его ведомый мастерски навязывают бой истребителям врага.

И точно так же, как и в первом случае, стремительно захожу сверху, сзади, в хвост «хейншелю» и даю очередь с той же дистанции. Второй «хейншель» вспыхивает и падает неподалёку от первого.

— Молодец, так их! Давай ещё! — кричит подполковник Боровой.

Вижу, Брызгалов отогнал истребителей противника. Мухин держится рядом со мной.

Разворачиваюсь. Вести бой не с кем: «хейншели» удрали.

Мы возвращаемся на свой аэродром. Это был решительный, скоротечный бой. В этом бою большую роль сыграло слово с земли.

26. ПЕРВОЕ МАЯ ЗА РУБЕЖОМ

Идут напряжённые воздушные бои. В воздухе с рассвета дотемна стоит гул авиационных моторов.

Появились вражеские самолёты, на бортах которых были

намалёваны черепа, кости и прочие эмблемы в этом же роде: фашисты всеми способами старались воздействовать на психику наших лётчиков.

На нас эта ерунда — назвать это иначе было нельзя, — понятно, не производила никакого впечатления, служила лишь поводом для насмешек.

— Черепа и кости они, видимо, для себя заранее заготовили, — посмеивались лётчики.

Мы делаем по нескольку вылетов в день. Несмотря на напряжённую, изнуряющую обстановку в воздухе, дерёмся мы яростно, с неиссякаемой энергией. Радуют успехи каждого боя.

Попытка противника перейти в контрнаступление была сорвана при тесном и чётком взаимодействии наших наземных войск и авиации.

1 мая перелетаем в Румынию. Река Прут сверху кажется желтовато-бурой дорогой.

Мы — за рубежом.

Садимся на аэродром севернее Ясс. Безоблачный, ясный день. Жарко. Вокруг аэродрома — сады. Всё в цвету. Красиво. Но я многое бы дал, чтобы только взглянуть на заросшее осокой болотце у родной Ивотки...

Вечером, после трудного боевого дня, собираемся на командном пункте.

Заместитель командира по политической части читает нам первомайский приказ Верховного Главнокомандующего.

Здесь, за пределами Родины, мы, советские воины, испытывали какое-то особенно глубокое и радостное волнение, слушая слова сталинского приказа:

«...Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией и продолжает теперь громить вражеские войска на территории Румынии».

И мы, советские лётчики, горды тем, что есть и наша доля в этой очередной победе наших войск.

27. САМОЛЁТ КОЛХОЗНИКА КОНЕВА

2 мая рано утром Ольховский вызвал меня на КП:

— Полетите на тыловой аэродром. Получите там подарок от колхозника из Сталинградской области. Полетите с Брызгаловым на «По-2».

Я не стал расспрашивать командира. Взял парашют и отправился с Брызгаловым к «По-2».

В последний раз я поднимался на «По-2», когда сдавал испытания в аэроклубе. Много воды утекло с той поры!

Подлетая к аэродрому, я ещё издали заметил на стоянке в стороне от других новенький, поблёскивающий на солнце самолёт.

Меня и Брызгалова окружили корреспонденты.

Оказалось, что машина, которую командование поручило мне, была построена на личные сбережения колхозника Конева. Лётчик, пригнавший её, сказал, что самолёт хороший, облегчённого типа. Я быстро зашагал к самолёту, продолжая расспрашивать лётчика.

На хвосте самолёта стояло: № 14. На левом борту красными буквами было начертано: «Имени Героя Советского Союза подполковника Конева Н.», а на правом борту — «От колхозника Конева Василия Викторовича».

Ко мне подошёл представитель штаба нашего авиасоединения, пожал руку и сказал:

— Вы уже, вероятно, прочли надписи на бортах машины. У неё замечательная история. Шестидесятилетний колхозник-пчеловод Василий Викторович Конев из колхоза «Большевик», Сталинградской области, внёс свои трудовые сбережения в фонд Советской Армии и попросил товарища Сталина о том, чтобы на них был построен самолёт имени Героя Советского Союза Конева. Просьба славного советского патриота выполнена. Василий Викторович Конев — односельчанин подполковника Конева, павшего смертью храбрых в неравном бою в начале войны. Вот послушайте, что пишет колхозник Конев...

Представитель штаба соединения вынул из планшета письмо Конева и прочитал его.

Колхозник Конев просил лётчика, которому будет вручён самолёт имени Героя Советского Союза Конева, беспощадно мстить фашистам за смерть героя Конева, бить врага до нашей окончательной победы.

— Машина прислана в распоряжение командования нашего авиасоединения, — продолжал представитель штаба, — и оно решило дар сталинградского колхозника передать вам, капитан Кожедуб... Поздравляю вас, искренне желаю успехов!

Подошёл один из корреспондентов и сказал, что он знавал подполковника Конева, что герой-лётчик летал на самолёте за № 33 и что про него есть стихотворение, сложенное авиаторами. И он прочёл эти незатейливые, но написанные от души фронтовые стихи:

Конев отважно дерётся с врагом
За Родину, Сталина, отчий дом.
Если над краем передним летал,
Каждый боец его узнавал:
— Ну-ка, товарищ, зорче смотри!
Кажется, мчится вдали «33»...

Хотелось подробнее расспросить о подполковнике Коневе, но время было горячее, и я не мог задерживаться ни на секунду.

Наспех попрощался со всеми и позвал Брызгалова:

— Пора домой, Паша. Полетишь на «По-2», только смотри в оба за «мессершмиттами».

И мы отправились в путь на своих машинах.

В этот вечер мне долго не спалось. Я раздумывал о новом самолёте, готовился к его боевому крещению.

Я всегда бережно и заботливо относился к самолёту, к каждому прибору, винтику, а сейчас почувствовал особенную ответственность за эту машину. Представил я себе далёкий

колхоз «Большевик», где колхозник-патриот будет ждать от меня писем с рассказами об успешных боях, проведённых на его машине. Представил себе завод, где рабочие и конструкторы будут следить за боевой работой машины, сделанной ими по заказу старика-пчеловода. Перед сном написал письмо колхознику Коневу:

«Дорогой Василий Викторович!

С радостью сообщаю вам, что ваш самолёт мне вручили сегодня, 2 мая 1944 года, на прифронтовом аэродроме. Это новый, прекрасный наш отечественный самолёт «Лавочкин» с надписями, которые вы просили сделать.

Позвольте заверить вас, Василий Викторович, что я буду бить врага на вашем самолёте так, как приказывает великий Сталин. Сейчас у меня на счету тридцать семь сбитых фашистских самолётов. Но это только начало мести врагу за убитых и замученных советских людей, за разрушенные врагом сёла и города. О каждой своей победе над врагом буду вам сообщать. Вас же прошу — пишите о своём житье-бытье. Хочется знать об успехах в вашем колхозе «Большевик», о том, кто из ваших родных и близких находится на фронтах Отечественной войны.

Желаю вам здоровья и успехов.

С боевым приветом
Герой Советского Союза Иван Кожедуб».

28. НАСТОЯЩЕЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ САМОЛЁТА КОЛХОЗНИКА КОНЕВА

Веду группу самолётов на прикрытие наших наземных войск. Над линией фронта встречаем восемь истребителей противника. Они не приняли боя и ушли к Яссам.

Раздалась команда с земли:

— Ястребы, ястребы, будьте внимательны: приближается большая группа бомбардировщиков противника!

Больше тридцати вражеских самолётов направлялось к линии фронта. К ним присоединились и восемь истребителей, уклонившихся от боя.

Я подал команду:

— Орлы, атакуем!

Мы сзади, сверху, всей группой врезались в строй бомбардировщиков. Амелин зажёг один «юнкерс». Вражеские лётчики в замешательстве начали бросать бомбы на свои же войска.

Нам мешали «мессершмитты». Пришлось завязать с ними бой. Не выдержав нашего натиска, фашисты повернули обратно.

К линии фронта приближалась вторая группа вражеских бомбардировщиков и истребителей. Я принял такое решение: частью наших сил связать боем истребители противника, а остальным — атаковать бомбардировщики.

Началась воздушная «карусель». Нам удалось расстроить боевой порядок «юнкерсов». Часть наших самолётов получила повреждения и вынуждена была уйти на свой аэродром. Противник, очевидно, по радио вызвал подмогу — истребители. Смотрю и глазам не верю: кругом мелькают одни лишь чёрные кресты. Своих самолётов не вижу!

Невдалеке — маленькое облачко. Направляюсь к нему. Не успел как следует осмотреться — снова раздалась команда с земли:

— Ястребы, ястребы, приближается третья группа бомбардировщиков противника! Сбейте ведущего!

Высота три тысячи пятьсот метров. Ещё раз внимательно всматриваюсь. Не так-то просто сбить ведущего!

Да, это настоящее крещение моего нового самолёта. Приказ всегда выполняется немедленно, а сейчас тем более нельзя медлить. Передаю по радио:

— Понял вас. Иду в атаку.

Маскируясь маленьким облачком, лечу навстречу противнику. Отчётливо вижу ведущего. Противник, видимо, прини-

мает меня за своего. Но не успел я открыть огонь, как мимо меня полетели десятки трасс. Бью ведущего в упор. Он нырнул под мой самолёт и пошёл вниз. Очевидно, сбил его. Меня окружили вражеские самолёты.

Обстановка напряжённая, нет времени осмотреться. Знаю: если отверну, меня немедленно расстреляют с бомбардировщиков. Поэтому нацелился, проскочил сквозь строй «юнкерсов» и развернулся на свою территорию. И тут на меня «навалились» три вражеских истребителя. Гибель почти неминуема. На какую-то долю секунды я растерялся. Стало тихо. Только рокот мотора подбадривал меня. «Нет, не дамся, вырвусь!» приказываю себе и начинаю стремительно перекидывать свой послушный самолёт из стороны в сторону.

Ведущий вражеской тройки яростно обстреливает меня, а двое сверху прикрывают его действия.

Теперь всё зависит от моей силы и выносливости. Кто окажется выносливее — враг или я? Очевидно, силы фашистов были на исходе. Мне тоже приходилось нелегко. Но я ещё мог продержаться.

Огненные трассы уже не долетают до меня. Выжимаю из самолёта всё, что он может дать. Вряд ли врагу удастся теперь сбить меня. Но неприятно, когда сзади тебя противник.

Начинаю ещё стремительнее бросать самолёт из стороны в сторону. И вдруг фашисты поворачивают назад. Они, видимо, растратили все боеприпасы. Наконец-то я один в воздухе!

Кричу по радио:

— Орлы, соберитесь! Нахожусь в районе сбора!

Не узнаю своего голоса — в горле так пересохло, что я уже не кричу, а хриплю. Волнуюсь за ребят. Горючего у меня в обрез, и я «впритирку» иду на посадку. Домой вернулись и все мои товарищи.

Этот бой был проверкой моей выносливости, физической закалки. Без них меня, вероятно, не спасли бы ни опыт, ни даже замечательные качества моей машины. И мне вспом-

нился первый боевой вылет, когда у меня болели все мускулы и особенно шея — так я вертел головой и столько делал лишних движений. Сейчас у меня ничего не болело. Чувствовалась лишь усталость. Вот что значит тренировка!

29. КАК НА АЭРОДРОМЕ ВСТРЕЧАЮТ ЛЁТЧИКОВ

Когда самолёт приземлился, я ещё не знал, удалось ли мне выполнить приказ — сбить ведущего. Это меня очень беспокоило.

Я быстро пошёл на КП и ещё издали увидел большой плакат: на нём крупными буквами была написана фамилия Евстигнеева, а пониже — моя. Прошёл мимо, спеша доложить командиру о выполнении задания.

Кирилл Евстигнеев заканчивал свой доклад о результатах боя, проведённого под его руководством группой в восемь самолётов. Они вели бой с тридцатью восемью «Юнкерсами-87», предпринявшими налёт на боевые порядки наших войск. Группа Евстигнеева рассеяла бомбардировщики противника. Они вынуждены были сбросить бомбы на свои же войска.

В этом мастерски проведённом воздушном бою наши лётчики сбили четыре фашистских самолёта. Лично Кирилл сбил два.

Внимательно слушаю доклад Евстигнеева. Он, как всегда, сдержанно и скромно рассказывает о своей победе.

Кирилл закончил доклад и устало улыбнулся. Командир поздравил его. Я на ходу пожал руку старому другу и начал докладывать Ольховскому о выполнении боевого задания. Когда я сказал ему о том, что не уверен, сбит ли ведущий, Ольховский заметил:

— Успокойтесь, ведущий сбит. Он упал невдалеке от наблюдательного пункта и разбился.

У меня даже усталость прошла...

Евстигнеев ждал меня. Мы вышли вместе, делясь впечат-

лениями о сегодняшних боях. Остановились у плаката. Пока мы были на командном пункте, ещё несколько лётчиков нашей части одержали очередные победы, и на плакате появились их фамилии и краткие сообщения о проведённых ими боях, о количестве сбитых вражеских самолётов.

Вечером партийная организация устроила митинг, посвящённый боям, успешно проведённым однополчанами в этот день.

30. СНОВА В МОСКВУ

За семь дней боёв на самолёте имени Героя Советского Союза Конева мне удалось сбить восемь вражеских самолётов. Тогда я написал рапорт колхознику Коневу:

«Дорогой Василий Викторович! Спешу сообщить, что на вашем самолёте я сбил восемь самолётов врага, из них пять хвалёных «Фокке-Вульфов-190». Теперь на моём счету сорок пять лично сбитых фашистских самолётов.

Позвольте закончить это письмо уверением, что мой боевой счёт будет всё время расти.

С горячим приветом
капитан Кожедуб».

Наступило временное затишье. Шла подготовка наших войск к наступлению. Больших воздушных боёв уже не было, и мы летали главным образом в разведку. Мы готовили себя к боям и одновременно вводили в строй молодых, недавно прибывших к нам лётчиков. И Евстигнеев, и Амелин, и я много занимались с ними на земле и в воздухе. Для молодёжи это была такая же школа, какую год назад, перед боями на Курской дуге, проходили мы сами.

Как-то вечером, в конце июня, меня вызвали к командиру части. Я заметил, что командир взволнован.

— Товарищ капитан, сейчас пришёл приказ о вашем немедленном вылете в Москву. В чём дело — не знаю. Завтра

утром полетите в Бельцы. Вас проводит Брызгалов на «По-2»... Не могу вам передать, как я огорчён! Не хочется отпускать вас. Но надеюсь, вы скоро вернётесь.

Никогда я не думал о том, что меня могут отозвать из родного полка. И сейчас, ещё не зная, зачем меня вызывают в Москву, беспокоился только об одном: лишь бы меня там долго не задержали и скорее отпустили в полк.

Утром все собрались около КП. Меня обступили старые друзья — Евстигнеев, Амелин, Семёнов, Мухин, Брызгалов. У Мухина лицо растерянное. Он держит меня за руку:

— Как же так... неужели надолго от нас улетишь?

Беляев говорит мне тихо:

— Скажите несколько прощальных слов, ребята ждут.

Собравшись с мыслями, я говорю о том, как тяжело мне покидать родную часть. За один год и четыре месяца я прошёл с ней трудный путь от первого боевого вылета до сорок пятого сбитого вражеского самолёта.

Мы жили дружной семьёй. Гордились победами друг друга. Росли вместе.

В полку, на фронте, я, как и многие мои однополчане, стал большевиком, членом партии Ленина—Сталина, которая воспитала из нас бесстрашных советских патриотов, помогла нам, рядовым лётчикам, вырасти до командиров эскадрилий.

И Евстигнеев, и Амелин, и я — все мы пришли в полк в один и тот же день. Сейчас у командира эскадрильи Евстигнеева на счету сорок восемь сбитых вражеских самолётов. У моего ведомого, Мухина, прибывшего к нам лишь год назад, — пятнадцать сбитых.

Мне не верилось, что улетаю надолго, но всё же я закончил так:

— Друзья! Где бы я ни находился, буду всегда вспоминать вас. Мне всегда будет казаться, что крыло к крылу с вами бью врага в воздухе. До скорой встречи!

Однополчане были взволнованы не меньше меня. Гурьбой пошли к моему самолёту.

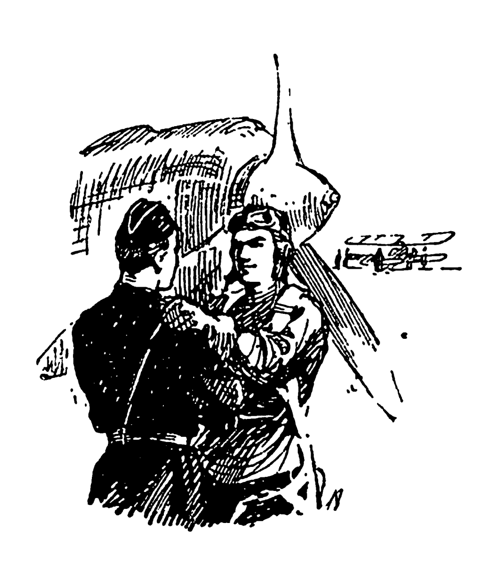
— Ну, верный товарищ, — говорю я, обнимая механика Иванова, — следи за моей машиной, пока не вернусь!

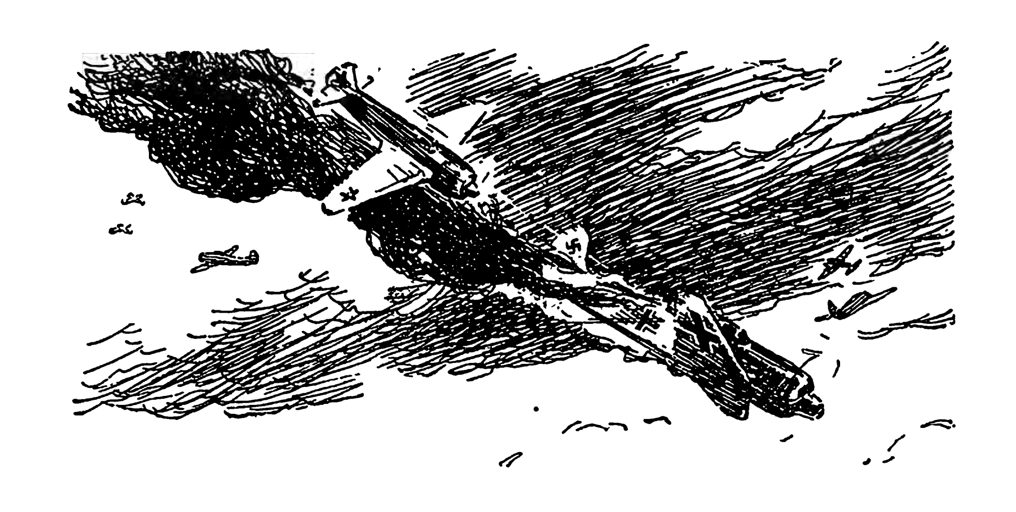
— Постараюсь, товарищ командир! А вы уж старайтесь поскорее вернуться, — отвечает Иванов.

«По-2» готов к полёту. Влезаю в кабину, сажусь за управление.

— Полетим ещё разок, Паша.

Взлетаем. Ребята машут мне руками, и я, внимательно осматривая воздушное пространство, беру курс на ближайший тыловой аэродром. Линия фронта осталась далеко позади.

Часть пятая

НА СВОБОДНОЙ ВОЗДУШНОЙ „ОХОТЕ“

1. УЧЕБНЫЙ АЭРОДРОМ

— Товарищ капитан, вы назначены заместителем командира части на Первый Белорусский фронт. Ваши будущие однополчане, испытанные боевые лётчики, живут дружно. В этой части найдёте много интересного для себя, — сказал мне генерал, к которому меня направили в Москве.

Но до моего сознания дошло лишь одно: придётся расстаться с родной частью. А там мой фронтовой учитель Семёнов, мой ведомый Мухин... Там все мои друзья... мой самолёт, к которому я так привык...

Я попытался убедить генерала, по виду такого мягкого и уступчивого, в том, что до дня окончательной победы моё место в полку, где я рос, закалялся, что я обязан туда вернуть-

ся. Но генерал был неумолим и разбивал все мои доводы. Он, улыбаясь, протянул мне пакет:

— Вручаю вам назначение, товарищ капитан. С будущими товарищами вы подружитесь, слетаетесь. Вы там нужны больше. А пока направляйтесь на учебный аэродром, в тыл. Освоите новый самолёт и полетите на нём в полк.

Я был направлен на тот самый учебный аэродром, в тыл, где полтора года назад готовился к боевой работе.

Когда я сошёл с поезда, на меня нахлынули воспоминания. Перед глазами встали Солдатенко, Габуния... Евстигнеев, Амелин в сержантской форме... «Ла-5» с надписью на борту: «Имени Валерия Чкалова»...

На аэродроме в линейку стояли замечательные отечественные истребители нового типа. Надо было выбрать проверенную машину. Подробно расспросил лётчиков-инструкторов, механиков об особенностях новых самолётов. Вместе осмотрели несколько машин. Особенно одобрительно лётчики отзывались о самолёте за № 27. Я остановился на нём. Это и был тот самый самолёт — мой верный боевой друг, который бессменно служил мне до последнего дня войны.

Сразу меня в воздух не выпустили.

Когда механик подготовил самолёт, я сел в кабину и тщательно стал её изучать. Проходил наземную подготовку, определял своё положение в самолёте, как когда-то делал это в «По-2» на аэроклубовском аэродроме.

Через несколько дней вылетел с инструктором. Только после нескольких провозных полётов стал тренироваться самостоятельно.

В эти дни радио принесло радостные вести: наши войска наступали. На всех фронтах шли жаркие бои.

С нетерпением жду из Москвы разрешения на вылет. Тренируюсь. Делюсь опытом с молодыми лётчиками.

Стараюсь найти нужные слова и мысли, чтобы помочь новичкам в подготовке к боевой работе. Занят с утра до вечера, но задерживаться в тылу не хочется.

2. ДЕНЬ СТАЛИНСКОЙ АВИАЦИИ

В День воздушного флота я, по обыкновению, рано утром отправился в штаб узнать, нет ли разрешения на вылет. Оказалось, оно только что пришло. Я был несказанно рад. Наконец-то после вынужденной передышки вернусь на фронт!

Хотелось вылететь к месту назначения сейчас же. Но надо было «уточнить» погоду. Пока я выяснял, можно ли сегодня вылететь, в штабе появился командир:

— Вас-то я и ищу, товарищ капитан. От души поздравляю с награждением второй «Золотой Звездой»! — Он обнял меня и, широко улыбаясь, добавил, не дав мне вымолвить ни слова: — А наша учебная часть награждена орденом Боевого Красного Знамени за успехи в подготовке авиаторов... Я вас сегодня не отпущу. Да и погоды пока нет. Вы должны провести с нами вечер. Ведь вы, товарищ капитан, у нас начали готовиться к боевой деятельности. А завтра утром вас проводим. Решено?

Я был рад и за себя и за учебную часть. Сколько её питомцев воюют уже не один год на фронтах Отечественной войны!

Трудно выразить словами всё, что я перечувствовал в тот день. Я думал о том, что буду драться с врагом, не щадя своей жизни, стоять насмерть за советскую Родину, что постараюсь отблагодарить партию, великого Сталина, что отныне обязан ещё упорнее совершенствовать свою боевую выучку, бить врага храбро и умело; думал о том, как мало ещё мною сделано и как много нужно сделать, чтобы оправдать высокую награду.

В семнадцать часов, по приказу Верховного Главнокомандующего, Москва от имени Родины салютовала советской авиации.

После салюта командир устроил праздничный вечер, а на следующий день, рано утром, я вылетел на 1-й Белорусский фронт.

3. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Часть, куда я был направлен, находилась на аэродроме, расположенном у Вислы. Фронт — в двадцати километрах.

Приземляюсь. Смотрю на часы — 9.00. А на аэродроме полно лётчиков. Все машины на местах. «Затишье», думаю я.

В каждой части свои традиции, свой уклад, как в любой семье. Но, несмотря на это, чувство у меня такое, словно я попал домой. Вероятно, меня ждут, и лётчикам, как это водится в авиационных частях, уже всё известно обо мне. Невольно волнуюсь: как встретят?

К моей машине подбежало несколько лётчиков. Мы представились друг другу и все вместе пошли на командный пункт.

Лётчики рассказывают, что в районе Праги (предместье Варшавы) идут бои, но наша часть в них не принимает активного участия. Сейчас полк готовится, и вылетов бывает мало.

Из командного пункта выходит полковник, Герой Советского Союза. Он быстро направляется к нам.

— Это командир части Павел Фёдорович Чупиков, — говорит кто-то.

Подойдя к командиру, рапортую:

— Товарищ полковник! Капитан Кожедуб прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы.

Командир жмёт мне руку и говорит, внимательно глядя на меня:

— Давно вас жду, товарищ капитан... Как летели?.. Теперь будем воевать вместе. Очень ждали вас, когда были горячие дни.

Герой Советского Союза полковник Чупиков подтянут, невысок. Судя по внешности, он человек большой силы воли. Взгляд его серых глаз зорок и внимателен. Он ещё молод — ему лет тридцать. Но у глаз уже веером расходятся морщинки, как у всех лётчиков, которые много летают и, прищурившись, глядят на солнце.

Позже, поближе познакомившись с командиром, я узнал, что он прекрасный организатор. На фронте он с самого начала войны, имеет большой боевой опыт. Наш командир, испытанный лётчик, скромен и трудолюбив.

Полковник очень дорожил честью полка и этого же требовал от лётчиков. В полку его любили и уважали. Этот мужественный человек, беззаветно преданный делу партии, готовый на любой подвиг во имя победы над врагами Родины, храбрый воин, не страшившийся смерти, души не чаял в своей семье и в часы отдыха любил говорить о сынишке.

— ...Да, у нас сейчас тихо. Стоим на ответственном участке. Готовимся к будущему наступлению, — говорил мне командир, когда мы сели друг против друга на командном пункте и закурили.

И, обращаясь к офицеру штаба, Чупиков отдал приказ:

— Построить личный состав на аэродроме... Я представляю всему полку каждого вновь прибывшего — надо, чтобы все знали каждого и каждый знал всех. Потом я вас более подробно познакомлю с вашими обязанностями.

...Чупиков представил меня однополчанам, собравшимся у командного пункта. Я вкратце рассказал им о себе. Затем командир повёл меня осматривать аэродром:

— Покажу вам наше хозяйство.

По дороге мы встречаем лётчиков, и Чупиков каждому даёт короткую меткую характеристику.

Знакомлюсь с Героем Советского Союза майором Азаровым — его зовут в полку «озорным». Сразу видно, что он бывалый истребитель. Лицо у него смелое, открытое. Его ведомый Громов — отважный и искусный «охотник». Оба, как у нас говорилось, «немолодые» лётчики. Они дополняли друг друга — это была замечательная боевая пара.

Майору Титоренко, которого представляет мне командир, около тридцати лет, но выглядит он старше. Он служит здесь, в части, с первых дней её организации, и его прозвали «стариком». Когда часть охраняла небо Ленинграда в начале

войны, он в трудном воздушном бою сбил «юнкерс», не допустив его бомбить город; не раз Титоренко приходилось прыгать с горящего самолёта.

Мои новые товарищи — испытанные в боях лётчики. Видно, что живут здесь дружной боевой семьёй. Во всём чувствуются крепкая дисциплина, спаянность, взаимное уважение.

Навстречу нам шагает подросток лет пятнадцати, в комбинезоне.

— А это кто, товарищ командир?

— Сын нашего полка, — отвечает Чупиков. — Давид, подойди представься моему новому заместителю.

Мальчик подходит, вытягивается в струнку и рапортует:

— Товарищ командир, моторист комсомолец Давид Хайт!

Командир улыбается, ласково похлопывает Хайта по плечу. Затем отпускает его и говорит мне:

— Вот вам и ординарец, товарищ капитан. Давиду много пришлось пережить. У нас все его очень любят, и он горячо предан нашему полку. Хайт — способный, смелый, любознательный паренёк. Он работает мотористом самолёта лейтенанта Васько, и Васько им очень доволен. Вы, как инструктор, человек, имеющий педагогический опыт, будете следить за его развитием, а уж он о вас как следует позаботится. Думаю, будете им довольны.

Паренёк мне понравился — люблю я таких деятельных, общительных и вместе с тем дисциплинированных ребят.

4. БАЛОВЕНЬ ЛЁТЧИКОВ

Мы подходим к самолётам. Нас окружают лётчики. Вдруг Чупиков окликает кого-то:

— Зорька, Зорька, иди знакомиться!

Оглядываюсь — к нам подбегает косматый круглый медвежонок. Глазки у него весело блестят. Он переваливается

и посапывает. Я от удивления останавливаюсь. Лётчики хохочут.

— Это наш любимец, баловень, — говорит Чупиков, поглаживая медвежонка по широкому лбу.

Медвежонок словно понял, что разговор идёт о нём, завертелся и встал на задние лапы. Он был по пояс командиру.

— Ну-ну, потом будем бороться, сейчас некогда... Зорька у нас озорница, но бывает и послушной. Смотрите, просит у вас угощения...

Зорька подкатилась ко мне и тычется влажным носом в руку.

— Товарищ капитан, угостите её, — говорит Титоренко, вынув из кармана кусок сахара. — Для неё все в карманах таскают угощение.

Зорька осторожно слизывает сахар с моей ладони и ложится на траву.

— У неё «налёт» большой, — говорит Чупиков. — Она перелетает с нами на пассажирском самолёте «Ли-2» с аэродрома на аэродром. Прекрасно знает распорядок нашего дня, ходит с нами в столовую и ведёт себя там примерно. Подобрали её в карельских лесах совсем маленькой. У нас есть ещё зверушки. Кто-то принёс раненого зайца, вылечили его, и теперь он у нас совсем ручной. Один из лётчиков где-то подобрал ворону с подбитым крылом. Хочет научить её разговаривать. Она кричит «кар, кар», а он радуется: «Слышите, ребята, как говорит!» Вот и Кнопка явилась. Сейчас будет спектакль...

Чёрная собачонка, поджав хвост, стоит поодаль от Зорьки. Медвежонок разлёгся, косо поглядывает на неё и сосёт лапу.

— Хитрит Зорька! — смеётся Чупиков.

Кнопка, постояв в нерешительности, тявкает, срывается с места и, семеня, пробегает перед носом Зорьки. И тут Зорька хватает её. Кнопка пронзительно визжит.

— Медвежонок её придушит! — говорю я. — Надо вызволить!

— Нет, смотрите, как осторожно держит. А визжит Кнопка от страха. Зовёт на помощь. А потом опять лезет в «бой».

К Зорьке подбегает майор Титоренко и вытаскивает из её пасти Кнопку. Собачонка лижет ему руки и дрожит с перепугу, а Зорька ворчит.

— Ну, чего лезешь, глупая! Ступай на место... А ты и рада, разворчалась, драчунья!

Лётчик спускает Кнопку на землю. Она жмётся к его ногам и вдруг, задорно тявкнув, кидается на медвежонка. Тот шлёпает её лапой, и Кнопка отлетает в сторону.

Все хохочут.

— Вот дерзкая собачонка! Очнуться не успела и уже атакует.

5. ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР В НОВОЙ ЧАСТИ

Осмотрев аэродром и всё «хозяйство», мы возвращаемся на КП. В тот день вылетов было очень мало. Чупиков, заместитель командира по политчасти майор Асеев, начальник штаба Топтыгин и я долго беседуем.

Вечером — политинформация. Её проводит Асеев. Я особенно внимательно слушаю сообщения о 2-м Украинском фронте: войска фронта прорвали оборону противника и успешно продвигаются по территории Румынии. Думаю о своих старых друзьях — однополчанах. Они с утра до вечера в боях, а я сижу здесь, вдали от них, и бездействую...

После политинформации мы едем в посёлок, где размещены лётчики. Зорька с нами.

Титоренко смотрит на часы:

— Надо поторапливаться: в столовой нужно быть ровно в двадцать один час.

— А разве сегодня у вас какое-нибудь торжество?

— Нет, у нас каждый ужин обставляется торжественно. Мы должны являться в срок, без опоздания. Это было заведено ещё прежним командиром полка и вошло в традицию.

Приводим себя в порядок и в 20.45 подходим к столовой. Зорька уже трусит впереди и сама открывает дверь.

На столиках, покрытых белоснежными скатертями, стоят приборы. Ко мне подходит дневальный:

— Товарищ капитан, ваше место вот здесь, рядом с командиром полка.

Садимся. Переговариваемся вполголоса. Титоренко говорит, что ужин начнётся после краткого разбора боевого дня. Между столиками прохаживается медвежонок. Зорьку подзывают то к одному, то к другому столику. Какой-то лётчик шутя кричит:

— Пошёл прочь!

И медвежонок, поворчав, отходит.

— Больше к нему приставать не будет. У него память хорошая, — смеётся Титоренко.

Кто-то подаёт команду:

— Товарищи офицеры!

Все встают. Входит командир части.

— Пожалуйста, садитесь, товарищи офицеры. — Он оглядывает столики и продолжает: — Пусть, по нашей традиции, вновь прибывший, мой заместитель—капитан Кожедуб, коротко расскажет нам о нескольких боях, о том, где воевал, поделится с нами опытом. Ближе познакомитесь в процессе работы.

Для меня это своего рода экзамен. Испытанные лётчики — слушатели взыскательные. Нового товарища они узнают и по рассказам о проведённых им боях и по первому полёту.

Я встаю и делюсь воспоминаниями о восемнадцати месяцах своей боевой жизни, о том, как много пришлось и приходится работать над собой, о своих боевых товарищах и учителях. Однополчане слушают внимательно.

Командир спрашивает:

— Есть вопросы к товарищу Кожедубу?

Вопросов ко мне нет.

— Пожалуйста, садитесь, товарищ Кожедуб, — говорит

Чупиков и тихо добавляет: — Вы лётчикам понравились. Я очень рад за вас... Теперь, товарищи офицеры, — продолжает он громко, — приступим к разбору лётного дня.

Командир сжато разбирает все вылеты и останавливается на особенно удачном вылете пары: Александрюка и его ведомого, Васько. Лётчики, о которых говорит командир, встают.

— Я предлагаю, — заканчивает он, — тост за прибывшего к нам товарища и за лётчиков Александрюка и Васько, отлично выполнивших сегодня боевое задание.

Все стоя пьют за наше здоровье.

— Садитесь, товарищи офицеры. Время ужинать, — говорит командир.

Разносят ужин. Зорька, до того спокойно сидевшая в уголке, бегает от столика к столику. В столовой становится шумно: лётчики смеются над проделками медвежонка.

Командир мне рассказывает:

— Время, затрачиваемое на краткий разбор боевого дня, зависит от количества вылетов. Днём разборы проводятся по группам, а перед ужином, когда все офицеры налицо, я разбираю итоги дня. Порицание или поощрение в присутствии всех офицеров части — очень хорошее средство воспитания. Среди сержантского и рядового состава разборы лётного дня проводит мой заместитель по политчасти.

«Крепкий, спаянный полк, с хорошими традициями», думаю я, и мне хочется скорее вступить в бой крыло к крылу с новыми однополчанами.

После ужина заиграл баян. Зорька с невинным видом загребает со стола булочку и торопливо её уплетает. Медвежонка окликнули. Он бежит, переваливаясь и постукивая когтями по полу. Дружный хохот заглушил звуки баяна — Зорька выкинула какой-то номер.

— Товарищи офицеры, можно покурить. Завтра рано вылетов не ожидается, можно и вечер самодеятельности устроить... Фомин, запевайте!

Сильным, приятным голосом Фомин запел. Лётчики подхватили.

— Хорошо поёт Фомин, — заметил Чупиков. — У него отличный слух: послушает по радио новую песню и к вечеру её исполняет, а через несколько дней её весь полк поёт...

Последние слова песни отзвучали, и командир неожиданно предложил:

— Попросим товарища Кожедуба спеть нам что-нибудь.

Со всех сторон закричали:

— Спойте, спойте, товарищ капитан!

Я даже растерялся:

— Голоса у меня нет, петь не умею.

— Это у нас не принимается во внимание. Поют и танцуют все. Пока не споёте — не уйдёте.

— Я лучше спляшу гопак. Согласны?

Иду вприсядку в стремительном темпе. Вдруг со всех сторон закричали: «Зорька, Зорька!» Кто-то крепко толкнул меня в бок. Раздался оглушительный хохот: ко мне неслышно подкатился медвежонок. Увёртываюсь от Зорьки и вприсядку обхожу комнату — медвежонок за мной.

Я вскочил и повалил его на обе лопатки. Лётчики смеялись, хлопали, кричали «бис». И я почему-то сразу почувствовал себя в кругу родных людей. Неуловимая натянутость, которая всегда бывает, когда попадаешь в незнакомую обстановку, исчезла.

Время шло незаметно. Но вот Чупиков, посмотрев на часы, объявил:

— Товарищи офицеры, наш вечер закончен. Пора отдыхать. Спокойной ночи!

...Титоренко и я пришли в свою комнату, зажгли свет. На одной из постелей кто-то лежит, накрывшись с головой одеялом. Посмотрели — да это Зорька! Положила голову на подушку и мирно спит.

Мы так хохотали, что прибежали лётчики из других комнат. Стали будить медвежонка. Он ворчит, лапами отмахи-

вается и ни с места. Осторожно стащили его и положили под койку. Зорька поскулила немного, видит — делать нечего, и снова заснула.

6. ВХОЖУ В ЖИЗНЬ АЭРОДРОМА

Рано утром меня разбудил толчок. У моего изголовья сидел медвежонок и, посапывая, старательно вылизывал лапу. Пока мы умывались, делали зарядку, медвежонок, не дождавшись нас, помчался в столовую.

Едем на аэродром. Медвежонок примостился на крыше кабины — он тяжёлый, его не сдует. Вид у него важный, словно он понимает, что едем по делу. До аэродрома ещё далеко, но Зорька уже почуяла запах бензина, масла, краски, особый, волнующий запах лётного поля. Воздух, набегая, щекочет ей нос. Она вертит головой, ворчит, возится.

Подъехали. Медвежонок бросился к командному пункту, обежал его несколько раз и тогда только успокоился.

Так каждое утро Зорька приветствует аэродром.

После обеда на аэродроме проводится конференция. Мы расположились на траве под ёлками у окраины лётного поля. Собрались и бывалые лётчики и молодёжь, только начинающая боевой путь. Конференцию ведёт командир полка. Лётчики делятся боевым опытом, обсуждают вопросы теории и тактики, разбирают боевые вылеты.

Один молодой лётчик спрашивает меня:

— Чем объяснить, что вы, сбив сорок пять самолётов врага, сами не были ни разу сбиты?

Вопрос был несколько неожиданным. Я на минуту задумался и ответил так:

— Ничего нового и особенного я вам сейчас не скажу, хотя можно было бы сделать целый доклад. Мы часто будем беседовать с вами о том, какие качества должен развивать в себе каждый из нас для достижения победы. Сейчас отвечу

вам вкратце. Я сбил сорок пять самолётов врага, значит не меньше сорока пяти раз хотели сбить и меня. Конечно, на войне всё бывает, но чаще погибает тот, кто боится. Надо морально воздействовать на врага, навязывать ему свою волю. Здесь и должны проявляться моральные качества советского человека, его воля к победе, сила его идейной убеждённости. Надо воздействовать на врага и мастерством, внезапностью — в ней ошеломляющая сила. Нужно использовать все лётно-тактические качества машины и технику пилотирования. В воздушном бою я действую расчётливо, всё взвесив, и в то же время молниеносно. Здесь счёт идёт на секунды. На войне я научился сдерживать ярость, которая овладевает тобою в бою, никогда не горячиться, не терять самообладания.

Лётчики просят рассказать о моей тактике боя, о том, как думаю работать с группой. Делюсь с ними опытом.

Потом мы заговорили о работе пар, слётанности ведомого и ведущего. Каждый рассказывает о своём опыте, и я внимательно прислушиваюсь — порой на земле можно узнать, как будет вести себя лётчик в воздушном бою.

Конференция закончилась, но мы ещё долго не расходимся, продолжаем оживлённо беседовать. Вдруг со стороны КП раздаётся грохот. Все вскакивают. Оглядываюсь: упала маскировочная ветвистая ель.

— Это Зорька свалила маскировку! — кричат лётчики. — Только бы медвежонок не разбился!.. Товарищ командир, разрешите посмотреть?

Чупиков разрешает. Я иду тоже: забавный, ласковый, озорной медвежонок стал и моей слабостью. Часовой — молодой боец — смущённо рапортует Чупикову:

— Товарищ командир! Я не досмотрел, как медвежонок на дерево залез. Слышу — ветки трещат. Подбежал, а ёлка в сторону от меня качнулась и упала.

Лётчики собрались вокруг КП. Из-под длинных косматых веток как ни в чём не бывало вылезла Зорька; она отряхивается и весело поглядывает на нас.

7. ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

В те дни, когда в моём старом полку шла напряжённая боевая работа, когда войска 2-го Украинского фронта вели бои на подступах к Бухаресту, на нашем участке продолжалось затишье. Мы готовились к предстоящим большим, напряжённым боям.

В воздушном бою многое зависит от личных качеств лётчика, от его готовности к риску и самопожертвованию, от его воли к победе. «...Но смелость и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона — не менее важная — это умение. Смелость, говорят, города берёт. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями». Эти слова, сказанные товарищем Сталиным, призывали нас настойчиво учиться и готовиться к грядущим боям. Рассчитывать только на свою смелость, бесстрашие и даже на старый опыт мы не могли. Надо было искать новые тактические приёмы, тщательно изучать поведение противника.

В первых числах сентября 1944 года полку, в котором я стал служить, было присвоено звание гвардейского.

Мы поздравляли друг друга, настроение было праздничное.

Вечером майор Асеев сделал доклад о воспитании личных качеств советского офицера, о том, к чему обязывает нас гвардейское знамя.

После доклада было много выступлений. Вспоминали прошедшие бои, говорили о будущих.

С нетерпением мы ждали гвардейское знамя.

Через несколько дней нам вручили гвардейские значки. Из штаба авиасоединения сообщили, что скоро знамя нам будет вручать заместитель командира авиасоединения. Весь полк радостно готовился к этому большому празднику.

Генерал-майор приехал днём. Весь личный состав части выстроился в стороне от командного пункта. Мы не сводили

глаз со знамени. Завёрнутое в чехол защитного цвета, оно стояло в открытой машине.

Была назначена знаменосная группа, во главе с начальником штаба. Титоренко и Азаров — ассистенты, я — знаменосец. Мы заняли свои места на правом фланге строя.

Командир полка подошёл к генералу и отрапортовал. Генерал-майор поздравил нас. Со знамени сняли чехол, алое полотнище развернулось.

Ликующее, мощное «ура» понеслось по аэродрому.

Знамя было вручено командиру полка.

Опустившись на одно колено, он торжественно поцеловал знамя. Все мы тоже преклонили колени.

Командир полка начал громко, прочувствованно произносить слова клятвы гвардейца. Мы повторяли её. Слитно, мощно звучала наша клятва, клятва воинов, готовившихся к последним, решающим боям.

Я принял знамя из рук командира, и наша знаменосная группа прошла перед всем строем. Каждый ряд встречал знамя громким, радостным «ура». То были прекрасные, незабываемые минуты.

8. КОМАНДИРОВКА

Как-то утром после политинформации меня вызывают к командиру. Получаю приказ: срочно вылететь во главе группы в десять самолётов на 3-й Прибалтийский фронт.

В Прибалтике фашисты упорно сопротивляются. Но наши войска, несмотря на трудные условия — болота, леса, озёра, — опрокидывают фашистов. Враг отступает. На один из участков 3-го Прибалтийского фронта гитлеровцы перебросили опытных «охотников». Моя группа должна очистить воздух от вражеских самолётов, обеспечить свободу действий нашей авиации.

— Наконец-то дождался! — говорю я Чупикову. — Без настоящего дела надоело сидеть.

Он смотрит на меня и понимающе улыбается:

— Вылет назначен в десять ноль-ноль. Времени на сборы достаточно. С вами пойдёт пассажирский самолёт «Ли-2» с техниками. Можете взять с собой Зорьку.

— Очень хорошо! Ребята будут довольны — всем «домом» полетим!

Получаю указания о воздушной обстановке на трассе. Пока техники готовят самолёты, собираю лётчиков. Мы подробно рассматриваем карту, наносим маршрут, изучаем трассу перелёта и район предстоящих действий.

Командир говорит напутственное слово, и мы идём к машинам, чтобы в последний раз проверить их.

Меня догоняет Хайт:

— Разрешите обратиться, товарищ командир? Я не лечу с вами... Вы будете над моими родными местами, над Ригой... — У него от волнения сорвался голос, он побледнел. — Бейте фашистов, товарищ командир! Вспомните меня, а я всё время буду думать о вас.

Увожу Хайта под крыло самолёта, успокаиваю. Я слышал, что у него больное сердце.

— Тебе худо, Давид?

Он старается улыбнуться:

— Да, сердце пошаливает, надо клапаны заменить.

Вглядываюсь в умное, печальное лицо этого храброго паренька. Я знал, что до войны он жил в Риге с родителями. Его отец — краснодеревец. Мать занималась домашним хозяйством, растила сына. Когда фашисты вторглись в Латвию, Хайту было лет тринадцать. Он решил уйти в Советскую Армию и сказал об этом отцу. Тот одобрил его желание. Мать, рыдая, умоляла мальчика не уходить. Отец её убедил. Давид, сговорившись с товарищем, вечером ушёл из дому. У моста, занятого фашистами, по мальчикам открыли огонь. Товарищ Давида был убит, а ему удалось убежать. Он добрался до маленького отряда рижан и с ними вышел в район расположения советских войск. Так Давид попал в нашу

часть, стал «сыном полка». Здесь он вступил в комсомол. В полку Хайт чувствовал себя, как в родной семье. Давид знал, что в Риге фашисты уничтожали еврейское население, и беспокоился о своих родных. Поэтому он так взволновался, когда узнал, что я лечу во главе группы лётчиков на борьбу с фашистскими «охотниками», что буду участвовать в боях за освобождение его родного города...

Через час мы были готовы к полёту.

Нас провожали лётчики. Раздалась команда: «По самолётам!» Я пожал руки остающимся на аэродроме товарищам, обнял Давида и сел в кабину. Давид что-то кричал мне вслед. Мы взлетели и взяли курс на север...

Садимся на полевой аэродром на границе Латвийской и Эстонской ССР. Здесь район ожесточённых боёв. Идёт наступление наших войск на Ригу.

Самолётов на аэродроме немного — почти все ушли на боевое задание.

— Кстати прилетели, очень кстати! — говорили нам товарищи, находившиеся на аэродроме.

В это время приземлился «Ли-2», зарулил на стоянку, и до меня донёсся дружный смех: вокруг «Ли-2» кубарем катался наш взъерошенный, ошалевший от перелёта медвежонок.

В штабе авиасоединения мне сказали:

— Вам предстоит серьёзная задача. Противник бросил сюда матёрых воздушных волков. Они нам крепко мешают. Ознакомьтесь с боевой обстановкой и завтра с утра начинайте действовать.

...Мы целый день в воздухе. На большой высоте перелетаем через линию фронта. Внизу дымка в ярких разрывах — на земле идёт жаркий бой. Видны пожары: немцы, отступая, жгут дома, станции, склады. Зарево полыхает днём и ночью. Летая над Ригой, часто вспоминаю своего ординарца. Ищу воздушного противника...

Прибалтийские фронты — первый, второй, третий — наносят врагу удар за ударом.

Наша группа за несколько дней очистила от фашистских «охотников» порученный нам участок фронта. Мы сбили двенадцать вражеских самолётов. У фашистских «охотников» пропало желание залетать на нашу территорию. Они стали уклоняться от боя и, по всему чувствовалось, были сильно деморализованы.

9. „ДОМОЙ"

После изнурительного лётного дня мы едем на отдых в посёлок. У нас во дворе живёт рыжий пёсик. Зовут его Джек. Сначала он побаивался Зорьки, скулил, когда она появлялась, забивался в угол. Но когда медвежонок решил расправиться с ним, как с Кнопкой, Джек зарычал и вцепился Зорьке в ухо — нашёл уязвимое место. Медвежонок взвыл и бросился наутёк. Несколько дней они выжидающе поглядывали друг на друга. А как-то утром я увидел умилительную картину: медвежонок спит, а рядом, положив голову ему на лапу, дремлет Джек.

Мы стали брать Джека с собой на аэродром. Он первый выскакивал из машины и вместе с Зорькой носился вокруг самолётов. Пёс был сообразительный, аккуратно брал свою порцию, съедал её в сторонке, быстро научился служить. Забавная была парочка — Зорька и Джек! Неуклюжий медвежонок и юркий пёсик спешат по аэродрому в столовую. Зорька сопит, переваливается, а Джек семенит, хвост у него кренделем. Джек подскочит, шаловливо куснёт за ухо медвежонка, тот замахнётся лапой, и начинается борьба. Потом, видимо, спохватятся и мчатся наперегонки в столовую.

Хозяйка, старая и болезненная женщина, исстрадавшаяся за время немецко-фашистской оккупации, рассказывала, что когда здесь были гитлеровцы, фашистский офицер раз чуть не убил собаку: он изо всех сил ударил Джека сапогом. Долго Джек пролежал на месте, а потом исчез. Явился худой, ото-

щавший, когда фашистские захватчики уже были изгнаны из этих мест.

...Прошло ещё несколько дней. Бои шли на ближайших подступах к Риге. Я получил приказ вернуться с группой в свою часть: задание командования выполнено.

Чуть свет мы были уже на аэродроме.

Собираясь в обратный путь, прихватили с собой и Джека — хозяйка нам его подарила. Мы погрузили всё своё «хозяйство» в «Ли-2», тепло попрощались с лётчиками и полетели «домой».

10. ПИСЬМО ОТ ОТЦА

Наша часть находилась на старом месте. Попрежнему было затишье. Ждали нас с нетерпением, встречал весь полк, выстроившись на аэродроме.

Я поздоровался с лётчиками и кратко отрапортовал командиру о результатах командировки.

Чупиков похвалил нашу группу и, крепко пожимая мне руку, сказал:

— О тактике и методах боя с фашистскими «охотниками» доложите завтра на конференции.

Там, где приземлился «Ли-2», собралась целая толпа. Джек виновато вилял хвостом: у него в воздухе был приступ «морской болезни». Зорька же была в неистовом восторге: она узнала «дом» и бросалась от одного лётчика к другому. Кто-то притащил Кнопку. И когда медвежонок, по обыкновению, схватил её и она завизжала, Джек в два прыжка очутился около Зорьки. Он стал, рыча, теребить медвежонка за ухо. Зорька рявкнула и выпустила Кнопку, но на Джека не напала — они мирно уселись рядом.

Радостно встретил меня Хайт. Он притащил целую пачку писем.

Как всегда, сначала я стал читать письмо отца. Тяжкое

горе случилось у нас в семье. Отец сообщал, что ещё в 1942 году в боях под Сталинградом погиб мой старший брат Яков. Отец писал также, что вернулось несколько человек, угнанных фашистскими захватчиками в рабство вместе с братом Григорием. Они рассказали, что Григорий попал в группу советских людей, отправленных фашистами в концлагерь под Люблином, очевидно в Майданек. Этим всё было сказано. Говорили, что Григорий был настолько слаб, так исхудал от всех истязаний и мук, что, вероятно, и не доехал до Майданека.

О Якове и Григории отец сообщал кратко и скупо. Видно, нелегко ему было писать.

Каждый поймёт, что я пережил, узнав о гибели братьев, особенно о том, как погиб Григорий.

Отец заканчивал письмо так: «Из-за тебя, сынок, и меня уважают. Но, делая своё дело, помни, что не для себя лично ты воюешь, не для своей славы, а ради всего нашего советского отечества».

Пришло письмо и от старых однополчан.

Василий Мухин, как всегда тепло, писал, что товарищи меня вспоминают, что воюют они неплохо, особенно отличается Евстигнеев. Наспех, перед боевым вылетом, Василий сделал приписку: «Очень горюю, что не могу перевестись к тебе. Без тебя мне скучно и на земле и в воздухе. Где бы нам назначить друг другу встречу — в Ображеевке, Гомеле или Берлине?»

Не забывал меня и старый колхозник Конев: приглашал в гости, сообщал о том, как работает для фронта колхоз.

Весь вечер лётчики моей группы делились с товарищами впечатлениями о боях на 3-м Прибалтийском фронте.

14 октября 1944 года мы узнали, что накануне советские войска освободили Ригу. Радостно возбуждённый, прибежал ко мне поделиться новостью Давид. Приятно сознавать, что и наша группа лётчиков участвовала в освобождении столицы Советской Латвии.

11. ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ

Фашистские войска полностью изгнаны за пределы нашей Родины. На освобождённой советской земле уже начались восстановительные работы.

Парторганизация и командование нашей части устраивают торжественный вечер, посвящённый этому историческому событию. С докладом о разгроме фашистских армий выступает майор Асеев. После него речь держат лётчики. Каждому хочется сказать своё слово, и лётчики говорят задушевно, с подъёмом. Их выступления звучат клятвой: до конца разгромить врага!

Мы посвятили Родине не только «души высокие порывы» — мы посвятили ей всю свою жизнь, всё своё умение. И во славу Отчизны, во имя её свободы и независимости лётчики готовы на любые испытания и жертвы.

На нашем маленьком участке грандиозной битвы мы будем неуклонно выполнять гениальный стратегический план, который разработал великий полководец Сталин, — план уничтожения гитлеровцев на их территории.

...18 октября 1944 года Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, преодолевшим Карпатский хребет и освободившим Закарпатскую Украину. Наши войска 20 октября освободили Белград, а через три дня, 23 октября, войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, прорвали долговременную оборону гитлеровцев на границе Восточной Пруссии и вступили на территорию фашистской Германии.

12. ФОТОКИНОПУЛЕМЁТ

К нам прибыл Герой Советского Союза майор Александр Куманичкин. Его биография мало чем отличалась от биографии каждого из нас. До войны он был рабочим на обувной фабрике «Буревестник», в Москве. Кончил аэроклуб, потом

лётное училище. Куманичкин много работает, всё время совершенствует свои лётные качества. На его счету не один десяток сбитых вражеских самолётов.

Мне он очень понравился. Ещё раньше я слышал много хорошего и лестного о нём от командира полка, который уже воевал вместе с ним.

Люди по-настоящему проявляются в бою; чем больше с товарищем летаешь, тем больше его узнаёшь.

Когда Куманичкин прибыл к нам в полк, командир сказал мне:

— Теперь я буду летать в паре с Куманичкиным, а ты с Титоренко.

Я был доволен: наконец-то у меня будет постоянный напарник!

Куманичкин приступил к обязанностям штурмана полка. Аккуратно, по порядку разложил все карты, штурманские записи. Чувствовалось, что у него хорошая штурманская подготовка. Он поселился вместе со мной и Титоренко, и мы крепко подружились.

Однажды вечером командир сказал:

— Знаете новость? Будем летать с фотокинопулемётами.

Это всех нас обрадовало, потому что фотокинопулемёт был лучшим способом контроля. По снимку, сделанному фотокинопулемётом, можно было увидеть свои ошибки и получить наглядное представление о бое. Это отличное пособие при разборах полётов.

И вот в нашей части появились фотокинопулемёты. С огромным интересом мы стали их изучать, быстро освоили и получили замечательные результаты.

Фотоконтроль ещё больше подтянул лётчиков. Бывало так: лётчик прилетит и докладывает, что вёл огонь с короткой дистанции. Но вот в руках командира проявленная плёнка фотокинопулемёта. И оказывается, что дистанция была не такой уж близкой.

Лётчики с нетерпением ждали проявления плёнки. Иногда

после напряжённого боя трудно бывает вспомнить и установить последовательность своих действий. Плёнка фиксировала их с абсолютной точностью, и лётчик благодаря фотоконтролю мог совершенно беспристрастно анализировать все свои действия.

Однажды командир части, вылетев на самолёте, оборудованном фотокинопулемётом, увидел два «мессершмитта» особой конструкции: под их фюзеляжем находилось дополнительное устройство. Сначала Чупикову показалось, что это бомбы. Самолёты летели с нормальной скоростью. Чупиков догнал их и открыл огонь. Самолёты противника боя не приняли и начали уходить, развив большую скорость.

Это были самолёты с реактивным двигателем.

У нас собралась полковая конференция для обсуждения методов боя с вражескими самолётами, оборудованными реактивными двигателями. К этому времени, кроме Чупикова, никто из лётчиков нашей части ещё не встречал вражеских реактивных самолётов. И теперь мы увидели их на снимке, сделанном фотокинопулемётом командира.

Встречу командира с самолётами, оборудованными реактивными двигателями, мы обсудили на конференции. Вывод был ясен: фашисты пытались воздействовать на нашу психику, но ставка их была бита и на этот раз. Мы знали, что преимущество нашей советской авиационной техники в приближающихся решительных сражениях проявится во всей своей мощи, что господство в воздухе останется за нами до конца. Мы ещё упорнее готовились к этим дням.

13. В НАПРЯЖЁННОМ ОЖИДАНИИ

В первых числах января 1945 года мы перелетели на новый аэродром, на западном берегу Вислы, в районе, занятом советскими войсками.

Утром 13 января командир собрал весь личный состав

части. Нам зачитали специальный приказ Военного совета фронта.

Приказ заканчивался вдохновенными словами:

«За нашу советскую Родину, за наш героический народ, за нашего любимого Сталина вперёд, боевые товарищи!»

Мы с нетерпением ждали начала боевых действий войск фронта. Но нас беспокоила нелётная погода.

Вечером мы узнали, что войска 1-го Украинского фронта уже перешли в наступление. Настали дни великого похода Советской Армии на фашистскую Германию.

Утром 14 января я проснулся, по привычке, очень рано. Раздавались звуки артиллерийской стрельбы — наши войска начали артиллерийскую подготовку.

Вскочил и бросился к окошку: идёт густой мокрый снег. Посмотрел на Куманичкина, он — на меня.

— Наконец началось, Ваня! Но погода не даст нам сегодня летать. Неужели войска пойдут в наступление без авиации?

Куманичкин, Титоренко и я помчались на аэродром, на КП. Там мы узнали, что главная ударная группа войск нашего фронта начала наступление без авиации. Войска нашего фронта наносят фашистам рассекающий удар. Как важно сейчас помочь наземным частям ударами с воздуха! Но метеорологи «погоды не дают». Сидим в своих самолётах в полной боевой готовности, но приказа о вылете нет. Просидели в машинах до вечера. Напряжение было так велико, что не ощущали ни холода, ни усталости.

Советская Армия почти одновременно перешла в наступление на огромном участке фронта. Кроме 1-го Украинского и 1-го Белорусского, наступают 2-й и 3-й Белорусские фронты и 4-й Украинский фронт — в районе Карпат.

Утром 15 января мы узнаём, что главная полоса вражеской обороны прорвана и войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на двенадцать-восемнадцать километров в глубь территории врага.

Днём вылетаем в сложных метеорологических условиях на боевое задание. Отчётливо вижу, что происходит на земле. Могучей лавиной движутся советские танки, пехота, мощно бьёт артиллерия... Как часто в последние дни мы пролетали над этим участком, и никто из нас не заметил сосредоточения такого огромного количества войск! Наша техника только сейчас, как говорят, обнаружила себя, появившись словно из-под земли.

Мы не встретили в воздухе ни единого вражеского самолёта.

К концу дня сопротивление врага на нашем участке было подавлено.

Мы, лётчики, восторгались мастерством наших танкистов, артиллеристов, пехотинцев.

Какой сокрушающий удар нанесли они за два дня наступательных боёв даже без поддержки авиации!

Советская Армия наступала одновременно на всём протяжении советско-германского фронта, лишив врага возможности перебрасывать резервы с одного участка фронта на другой.

14. НАД ВРАЖЕСКОЙ ЗЕМЛЁЙ

16 и 17 января советская авиация активно взаимодействовала с наземными частями и наносила противнику массированные удары. Наступление развивалось с неслыханной стремительностью. Уже 17 января нашими войсками была освобождена столица Польши — Варшава.

К 25 января советские войска подошли к государственной границе Германии.

Следуя за войсками нашего фронта, перелетаем в Сохачев, в Иноврацлав, а затем в район Познани. Техники, а с ними и всё наше «хозяйство» — Зорька, Джек и Кнопка — остались в Иноврацлаве. На новом аэродроме нас должны были обслуживать техники из передовой группы.

Наш аэродром находился невдалеке от бывшего имения Фокке-Вульфа, фашиста-авиаконструктора. Нас разместили в его усадьбе.

Мы долго смотрели на громадный завод, стоявший невдалеке от имения и ещё недавно выпускавший самолёты. Он был выведен из строя.

— Вот где «фоккеры» пеклись! — говорили лётчики.

Перед глазами встало недавнее прошлое: группа «фокке-вульфов», тяжело покачиваясь, летит бомбить наши мирные города и сёла... Вспомнился новый, светлозелёный «фокке-вульф», которого я сбил южнее Харькова...

Чем ближе был конец, тем ожесточённее сопротивлялся враг. Он стягивал к Одеру, к Берлину наиболее боеспособные войска. Гитлеровское командование, не останавливаясь перед тем, чтобы открыть дорогу англо-американским войскам, спешно перебрасывало дивизии, воздушные эскадры с Западного фронта.

Облачность была до земли, и наш полк несколько дней не мог действовать активно. Промежуточных аэродромов до Одера не было.

Весь правый берег Одера в полосе наступления фронта был очищен от врага. Войска нашего фронта форсировали Одер севернее и южнее Кюстрина и взяли эту крепость с ходу. По западному берегу Одера проходил седьмой, последний оборонительный рубеж перед Берлином.

Шла подготовка к решительному удару на Берлин.

Весна задерживала наш перелёт к Одеру.

Никогда ещё я не испытывал такого нетерпения.

Однажды на аэродроме неожиданно приземлился наш «Ли-2». Дверь самолёта открылась, и на землю соскочил Фомин, за ним Хайт с Джеком на руках. Зорьки не было.

Нашего медвежонка случайно убили. Он скучал без нас, с техниками не мог сдружиться, ходил как потерянный, почти не ел. Мимо аэродрома двигались наземные части. Однажды Зорька вышла к дороге. Автоматчики подумали, что медведь

дикий, и пристрелили её. Когда подошли ближе и увидели на Зорьке ошейник, поняли, что медведь ручной. Прибежали к техникам извиняться, да дела уже не поправишь.

Жаль было медвежонка — сколько было связано с ним весёлых, бездумных минут в нашей тревожной жизни!

Неожиданно мы получили приказ: вылетать на прифронтовой аэродром, к Одеру.

На новом аэродроме — он расположен в шести километрах от линии фронта и в семидесяти километрах от Берлина — мы начали активные действия. Вылетали «по-зрячему», увидев противника с аэродрома. Результаты сказывались: фашисты опасались залетать к нашим переправам на Одере.

Противник отказался от использования «Ю-87» на этом участке фронта. Он предпочитал действовать большими группами «фоккеров»: сбросив бомбы, они становились истребителями, выполняя, таким образом, роль и штурмовиков и истребителей. Шло расширение и укрепление плацдарма, захваченного советскими войсками на западном берегу Одера. Река в этом месте широка и глубока, к тому же начался ледоход. Но ничто не могло остановить наступательный порыв советских войск.

...10 февраля 1945 года мы возвращались с «охоты» без добычи. Я расстроен, однако опыт научил меня не терять надежды до тех пор, пока не приземлюсь.

Подлетая к аэродрому, я услышал по радио свои позывные. Командир полка сообщил: над аэродромом два самолёта противника. Оглянулся и увидел два новых, блестящих «фокке-вульфа». С ходу зашёл одному в хвост. «Ну, — думаю, — тебе не уйти!» Второй поспешил скрыться в облаках. Медлить нельзя. Открыл огонь. На вражеском самолёте, очевидно, загорелось масло — он с белым «шлейфом» пошёл к земле. Но фашист снова стал набирать высоту — он, видимо, рассчитывал дотянуть до своей территории. Линия фронта близко. Тогда я второй очередью зажёг мотор «фоккера». Фашист выбросился с парашютом и, опустившись в нескольких метрах

от нашего аэродрома, попытался убежать в лес. Но это ему не удалось. Фашистского лётчика привели на командный пункт. Начали допрашивать. Он оказался сыном какого-то барона. Подлетая к нашему аэродрому, он был уверен, что безнаказанно собьёт наш самолёт и уйдёт. Рассказывая всё это, он дрожал, заискивающе поглядывал на меня и вдруг с ужимкой протянул мне руку. Я почувствовал такое отвращение, что повернулся к нему спиной и ушёл.

Его «фокке-вульф» был пятидесятый сбитый мною самолёт.

15. ШЕСТЁРКА ПРОТИВ ТРИДЦАТИ

Продолжаем полёты на «охоту» в район Берлина. Всеми владеет одно горячее желание, одна мысль: скорее разгромить врага в его же логове!

Над Берлином, над его дальними подступами всё время висят вражеские истребители. Издали сверху видны очертания огромного города. Вспоминаю всё, что читал о нём, что слышал. Вот он, город, в котором рождались фашистские планы порабощения нашей страны, вот оно, логово врага!

12 февраля в паре с лётчиком Громаковским я вылетел в район нашего плацдарма на западном берегу Одера. Плацдарм, занятый советскими войсками на Берлинском направлении, был у фашистов бельмом на глазу. Они пытались наносить по нему удары с воздуха. Тактику они избрали «воровскую» — старались напасть внезапно, бомбардировать, выскакивая из облаков в просветы и уходя обратно в облака. Но эту хитрость мы уже хорошо знали.

С нами в воздух поднялись Куманичкин в паре с Крамаренко и Орлов с ведомым Стеценко. Погода стояла плохая, лишь в просветах виднелось ясное синее небо. Каждая пара искала врага в разных районах, поддерживая связь по радио. На земле было условлено передавать друг другу о том, где и

кто увидит противника. Я, как всегда в таких метеорологических условиях, применил бреющий полёт.

Вижу — невдалеке от линии фронта из-под нижней кромки облаков вываливается около тридцати «фокке-вульфов». Они, очевидно, намеревались бомбить войска. В таких случаях я привык драться с любым количеством самолётов противника. Фашисты перестраивались, готовясь нанести удар. Я знал по опыту, что когда они построятся, ошеломить их будет труднее. Сейчас всё их внимание было направлено на построение боевого порядка.

Передал по радио второй и третьей парам:

— Нахожусь в шестом квадрате, все ко мне!

И сразу же подал команду Громаковскому:

— Прикрой, атакую!

Прижимаясь к земле, иду на сближение с противником. Под прикрытием Громаковского с ходу, снизу, врезаюсь во вражеский строй. С дистанции в сто метров выпускаю три очереди в «брюхо» «фокке-вульфа». Вырвалось пламя — горящий самолёт рухнул на землю.

В это время на меня сверху, сзади, зашёл вражеский самолёт. Но Громаковский во-время заметил, что я в опасности. «Отвернув» вправо, он дал заградительную очередь и, поймав вражеский самолёт в прицел, сбил его.

Обстановка остаётся напряжённой. Вдруг внизу, рядом со мной, Куманичкин. Боевой друг подоспел во-время. На душе стало веселее.

— Саша, бей их! — кричу я.

Вот он в паре с Крамаренко идёт на сближение с вражеской девяткой, на высоте ста пятидесяти — двухсот метров внезапно атакует ведущего и с первой же очереди сбивает его.

— Молодец, Куманичкин!

Чувство у меня такое, какое бывает во время прикрытия наших наземных войск: большое чувство ответственности за свои действия.

Вражеские лётчики — в растерянности. Одни уходят в

облака, другие поворачивают на запад. Наша атака настолько стремительна, мы действуем с такой быстротой, что фашистам, вероятно, кажется, будто их атакует большая группа самолётов.

Вот и Орлов подлетает. Под прикрытием Стеценко он атакует вражеский самолёт и сбивает его с короткой дистанции. Но и сам попадает под удар. Орлов сбит.

Мы с удвоенной яростью продолжаем атаковать уходящего врага. Под прикрытием Громаковского атакую сверху последний «фокке-вульф», который пытается скрыться в облаках. Фашист, чтобы облегчить самолёт, сбрасывает бомбы даже на свою территорию. Быстро настигаю его — дистанция подходящая. Открываю огонь. Гитлеровец врезался в землю.

«Вот тебе, собака, за Орлова!»

Попытка противника по-воровски напасть с воздуха на район, занятый нашими войсками, провалилась.

Время истекло. Возвращаемся домой.

Подлетаем к линии фронта. Сейчас противник откроет огонь с земли из всех видов оружия — летим на бреющем. Подаю команду:

— Делаем противозенитный манёвр!

В самом деле, со всех сторон нас начали осыпать трассы зенитного огня. Снаряд пробил мне плоскость и радиомачту. Но мы, искусно маневрируя, благополучно ушли домой. В этом бою наша группа сбила восемь самолётов противника: одного сбил Куманичкин, одного — наш погибший боевой товарищ Орлов, одного — Стеценко, двух — мой напарник Громаковский, трёх — я.

В напряжённом воздушном бою с противником, который в пять раз превышал нас численностью, мы с успехом использовали весь свой опыт.

Когда я докладывал командиру о воздушном бое нашей шестёрки с тридцатью «фокке-вульфами», на КП приняли радиограмму от командующего наземной армией. Оказывается, он наблюдал за тем, как мы вшестером вели бой против

тридцати «фокке-вульфов». Наши пехотинцы видели, как фашистские лётчики сбросили бомбы на свои же войска, как были сбиты восемь вражеских машин.

Командующий прислал на имя нашего командира благодарность за помощь, оказанную лётчиками.

Нет большей похвалы для боевого лётчика-истребителя, чем похвала пехотинцев, наблюдавших за ходом его воздушного боя. Это высокая оценка.

Наш бой подробно разобрали и обсудили. Было сделано много полезных выводов, извлечено много важных уроков.

16. БОЙ С ФАШИСТСКИМ РЕАКТИВНЫМ САМОЛЁТОМ

23 февраля 1945 года, в день двадцать седьмой годовщины Советской Армии, мы собрались на аэродроме и в приподнятом, боевом настроении слушали приказ Верховного Главнокомандующего.

Сколько памятного связано у меня с этим торжественным днём! Я вспомнил, как слушал приказ товарища Сталина на тыловом аэродроме в Средней Азии 23 февраля 1942 года. В ту тяжёлую пору на протяжении огромного фронта от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря наша армия вела ожесточённые бои, чтобы, измотав немецко-фашистские войска, изгнать их из пределов нашей Родины. Теперь Советская Армия не только освободила родную землю, но и перенесла войну на территорию фашистской Германии.

Настали долгожданные дни!

Но окончательная победа сама собой не приходит. И мы это хорошо знали. Фашисты бросали в бой все сохранившиеся резервы. Они пытались «напугать» нас, лихорадочно старались применить новую технику, в частности самолёты с реактивными двигателями.

После встречи командира полка с двумя вражескими реак-

тивными истребителями никто из нас больше их не видел. Встречали их ещё лётчики из соседних частей. На нашем фронте эти самолёты появлялись только в одиночку, ограничиваясь атакой на повышенной скорости. Но в бой, как правило, они не вступали, предпочитая действовать «из-за угла».

И вот мне довелось встретиться с вражеским реактивным самолётом.

24 февраля я вылетел в паре с Титоренко на свободную «охоту».

Внимательно слежу за воздухом. Вижу, из-за дымки на высоте трёх тысяч пятисот метров внезапно появляется самолёт. Не замечая нас, он идёт вдоль Одера на скорости, предельной для наших «Лавочкиных». Всматриваюсь: это безусловно реактивный самолёт. Быстро разворачиваюсь, даю мотору полный газ и начинаю его преследовать. Лётчик-фашист, очевидно, и не смотрел назад, надеясь на большую скорость своего самолёта. Я опасаюсь, что, заметив нас, он, по обыкновению, уйдёт. «Выжимаю» из машины максимальную скорость, стараясь сократить расстояние и подойти под вражеский самолёт.

Мой товарищ не отстаёт от меня. Зная его горячность, предупреждаю, чтобы он не терял хладнокровия, не начинал действовать без моей команды.

Хочется подробно, поближе рассмотреть реактивный самолёт и, если удастся, открыть по нему огонь.

Снижаюсь и подхожу под вражеский самолёт со стороны хвоста на расстоянии двухсот метров. Удачный манёвр, быстрота действий и скорость — всё это позволило мне приблизиться к реактивному самолёту.

И вдруг в него полетели трассы — Титоренко не выдержал! Я был уверен, что «старик» испортил план моих действий, и в душе нещадно ругал его. Но, оказывается, его трассы неожиданно улучшили моё положение. Самолёт врага стал разворачиваться влево, в мою сторону, и на мгновение подставил мне свою «спину». В этот миг, развив предельную

скорость, которую только может дать мой самолёт, я сблизился с врагом.

Вот уже нас отделяет совсем короткая дистанция. С волнением открываю огонь. Реактивный самолёт, разваливаясь на части, стремительно падает вниз, на территорию врага.

Через несколько дней собралась фронтовая конференция. Было приглашено несколько лётчиков нашей части, в том числе Титоренко и я. В своём сообщении я постарался проанализировать и проведённый нами бой с реактивным самолётом и всё, что мне было известно о тактике действий новых вражеских самолётов. На конференции выступили лётчики из других частей и рассказали о единичных встречах с вражескими реактивными самолётами.

Мы убедились, что реактивные самолёты противника недалеко ушли от поршневых, что, наскоро изготовляя их, фашисты пустились на очередную авантюру. Рассчитывая главным образом на психологическое воздействие, они выпускали самолёты с реактивными двигателями и пытались применить их, совершенно не освоив.

Гитлеровские лётчики боялись летать на этих машинах, не решались выполнять на них фигуры пилотажа. Их «мастерство» ограничивалось полётами по прямой, небольшим снижением и «горкой». Их реактивные самолёты не были маневренны, боеспособны, они имели чисто показной характер.

Русские учёные Жуковский и Циолковский первые в мире создали теорию реактивного движения. По указанию великого Сталина, советские конструкторы и инженеры первые создали сверхскоростные машины. Переход к реактивной технике, к её освоению совершался у нас последовательно. Подлинное новаторство и тщательная подготовка позволили советским лётчикам овладеть сложнейшей техникой. Они первые в мире выполнили высший пилотаж на реактивных самолётах. Только лётчики сталинской авиации смогли освоить групповой пилотаж на сверхскоростных машинах.

Забегая вперёд, скажу, что командир нашей части Чупиков оказался в рядах первых лётчиков, которые освоили групповой пилотаж на реактивных самолётах.

17. В ВЕЛИКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЗА РОДИНУ ЗА СТАЛИНА!

Великая Отечественная война с немецко-фашистскими оккупантами победоносно завершалась.

Наши войска сосредотачивались для штурма Берлина. Незаметно для нас готовилось решительное наступление Советской Армии на столицу фашистской Германии.

От Одера до Берлина протянулись оборонительные сооружения. Фашисты использовали для обороны все естественные рубежи и населённые пункты. На подступах к Берлину созданы были три линии обороны. Сам город делился на секторы обороны — враг рассчитывал затянуть сражение.

Наш полк, как и десятки других авиационных полков, находился в полной боевой готовности.

Наступление советских войск на Берлин началось неожиданно, как неожиданно, всего лишь три месяца назад, начался прорыв висленского рубежа.

16 апреля всех нас разбудил оглушительный шум: волнами шли наши ночные бомбардировщики. Земля содрогнулась, загудела.

— Артиллерийская подготовка, друзья! — крикнул кто-то.

Мы бросились к автомашинам, на бегу застёгивая гимнастёрки. На аэродроме собираемся у командного пункта. Нам сообщают, что войска фронта пошли в решительное наступление на Берлин. Боевое воодушевление охватывает нас.

Ничто нельзя сравнить с тем, что мы видели и пережили перед рассветом 16 апреля 1945 года.

До малейших подробностей помню то утро. Тёмное небо в бесчисленных светящихся трассах, мощный гул наших авиаци-

онных моторов, раскаты от бомбовых ударов самолётов, непрерывный грохот нашей артиллерии. Лавина огня и металла обрушилась на противника.

Началось последнее, решительное сражение...

Возбуждённо переговариваемся, вернее — перекликаемся: грохот заглушает голоса. Ещё темно, и я смутно различаю лица своих товарищей.

— После такого штурма фашистам будет капут! — кричит мне Куманичкин.

— Скорей бы рассвет! — раздаётся чей-то голос.

— Скорей бы вылететь на Берлин!..

Вдруг над линией фронта вспыхнул яркий белый свет — стало видно далеко вокруг.

В первую секунду мы ничего не поняли. И только потом сообразили: сотни прожекторов, ослепив врага, осветили путь нашей пехоте на Берлин.

Незабываемое зрелище!

У нас на аэродроме было светло, как днём. Я поглядел на друзей. Глаза всех были устремлены туда, где в едином наступательном порыве наши войска шли на Берлин.

В эти минуты каждый из нас испытывал чувство гордости за нашу большевистскую партию, которая мудро провела нас сквозь все испытания войны, гордость за нашу Родину, наш народ, за тех, кто в тылу создавал танки и самолёты, миномёты и пушки, гордость за нашу непобедимую армию, которую Генералиссимус Сталин вёл к победе.

Чувство гордости испытывали мы и от сознания, что принадлежим к советским вооружённым силам, что мы участники великого наступления.

Мы вступили в решительные бои, вооружённые волей к окончательной победе, богатейшим боевым опытом, совершенной отечественной военной техникой.

На рассвете бесчисленные эскадрильи советских самолётов полетели на Берлин. Над нашим аэродромом мчались штурмовики, бомбардировщики, сопровождаемые истребителями.

Такого множества боевых самолётов я ещё не видел за всё время войны. Такого штурма, такой согласованности в действиях всех родов войск ещё не знала ни одна битва в истории человечества!

Свыше семнадцати тысяч боевых вылетов произвели в тот день советские авиаторы.

Обстановка была сложной не только на земле, где наши войска преодолевали вражескую оборону, но и в воздухе. Враг сосредоточил под Берлином все остатки своего воздушного флота.

Лётчики нашей части делали по четыре-пять вылетов. Однако никто из нас не чувствовал усталости.

Чем ближе была победа, тем неудержимее рвались в бой лётчики. Каждому хотелось совершить подвиг во имя Родины здесь, на подступах к Берлину, каждый готов был на любую жертву, лишь бы ускорить разгром врага.

Если лётчик получал задание сделать за день, скажем, четыре боевых вылета, то он добивался у командира разрешения на пятый вылет. В эти дни могучего патриотического подъёма особенно сильно было стремление до конца, с честью, пусть ценою своей жизни, выполнить долг перед Родиной.

18. НАД БЕРЛИНОМ

17 апреля, после напряжённого лётного дня, я сидел на командном пункте и жаловался Чупикову:

— Сколько сегодня летал, а всё бестолку. Не воспользоваться ли мне тем, что фашисты усиливают действия авиации к вечеру? Разрешите ещё раз слетать, товарищ командир? С Титоренко разрешите, а?

— Хватит с вас, полетите завтра, — сказал командир решительно. — На сегодня вполне достаточно.

Но я не успокоился и, как у нас говорилось, «выклянчил» полёт.

Фашисты, стараясь использовать заходящее солнце, пытались совершать налёты под вечер. На это я и рассчитывал.

Со всей строгостью предупреждаю Титоренко:

— Дима, смотри только не горячись! Внимательно следи за всеми моими действиями. Вылет сложный, тем более что мы оба устали. Ни на секунду не ослабляй внимания.

— Слушаюсь! — ответил мне «старик».

Вылетели. Пересекли линию фронта на высоте трёх тысяч пятисот метров. Передаю Титоренко по радио: «Смотри в оба!»

Внизу шли бои.

Пристально вглядываюсь в даль, на запад. Дымка от пожаров, пронизанная лучами заходящего солнца, мешала видеть. Появились облака. Направляемся к северо-западной окраине Берлина. Может быть, встретим противника над городом?

Подлетаем к северной части города. Замечаю точки. Они приближаются к нам. Проходит несколько секунд. Всё ясно — идёт большая группа «Фокке-Вульфов-190» с бомбами.

Кричу Титоренко:

— Горка!

Делаем «горку». Набираем большую высоту — метров на тысячу выше вражеских самолётов, прикрываемся разорванной облачностью.

По радио передаю на КП:

— В районе Берлина встретил около сорока «фокке-вульфов» с бомбами. Курс на восток. Высота три тысячи пятьсот метров.

Изучаю боевой порядок противника, взвешиваю обстановку.

Принимаю решение атаковать.

Отхожу от врага далеко на запад, осматриваю воздушное пространство. Не знаю, заметили нас фашисты или нет. Во всяком случае, виду не подают.

Испытываю сложное чувство, хорошо знакомое каждому лётчику перед решительным, опасным боем. Незначительная ошибка, просчёт — и всё будет сорвано, кончено. А мы во что бы то ни стало должны помешать фашистам бомбить наши войска!

— Ну что, ударим, Дима? — спрашиваю Титоренко.

— Попробуем! — отвечает он.

Не знаю, что он чувствовал в эту секунду, но голос у него был спокойный, уверенный.

И наша пара вступает в поединок с двадцатью парами врага.

Атакуем верхнюю группу «фокке-вульфов». Противник не ждал удара. Я выбрал один самолёт, взял его в прицел, почти в упор открыл огонь. «Фокке-вульф» вспыхнул в воздухе и рухнул на окраину Берлина.

«Хвост» вражеской группы расстроился, боевой порядок спутался. Фашисты заметались и стали бросать бомбы на свою территорию.

Резко взмываю вверх. Ведомый не отстаёт. Кричу ему:

— Держись, старик!

Вижу, в нижних группах вражеских самолётов сохраняется боевой порядок. Наша задача — нарушить его.

Титоренко надёжно прикрывает хвост моей машины. Но некоторые лётчики опомнились — очевидно, увидели, что нас всего лишь двое. Один из «фокке-вульфов» пытается открыть огонь по моему самолёту, но Титоренко сбивает врага меткой очередью.

Стремительно атакуем вражеские самолёты то справа, то слева. Титоренко не отстаёт от меня. Боевой порядок фашистов нарушен окончательно; к тому же у нас преимущество в высоте.

Думаю лишь о том, что надо сорвать вражеский налёт на советские войска. Такого подъёма, как сейчас, я ещё никогда не испытывал. Одна мысль, что под крыльями моего самолёта — Берлин, что совсем близко от него советские войска ве-

дут бои, что мы должны помешать ненавистным «фокке-вульфам» прорваться к линии фронта, придаёт мне силу.

Группы врага редели. Фашисты начали уходить на запад, замысловато перестраиваясь. Но один из фашистских лётчиков оказался «напористым». Смотрю, он под шумок отделяется от своих и идёт к линии фронта, очевидно рассчитывая всё же сбросить бомбы на наши войска. Настигаю его сверху. Он входит в пике и бросает бомбы на свою территорию. На выходе из пикирования я «прошил» его длинной очередью. Самолёт противника взорвался.

Я расслабил мускулы и почувствовал нервную дрожь, которая пробегает по всему телу после напряжённого боя. Как всегда, пересохло во рту — было нестерпимо жарко.

Первая мысль — о Титоренко. Оглянулся — он здесь. Вторая — о самолёте: посмотрел на плоскости — пробоин не видно. Взглянул на часы: бой длился двадцать пять минут. Включил бензомер — горючее кончалось.

— Ну как дела, Дима? — спросил я Титоренко.

— Всё в порядке, — ответил он охрипшим голосом.

— Молодец, старик!

Мы полетели домой. В этом бою я сбил шестьдесят первый и шестьдесят второй самолёты противника. Товарищи, зная о встрече нашей пары с сорока «фокке-вульфами», ждали нас с необычайным волнением. Первым подошёл к нам командир полка. Я доложил ему о результатах боя. Нас окружили лётчики и засыпали вопросами.

— Хорош был бой!—говорит Титоренко, пожимая мне руку.

Он даже осунулся за этот вылет, но глаза его радостно блестят.

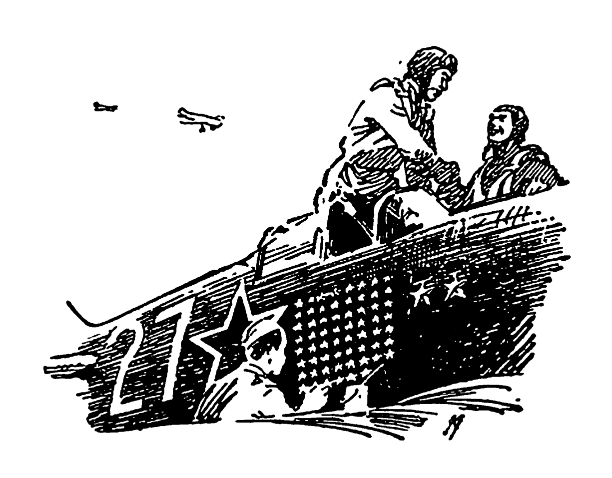
Да, бой был действительно хорош. Нас увлекал неудержимый наступательный порыв, который охватил в эти дни Советскую Армию.

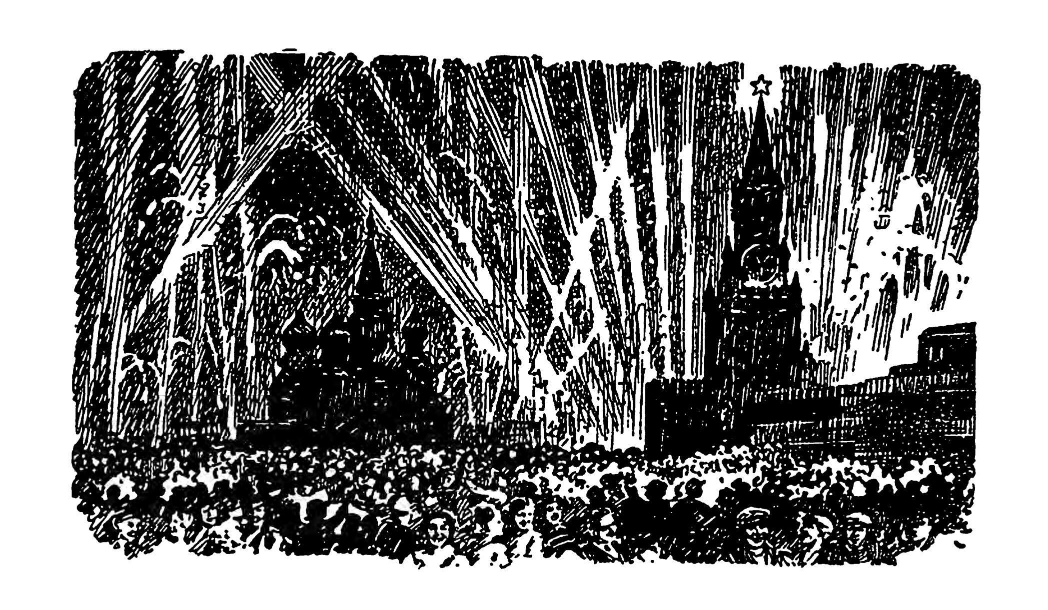
Я вложил в этот бой всё своё умение, все знания, весь опыт. Наша пара вела его исключительно дружно, мы были как один человек.

На следующее утро, тщательно осмотрев самолёт вместе с техником, я уже собирался подняться в воздух для выполнения боевого задания, когда меня срочно вызвали на КП. Оказывается, пришла радиограмма — мне приказано вылететь в Политуправление фронта.

Прилетев в штаб фронта, я узнал, что мне поручается 1 Мая выступить в Москве перед микрофоном от имени воинов 1-го Белорусского фронта.

Я был обрадован и смущён: увидеть Москву в такой день, но и покидать фронт в такое горячее время! Считанные дни отделяли нас от победы, мыслью о которой мы жили все годы войны. Я мечтал встретить этот великий день на боевом посту, в дружной фронтовой семье лётчиков.

В ДНИ ПОБЕДЫ

1. В ЛИКУЮЩЕЙ МОСКВЕ

И вот я в третий раз в Москве. Трудно передать те чувства, которые испытывал каждый фронтовик, приезжавший в те дни в столицу. Сколько раз от имени Родины после незабываемого дня 5 августа 1943 года, дня победы над немецко-фашистскими захватчиками в битве на Курской дуге, салютовала нам столица!

Вспомнилось, как в ноябре 1942 года я, рядовой лётчик, ждал здесь приказа о вылете на фронт, как уже бывалым лётчиком в июне 1944 года получал здесь назначение на должность заместителя командира полка. А сейчас я закрываю свой боевой счёт, и на нём 330 боевых вылетов, 120 воздушных боёв, 62 лично сбитых самолёта.

И когда я стоял у микрофона и от имени воинов 1-го Белорусского фронта благодарил Родину, благодарил великого Сталина за неустанную заботу о нас, фронтовиках, и передавал привет москвичам, я волновался, как никогда в жизни.

...События развёртываются стремительно. Советскими войсками взят Берлин. Фашистская Германия безоговорочно капитулирует. Мысленно переношусь к себе в полк, представляю себе боевых друзей в эти дни всенародного ликования.

Задерживаюсь в Москве — мне будут вручать вторую медаль «Золотая Звезда».

В день Победы я — в столице.

Как хороша была Москва в тот день великого торжества! Улицы в огнях иллюминации. Тепло. В ясном весеннем небе пролетают эскадрильи самолётов и сбрасывают красные, зелёные, белые ракеты.

На улицах так много людей, что они идут плечом к плечу, поют, смеются, говорят друг с другом, словно все они давным-давно знакомы. Военных встречают ликующими возгласами.

Я счастлив — мне довелось увидеть столицу в день Победы, во имя которой я столько раз вступал в смертельный бой с врагом. Только жалею об одном — что нет со мной друзей-однополчан. Пройти бы с ними по праздничной Москве, шагать бы сейчас рядом с Евстигнеевым, Амелиным, вместе с которыми я был здесь в напряжённые ноябрьские дни 1942 года!

Мои раздумья неожиданно были прерваны. Меня подхватила толпа, и я полетел в воздух под возгласы: «Качать лётчика! Ура сталинским соколам! Ура советской авиации!»

2. В СЕМЬЕ ИСПЫТАННЫХ ДРУЗЕЙ

На следующий день улетаю под Берлин, в родную часть.

На нашем аэродроме непривычно спокойно и тихо, хоть и попрежнему снуют бензозаправщики, хлопочут механики, про-

бегают к своим машинам лётчики. В линейку стоят боевые самолёты. Идёт мирная учёба.

Ищу глазами свой самолёт. Около него возится техник Васильев.

Радостная встреча с однополчанами. Куманичкин, Титоренко обнимают меня, командир крепко жмёт руку и тоже обнимает. Хайт от меня не отходит. Поздравляем друг друга с победой. Лица у всех довольные, весёлые. Счёт сбитых вражеских самолётов почти у всех моих однополчан увеличился.

Вечером ещё раз все вместе празднуем Победу.

Чупиков рассказывает о последних днях войны, а я восторженно делюсь впечатлениями о дне Победы в столице. Друзья слушают, затаив дыхание. В чьём сердце не вызовет радостного волнения одно лишь упоминание о Москве, Красной площади, Кремле, о городе, где живёт и работает Сталин!..

...Снова целыми днями на аэродроме. Изучаем опыт войны, достижения отечественной авиационной техники, совершенствуем лётное мастерство.

В эти дни решаю попытаться осуществить давнишнюю мечту: получить высшее образование, поступить в Военно-воздушную академию. Мне разрешено отправить туда документы, и я с нетерпением жду ответа.

Приходят вести о старых однополчанах. Друзья пишут, что счёт дважды Героя Советского Союза Кирилла Евстигнеева достиг пятидесяти двух самолётов.

Мухин, как он выражается, «рапортует» мне, что и у него, и у Амелина, и у Брызгалова ко дню взятия Берлина значительно вырос боевой счёт, что Евстигнеев проявил за это время свои блестящие командирские способности, что он так же прост, как был всегда, такой же Кирюша, каким он, Мухин, помнит его в первые дни знакомства.

Я горд и рад за своих старых товарищей, с которыми начал крыло к крылу боевой путь.

...В полку идёт учебно-боевая и политическая подготовка.

Рано утром перед тренировочным полётом захожу на КП. Мне кажется, что лётчики, собравшиеся там, сегодня молчаливее обычного и смотрят они на меня так, словно что-нибудь случилось. Когда мне подают телеграмму, я догадываюсь: случилось что-то с отцом — от него давно не было писем.

Страшные слова не сразу доходят до сознания. Ещё и ещё раз читаю текст. 17 мая не стало моего отца. Не могу сдержать слёз.

Позже из писем родственников я узнал, что отец долго болел, но строго-настрого наказал не сообщать мне, чтобы не беспокоить, не отрывать, как он говорил, от ратных дел. Он всё надеялся встретиться со мною и был уверен, как писали мне родственники, что это исцелило бы его. Но и после окончания войны отец не позволял извещать меня о болезни, не хотел омрачить мне радость Победы.

Отец дожил до дня Победы — эта мысль несколько утешала меня.

Проходит неделя, и я опять прощаюсь с друзьями. Меня вызывают в Москву на подготовку к параду военно-воздушных сил в День сталинской авиации.

3. У СЕМЁНА АЛЕКСЕЕВИЧА ЛАВОЧКИНА

Мне давно хотелось познакомиться с конструкторами моего замечательного самолёта и его испытанного вооружения — Семёном Алексеевичем Лавочкиным и Борисом Гавриловичем Шпитальным.

Кажется, не было ни одного воздушного боя, чтобы я не вспоминал с благодарностью и уважением об этих учёных-патриотах. И вот моё давнишнее желание осуществляется. Я еду в гости к Семёну Алексеевичу Лавочкину.

Он высок, немного сутулится, у него спокойные движения, добрые, умные глаза.

Семён Алексеевич встречает меня тепло и радостно.

— Я всё время следил за вами и вашими боевыми товарищами, — говорит Семён Алексеевич. — Расскажите всё по порядку о всех своих впечатлениях, о самолёте.

— Знаете, Семён Алексеевич, я так полюбил ваш самолёт, что когда приходил на аэродром, даже приветствовал его. Чувство у меня было такое, словно передо мной друг. Вернее — не друг, а уважаемый, требовательный командир. Хотелось в совершенстве овладеть высокой техникой. Ведь недаром лётчики считают, что машина, вооружение и техника пилотирования — одно целое...

Беседуем долго. Семён Алексеевич интересуется моим мнением о боевых качествах самолёта, записывает что-то в блокнот.

Лавочкин делится своими творческими замыслами, спрашивает о моих планах.

Когда мы идём в цехи завода, Семён Алексеевич говорит:

— Мы от вас, лётчиков, не отставали — конструкторы прислушивались к мнению фронтовиков, стремились усовершенствовать боевой самолёт. Дни и ночи проводили в конструкторском бюро.

Лавочкин взволнованно заканчивает:

— Товарищ Сталин руководил нами. Своими указаниями Иосиф Виссарионович будил в нас творческую мысль, заставлял стремиться к новому, не удовлетворяться достигнутым...

Мы долго осматривали завод. Во время обеденного перерыва вокруг меня собрались рабочие и работницы. Они просили рассказать о том, как я воевал на истребителе, созданном их руками.

Свой рассказ я закончил словами благодарности строителям прекрасных боевых машин:

— Ни разу за всё время моей боевой деятельности самолёт конструкции Лавочкина не подвёл меня в воздушных боях. Спасибо вам, товарищи!

4. СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Наступил День авиации — 18 августа. Уже накануне было известно, что погода ожидается нелётная и воздушный парад не состоится. Решаю провести праздничный день со старыми друзьями. Часть, в которой начиналась моя боевая жизнь, стояла недалеко от Москвы.

Как всегда, встал рано утром. Включаю радио. Передают приказ товарища Сталина. В памяти оживают незабываемые дни на боевом аэродроме, когда, собравшись у командного пункта, мы слушали воодушевляющие нас слова вождя.

Диктор зачитывает Указы Президиума Верховного Совета: многие боевые лётчики награждены орденами, многим присвоено звание Героя Советского Союза. Узнаю: я награждён третьей «Золотой Звездой».

В эти минуты я был один. Все мои мысли и чувства были устремлены к самому близкому, самому родному мне человеку, чьё имя для меня дороже всего.

Перед моим взором встаёт образ великого Сталина, знакомые любимые черты того, кто всегда был со мной, кто вдохновлял меня в каждом бою, и я думаю о прожитом, о боевом пути, пройденном мною и моими товарищами.

Каждый из нас делал то, что мог и должен был делать. Поле нашей боевой деятельности было нешироко, но мы знали, что от наших действий в воздухе, от действий группы, в которой мы вели воздушный бой, зависели жизни многих советских солдат, офицеров, генералов, сражающихся за Родину. Это сознание воспитывало в нас чувство величайшей ответственности, воспитывало внутреннюю дисциплину, заставляло упорно работать над собой, постоянно толкало к поискам новых эффективных методов ведения воздушного боя.

На войне и мои боевые друзья и я не только знали свой долг, мы им жили. Каждый из нас понимал, что своей боевой деятельностью, пусть в маленьких масштабах, на нашем уча-

стке фронта, мы вносим свою долю в великое дело победы над врагом, выполняем приказ нашей любимой Родины.

Без опыта, без знаний удачи не бывает. И я добивался её неустанной работой над собой. Меня воспитали комсомол, большевистская партия. Они укрепили мой боевой дух, развили во мне стремление к знаниям, воспитали из меня человека смелого, настойчивого в достижении своей цели, воина, готового итти на смерть во имя победы дела Ленина — Сталина. Большевистская партия воспитала во мне драгоценное качество: никогда не успокаиваться на достигнутом. И я всегда старался не задерживаться на достигнутом уровне знаний, мастерства, итти вперёд и только вперёд!

Мысленно даю клятву учиться, учиться безустали. Только этим могу я отблагодарить Родину за высокую награду.

Вечер — один из самых счастливых вечеров в моей жизни — провожу в боевой семье героев, испытанных друзей, с которыми начинал свою фронтовую жизнь.

5. У БОРИСА ГАВРИЛОВИЧА ШПИТАЛЬНОГО

В дни ожидания ответа из Военной академии мне удалось встретиться с человеком, которого я так часто вспоминал на фронте, — Борисом Гавриловичем Шпитальным. Его оружием я сбил первый фашистский самолёт под Белгородом. Его же оружием сбил шестьдесят второй — над Берлином.

Шпитальный встречает меня, как близкого человека. Говорит он быстро, чётко и некоторые фразы, которые считает особенно важными, повторяет. У него высокий, открытый лоб, энергично очерченное, немного суровое лицо. Зато когда он улыбается или смеётся, выражение его лица сразу делается удивительно добродушным.

Мы очень долго беседуем о вооружении. Борис Гаврилович задаёт вопрос за вопросом. Делюсь с ним своими наблюдениями, вспоминаю, как называл его оружие «разящим ме-

чом». Борис Гаврилович иногда переспрашивает и задумывается. Затем разговор переходит на другие темы.

Улыбаясь и дружески глядя на меня, Борис Гаврилович замечает:

— Ну, а теперь побеседуем о вашем будущем. Конечно, перед вами все дороги открыты. Но я думаю, что совет старшего и более опытного человека вам, хоть вы и закалённый воин, может пригодиться. Советую обязательно поступить в академию.

И Борис Гаврилович хорошо и просто говорит о дружбе, о долге большевика, о моём дальнейшем росте. Его слова запали мне в душу. И я был вдвойне благодарен ему — и как конструктору боевого вооружения и как старшему товарищу.

6. ТАМ, ГДЕ ШЛИ БОИ

Прошло ещё несколько дней, и я получил извещение: меня зачислили в Военно-воздушную академию.

Я понимал, что мне нелегко будет учиться, но был уверен, что под руководством опытных педагогов сумею преодолеть трудности. И смело шёл им навстречу.

Перед началом занятий в академии получаю отпуск и на пассажирском самолёте лечу в родные места, на Украину, в Киев.

Смотрю на Днепр и вспоминаю воздушные бои над его переправами. Вот и Киев. Встречи с рабочими, с учащейся молодёжью. Посещение могил героя Великой Отечественной войны генерала армии Ватутина и славного русского лётчика Нестерова, который впервые в истории авиации совершил воздушный таран в начале первой империалистической войны.

Вылетаю на аэродром, где я начинал свою боевую деятельность и где сейчас находятся мои старые друзья, с которыми вместе кончал училище, вместе работал инструктором: Усменцев, Панченко, Коломиец.

Сколько событий оживает в памяти, когда пролетаю над местами боёв! Не могу усидеть на месте, перехожу от окошка к окошку и смотрю вниз. Вот здесь как будто упал «фокке-вульф», подальше — «мессер». Тут был наш аэродром. Там пролегала линия фронта, и над ней мы прикрывали с воздуха наши наземные войска от вражеской авиации...

А теперь подо мной на освобождённой земле идут осенние полевые работы. Жизнь вновь возвратилась на эти места, опалённые огнём войны.

Вот и аэродром. Не успел я выйти из самолёта, как меня подхватили друзья-инструкторы и повели к трибуне, у которой выстроился весь личный состав эскадрильи. Сколько молодых, незнакомых, но дружеских лиц!

Хочу рассказать собравшимся о том, как я получил здесь первое боевое крещение, как вылетал с товарищами на первые боевые задания. Взгляд мой невольно останавливается на развалинах ангара, возле которого погиб Солдатенко — наш любимый командир. Несколько минут не могу произнести ни слова. С трудом отвожу взгляд от ангара и начинаю говорить о Солдатенко.

Мы идём на его могилу. Долго стоим над ней, вспоминаем товарищей, погибших в боях за нашу Родину.

Целый день я провёл с друзьями, мы никак не могли наговориться. На следующее утро я улетел в Шостку.

7. СНОВА В ОБРАЖЕЕВКЕ

Радостное и вместе с тем грустное чувство охватывает меня: издали видна Ображеевка, поля, леса, лентой извивается речушка. Знакомый пейзаж... Сколько раз я любовался им, когда летал над маленьким аэроклубовским аэродромом! А где же техникум, общежитие? Фашисты при отступлении уничтожили много домов.

На аэродроме — директор техникума, старые преподавате-

ли. Меня обнимают, жмут руку. Сколько расспросов, разговоров!

С болью в сердце слушаю о том, как фашисты истязали моих земляков. Иду на братские могилы замученных гитлеровцами советских людей. Там лежит и старый партизан Сергей Андрусенко...

Товарищи приглашают меня в горком партии. У входа собралось много народу. Люди улыбаются, протягивают мне цветы.

Я глубоко взволнован неожиданной встречей, устроенной мне земляками.

Из Шостки еду на автомашине в Ображеевку. Не одну сотню раз проходил я этой дорогой в годы ученья!

Маленьким показалось мне родное село. Подъезжаю к сельсовету. Меня уже ждут, собрались все односельчане, вся моя родня. Ищу глазами сестру Мотю. Вот она — окружена ребятишками. Нехватает брата Александра: он несёт сейчас воинскую службу на Урале.

Меня целуют, обнимают — просто, от души, и я целую и обнимаю стариков, детей, всех подряд.

Кому раньше отвечать, с кем раньше поговорить? Спрашивали все разом. Ко мне пробился Максимец; теперь он секретарь партийной организации. За ним идёт мичман с боевыми медалями. Да это Гриша Вареник, мой одноклассник! А рядом с ним стоит и улыбается Ивась, из-за которого я дрался в классе. Сейчас он — счетовод в колхозе «Червоный партизан». Вот и Проня, которая повисла на кусте в тот день, когда мы чуть не потонули на разлившейся Десне.

— Да это сын Никиты Кожедуба! — говорит какой-то старик и обнимает меня.

— Ну, скажи слово нам, — раздаётся со всех сторон.

Поднимаюсь на маленькую трибуну. Оглядываю лица односельчан, взволнованные, радостные. Вспоминаю отца, Сергея Андрусенко, вспоминаю своих товарищей, командиров, бои за освобождение Родины. И я говорю об этом, говорю о

могучем чувстве любви к нашей великой социалистической Родине, о своих стойких, отважных боевых друзьях.

...Прохожу по всему селу. Я — у родных могилок.

Вспомнилась мать, её сдержанная ласковость, забота о детях. Вспомнилось, как отец хотел обучить меня ремеслу, с какой радостью носил мои детские смешные рисунки по знакомым, мечтал, что я стану художником, и как он горд был моими победами во время войны. Как бы порадовался он сейчас нашей встрече...

Долго пробыл я у могилы родителей. В стороне, сняв шапки, стояли мои односельчане: они понимали, что мне хочется побыть одному со своими мыслями.

Подхожу к ним, и мы шагаем по широким знакомым улицам.

Не верю глазам: навстречу идёт Нина Васильевна, а за ней пионеры с цветами. Она такая же, как прежде, только поседела и на лбу сеточка морщин. Крепко пожимаем друг другу руку. Она рассказывает, что учительствует в другой деревне и приехала со своими учениками, чтобы повидаться со мной. Вместе входим в класс. Какой же он, оказывается, крохотный! Мои маленькие односельчане чинно встают и приветствуют нас.

А вот и моя парта. За ней стоят две девочки с косичками, глядят на меня и несмело отвечают на мои вопросы.

Я провёл в родном селе несколько дней. Был на полях, на лугах у Вспольного, где когда-то пас телят, прошёлся вдоль березняка у гати — любимого места отца.

По вечерам, когда в притихшем селе раздаются песни девушек, долго беседую с односельчанами. Они делятся своими планами, радуются, что Ображеевка, пережившая гнёт немецко-фашистской оккупации, уже оправилась. Рассказывают о том, как работает «Червоный партизан», о своём мирном, созидательном труде.

Накануне моего отъезда в колхозном тенистом саду мне устроили торжественные проводы. Столы под яблонями были

уставлены яствами. Вокруг собрались колхозники «Червоного партизана».

Первую здравицу провозглашают за творца всех наших побед — великого Сталина. Звучит громкое и дружное «ура». Потом старейший односельчанин, Пономаренко, важно и степенно говорит:

— Привет тебе, Иван Никитович, от колхоза «Червоный партизан». Жаль, что твоего папаши, Никиты Илларионовича, уже нет. Порадовался бы он на тебя. Спасибо любимому товарищу Сталину, спасибо Советской Армии за то, что вырастили тебя, нашего земляка!

Мы долго сидим под яблонями за дружеской застольной беседой. Я рассказываю о боевых делах советских лётчиков, о друзьях-товарищах. Смеркается. Становится свежо, но расходиться по домам не хочется.

Рано утром взлетаю с маленького аэроклубовского аэродрома.

Шесть лет назад я впервые поднялся отсюда в воздух, и с тех пор моя жизнь связана с авиацией.

Я лечу в столицу, чтобы совершенствовать своё военное и лётное мастерство, приобретать новые знания. Широкий путь открыт передо мной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

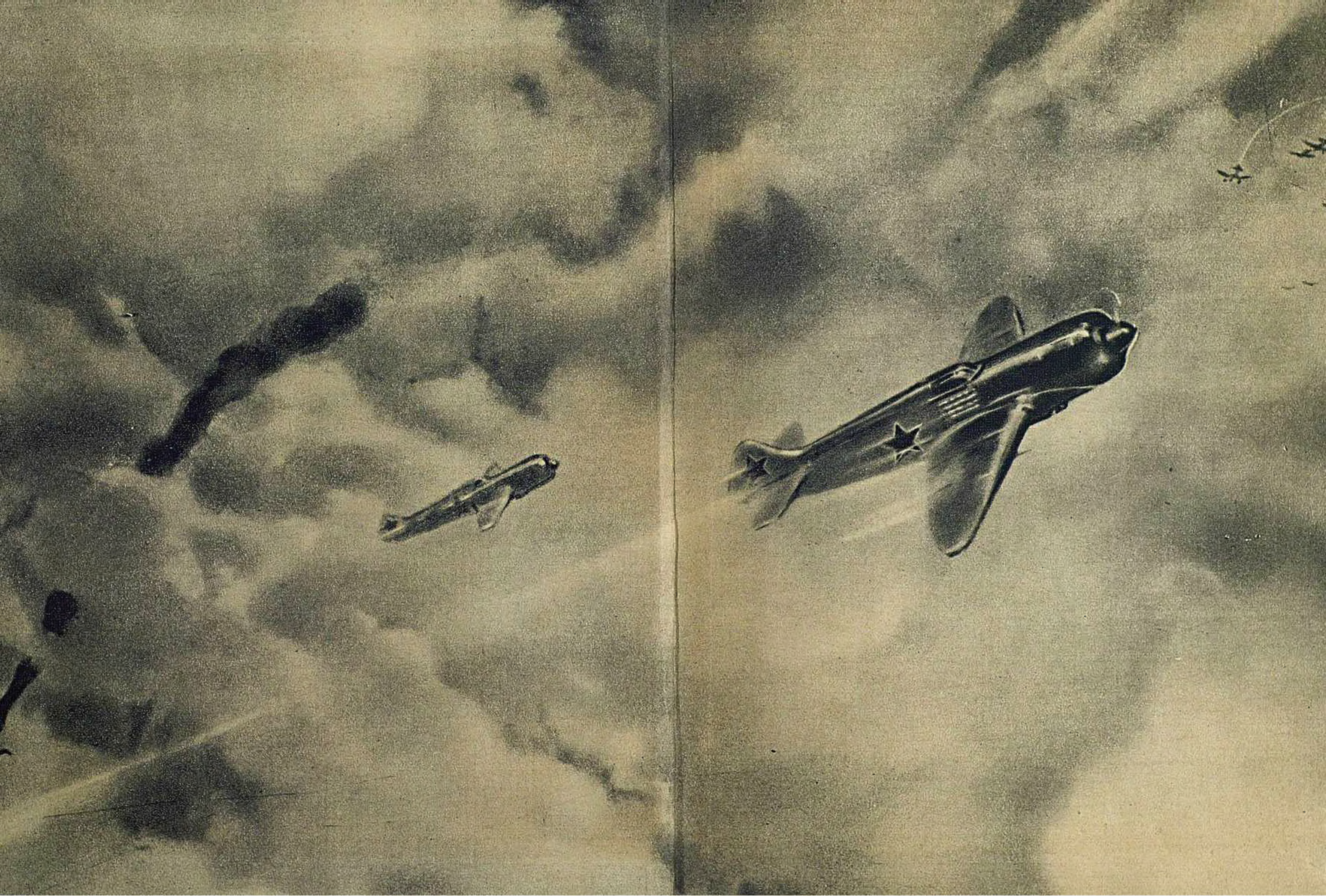
Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы об этой книге по адресу: Москва 47, ул. Горького, д. 43, Дом детской книги.

ДЛЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. Каримова. Художественный редактор П. Суворов. Технический редактор Н. Самохвалова. Корректоры Е. Кайрукштис и Е. Трушковская.

Сдано в набор 27/I 1950 г. Подписано к печати 22/III 1950 г. 13 п. л. + 1 вклейка. (9,55 уч.-изд. л.). 20 300 зн. в печ. л. Тираж 75 000 экз. А02252. Цена 5 руб. Заказ № 159.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

5 руб.